
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History); K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. B. Agnes (Hungary); PhD. R. Pop (Romania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)
Peer-reviewed by: Ph D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVIII: сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 106 с.

Восемнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен **Лидии Григорьевне Скородумовой**, видному российскому монголоведу, доктору филологических наук, члену Союза писателей России, лауреату премий Союза писателей, Союза переводчиков, Союза журналистов Монголии, почетному члену Академии гуманитарных наук Монголии, почетному профессору Института «Тугээмэл». Л. Г. Скородумова награждена медалью «200 лет МИД России», дипломами Росзарубежцентра России за укрепление российско-монгольской дружбы, медалью Союза писателей Монголии «За вклад в литературу», Орденом Монголии «Полярная звезда».

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общесторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The eighteenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to Lidia Grigorievna Skorodumova, an outstanding Russian mongolist, doctor of philology, member of the Russian Union of Writers, winner of the Writers' Union Award, member of the Confederation of Mongolian journalists, honorary member of Mongolian Academy of Humanities, honorary member of the "Tugeemel" Institution. Lidia Grigorievna Skorodumova is awarded with the «200th anniversary of the Russian Foreign Office» medal, diplomas of «Roszarubezhcentr» organization for the strengthening of the Russian-Mongolian friendship, medal of the Union of Mongolian Writers «For Great Contribution to Literature», «Polar star» medal of Mongolia.

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 06.03.2017. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 1/4 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2017
© Институт восточных рукописей РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

Contents

Lidia Grigorievna Skorodumova — Creator of her own Destiny (by <i>I. V. Kulganek</i>)	6
List of L.G. Skorodumova's Publications	10
Greetings from Friends and Colleagues	17
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
A. I. Andreev. The Materials about the Expedition Activity of P. K. Kozlov in the Archives of the Royal Geographical Society of London	21
R. M. Valeev. Missionary Oriental Studies in Kazan and studying of the Mongolian speaking Peoples (XIX th —the beginning of the XX th centuries)	30
I. V. Erofeeva. Oirat Buddhist Monasteries in the Seven Rivers region (mid XVII th —mid XVIII th centuries)	35
A. V. Popov. Mongolian official Document dated back from the XIX century about the Employees hired for a fee in the Qing state-owned Croplands	49
PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
L. S. Dampilova. Shaman Materials in funds of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy	62
A. V. Zorin. A bundle of Manuscripts in Tibetan from Kalmykia on the XVIII th century russian Paper kept at the IOM RAS	67
I. V. Kulganek. On the Question of the Mongolian Paremiyas	75
O. A. Sapozhnikova. Literary tale by S. Buyannemekh	79
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS	
T. I. Yusupova. «A big Collaboration with Mongolia is planned»: to the History of the Foundation of the Mongolian Commission under the USSR's Government.	82
REVIEWS	
V. Yu. Zhukov. Review of: «Z. K. Kasyanenko — Teacher and Mongolist»: Materials of International Conference, devoted to the 90 th birthday of Russian Mongolist Z. K. Kasyanenko. Saint-Petersburg. September 30—October 1, 2015. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2016	90
R. Yu. Pochekaev. Review of: <i>Dugarova C. Zh.</i> Mongolian Historiography of the state and law (XIII—beginning XIX century): monograph. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2016. 332 p.	91
L. G. Skorodumova. Review of: <i>Gombodzhavyn Mend-Ooyo.</i> Shiliin Bogd. The Novel. Ulaanbaatar, 2015. 254 p.	94
B. B. Mandzhieva. The Third International Conference: «„Dzangar“ and epic Traditions of Turko-Mongolian Peoples: problems of preservation and research» (Elista, September 15—16, 2016)	95
TRANSLATIONS	
B. Bayarsaikhan The Heir (translated from Mongolian by A. Solovyova)	98
V. Inzhinash. Red Chamber of Tears. The Novel. Chapter one (Translated from Classical Mongolian by L.G. Skorodumova)	100
Information about the authors.	105

Лидия Григорьевна Скородумова

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы

Лидия Григорьевна Скородумова, видный российский монголовед, доктор филологических наук, член Союза писателей России, лауреат премий Союза писателей, Союза переводчиков, Союза журналистов Монголии, почетный член Академии гуманитарных наук Монголии, почетный профессор Института «Тугээмэл». Награждена медалью «200 лет МИД России», дипломами Росзарубежцентра России за укрепление российско-монгольской дружбы, медалью Союза писателей Монголии «За вклад в литературу», орденом Монголии «Полярная звезда».

Профсоюзная делегация. Л. Г. Скородумова первая слева в первом ряду. 1973 г.

О Лидии Григорьевне Скородумовой, российском ученом-монголоведе, переводчике, преподавателе, дипломатическом работнике, организаторе науки и учебного процесса в высших учебных заведениях, человеке с лучистыми глазами, открытой душой и распахнутым сердцем, писать легко и приятно. В ней удачно соединились прекрасные профессиональные и личные качества.

В 2017 г. мы отмечаем семидесятилетний юбилей Л. Г. Скородумовой, ученого и дипломата.

Пожалуй, нечасто два человека могут десятилетиями идти по жизни, не омрачая свои отношения разговорами и недоговоренностями. Наши отношения были именно такими — на протяжении всей жизни нас связывает лишь взаимная помощь и радость общения.

Лидия Григорьевна Скородумова родилась 7 февраля 1947 г. в г. Северодвинске Архангельской области. Устои традиционной патриархальной семьи способствовали формированию её сильного, волево-

го характера, что в дальнейшем позволило ей смело принимать непростые решения, менять сферу занятий, уверенно идти по жизни.

С 1976 по 2016 г. ею издано более 200 научных статей, рецензий, переводов научных и художественных текстов с монгольского языка¹.

МГИМО. Л. Г. Скородумова со студентами, будущими дипломатами. 1990 г.

До поступления в 1967 г. на Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова у нее уже была специальность медицинской сестры, что поднимало ее в глазах одноклассников и наложило отпечаток на мои с ней отношения. Образ старшей сестры и подруги всегда со мной. В 1972 г. она закончила отделение монгольской филологии по специальности «монголовед-филолог» и сразу поступила переводчиком в Высшую комсомольскую школу в Москве при ЦК ВЛКСМ (ВКШ), где проработала до 1985 г., совмещая работу в Школе с переводческой деятельностью в Секретариате СЭВ в Москве. В составе ВКШ были различные факультеты, на которых изучалась история комсомола, преподавалось коммунистическое воспитание, методы комсомольской работы. Для выпускника Восточного факультета Ленинградского университета, где основными предметами были старомонгольский язык, введение в монгольскую филологию, этнография, история монгольских народов с древнейших времен, монгольская литература, теоретическая грамматика монгольских языков, работа переводчика общественных дисциплин была крайне

¹ См. ниже список работ Л. Г. Скородумовой.

трудным делом. Лидия Григорьевна отдала этой деятельности более 10 лет. За время работы в ВКШ она стала прекрасным переводчиком-практиком. Природное языковое чутье и богатая практика и помогли ей вырасти в классного синхрониста-переводчика, стать тонким знатоком живого монгольского языка, разбирающимся в этимологии монгольских слов, чувствующим оттенки значений синонимов. Были налажены деловые и дружеские контакты со многими монгольскими специалистами, ставшими впоследствии лидерами монгольского государства.

На встрече С. К. Шойгу с Н. Багабанди. Монголия. 1997 г.

В жизни Л. Г. Скородумовой особое место всегда занимала монгольская литература. Сейчас трудно сказать, было ли увлечение монгольской литературой результатом общения с приезжавшими в ВКШ по комсомольской линии монгольскими писателями, с которыми молодая переводчица объездила почти всю советскую страну, или интерес к писателям возник на почве ранее появившегося интереса к литературе. Среди друзей Лидии Григорьевны и теперь много монгольских писателей, с которыми поддерживается самая живая связь. Она стала одним из самых востребованных переводчиков монгольской художественной литературы, переводила рассказы С. Удвал, С. Эрдэнэ, Л. Тудэва, Д. Гармы и многих других современных писателей.

Затем Л. Г. Скородумова обратила внимание на большие прозаические жанры монгольской литературы. Для написания кандидатской диссертации она выбрала произведение монгольского писателя конца XIX в. В. Инжинаша «Одноэтажный павильон», являющееся авторской переработкой китайского сюжета. В. Инжинаш сделал этот роман фактом монгольской национальной литературы, а благодаря Лидии Григорьевне он стал известен русскому читателю. В дальнейшем ею был переведен и другой роман этого автора — «Палата красных слез».

Защита Л. Г. Скородумовой кандидатской диссертации на тему «Монгольский бытовой роман XIX века» состоялась в 1981 г. в Москве. Тема монгольского романа была продолжена исследователем.

В 1995 г. в Институте языка и литературы Монголии она успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Эволюция монгольского романа». В 2002 г. вышла написанная на основе диссертации монография «Драгоценные четки. Монгольский роман. Эволюция жанра». В этой работе автор рассматривает теоретические проблемы эволюции жанра в монгольской литературе, взаимодействие романа с другими видами и формами монгольской литературы, влияние фольклора на авторское писательское творчество и связи с соседними литературами. Говоря о жанрах, являвшихся предтечей современного монгольского романа, она большое внимание уделяет истории развития монгольской литературы, подробно останавливается на принятых в средневековой монгольской традиции обозначениях повествовательных жанров: *тууж*, *намтар*, *тууль*, *цадиг*, *товчоо*, *эрх*, *шастир*, *судар*, *дэвтэр*, *үлгэр*. Касаясь проблемы взаимодействия фольклорных и литературных связей, совершенно верно отмечает, что на всех этапах развития монгольской словесности народное поэтическое творчество питало литературу. Монгольские авторы интенсивно используют фольклорные мотивы, конструктивные и стилистические приемы, символику и метафорику устного народного творчества. Наиболее подробно Л. Г. Скородумова останавливается на поэтике творчества наиболее значимых писателей Монголии XIX в. — братьев: В. Гулрансы, В. Гунначуга, В. Инжинаша.

Л. Г. Скородумова с Ч. Билигсайханом. 2000 г.

Существенными являются ее наблюдения над развитием в современной Монголии романного жанра, который, по замечанию автора, как всякое живое явление, постоянно видоизменялся. Впитывая черты иных жанровых образований, он принимал различные формы. Лидия Григорьевна отмечает появление в монгольской литературе исторического, политического, интеллектуального, социально-бытового, приключенческого, философского романа, романа-памфлета, романа-биографии, романа-эссе (Скородумова С. Г. Драгоценные четки. Монгольский роман. Эволюция жанра. Улаанбаатар, 2002. С. 114). Самостоятельную ценность в монографии имеют приложения.

В первом из них даются выходные данные 228 монгольских романов, вышедших в свет в Монголии. Во втором представлена обширная библиография, включающая 225 научных работ. Всего Л. Г. Скородумовой написано пять монографий и более 200 научных статей. Основной ее научный интерес всегда был направлен на монгольскую литературу, на процессы, происходящие в авторском литературном и народном поэтическом творчестве, на традиционную культуру во всех ее проявлениях, будь то новейшие поэтические течения, возрождение буддизма в стране или возникновение шаманских организаций, движение за традиционное воспитание молодежи.

Ёлын ам. Южногобийский аймак. Монголия. 2005 г.
Слева направо: Ж. Саруулбуян, неизвестное лицо,
С. Байгалсайхан, Ч. Дагвадорж, Л. Г. Скородумова,
Х. Суглэгмаа

Свою научную деятельность Л. Г. Скородумова успешно сочетает с преподавательской. Более тридцати лет она преподает в различных высших учебных заведениях монгольский язык и монгольскую литературу. В 1985—1994 гг. она работала преподавателем монгольского языка в Академии внешней торговли и Дипломатической академии МИД России; в настоящее время является профессором кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета в Москве. Она автор пяти учебников монгольского языка. Ее хрестоматией пользуются в настоящее время российские и монгольские студенты.

Первый учебник монгольского языка Л. Г. Скородумовой вышел в 1989 г. (*Скородумова Л. Учебник монгольского языка. Ч. 1, 2. М., 1989*). Он был издан на кафедре восточных языков Дипломатической академии МИД СССР и состоял из двух частей. В каждой части было десять уроков. Урок включал в себя одну тему. В первой части были собраны тексты на бытовые темы, во второй — социально-политические. В 1996 г. в Улан-Баторе появляется ее новый учебник, который содержит в себе коммуникативно ориентированные материалы (*Скородумова Л. Г. Учебник монгольского языка (Практический курс). Улан-Батор, 1996*). Материалы в нем также разбиты на

уроки, и каждый из них содержит текст, диалог, словарь, упражнение, грамматику. Наличие данных блоков делает учебник ценным пособием для тех, кто изучает монгольский язык самостоятельно. Недавно Институт восточных культур и античности РГГУ была издана «Практическая грамматика монгольского языка» (*Скородумова Л. Г. Практическая грамматика монгольского языка. М., 2012*). Этот учебник предназначен для студентов-востоковедов и ориентирован на углубленное изучение и совершенствование монгольского языка. Он имеет разделы, посвященные фонетике, морфологии, синтаксису, лексике и ставит целью активизацию и интенсификацию студентами изученного грамматического и лексического материала.

Л. Г. Скородумовой принадлежит «Хрестоматия по истории и культуре Монголии», чрезвычайно полезный и необходимый для изучающих монгольский язык и Монголию труд, который можно назвать «Кратким сводом знаний по Монголии». В Хрестоматию, составленную по энциклопедическому принципу, вошли тексты, рассказывающие о многообразной монгольской культуре — о столице Монголии, становлении монгольской государственности, походах Чингис-хана, российско-монгольских отношениях. Один раздел посвящен национальным традициям, обычаям, обрядам, цветовой символике, праздникам. Часть текстов посвящена буддизму. Имеются также жизнеописания известных личностей, сыгравших видную роль в истории Монголии.

Перейдя в декабре 1994 г. на дипломатическую работу — сначала в должности пресс-атташе, затем атташе по культуре, а с 2000 по 2005 г. — в должности первого секретаря Посольства России в Монголии, Л. Г. Скородумова вела большую работу по укреплению культурных российско-монгольских контактов, так необходимых для России в то непростое политическое время, когда рушились наработанные десятилетиями научные и культурные связи и контакты. За это время она объездила по степным дорогам почти всю Монголию — от самых ее западных аймаков до южных гобийских пустынь. Л. Г. Скородумова организовывала встречи с творческой интеллигенцией, фестивали, концерты, конкурсы, проводила научные конференции. В 1996 г. по ее инициативе и при поддержке президента Монгольской академии Чадры с целью подготовки абитуриентов для поступления в российские ВУЗы было создано подготовительное русское отделение при Уланбаторском университете, просуществовавшее несколько лет. Для преподавания были приглашены русисты из разных российских школ. Это отделение, несомненно, сыграло положительную роль в деле поддержания интереса к русскому образованию.

За успехи в дипломатической работе Л. Г. Скородумова награждена медалью «200 лет МИД России».

В июне 1990 г. мне довелось участвовать с Лидией Григорьевной в фольклорной экспедиции, организованной Институт языка и литературы Монгольской академии наук (ИЯЛИ МАН), директором

которого в то время был Д. Ёндон, бывший докторант Сектора тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Возглавлял экспедицию сотрудник ИЯЛИ МАН, ведущий фольклорист Монголии Х. Сампилдэндэв, ставший позже директором Института. Членами отряда были сотрудник ИЯЛИ МАН Д. Ульзийбатар и доцент Кобдоского педагогического института Б. Кату (научный сотрудник ИЯЛИ МАН). Водителем был Баясгалан. На всю жизнь остались в памяти несколько недель, проведенные в поездках по сомонам Кобдоского аймака. Мы встречались с исполнителями монгольских песен, вели с ними беседы о жизни, расспрашивали об интересных событиях, а на закате дня слушали волнующие протяжные монгольские песни — о коне, о любимой родной степи. Они звучали каждый раз по-новому, в зависимости от имеющейся в арсенале монгольских певцов исполнительской манеры — «восхваления», «плача», пения «горлового» или «высокого». Песни, звучавшие в своей родной стихии, производили на нас чрезвычайно сильное впечатление. Лавина звуков улетала в горы и возвращалась с почти не затухающей экспрессией. Моя подруга была всегда со мной, и только благодаря ее уверенности и постоянному одобрению я смогла после ее отъезда в Улан-Батор набраться смелости и начать самостоятельно общаться с художниками² монголами, тогда как ее общение в худоне с местными людьми было свободным, легким и доброжелательным. Лидию Григорьевну интересовали во всем не только общие сведения, большое значение она придавала деталям, частностям. Перед встречей она ставила себе целью получить от информантов ответы на вопросы, содержащиеся в предварительно подготовленном ею списке. Часто общение превращалось в часовые беседы. Информанты быстро переставали чувствовать себя с ней напряженно, начинался непринужденный разговор заинтересованных собеседников. Это касалось всех групп людей — от школьников, прибегавших к нам стайками, рядовых исполнителей и исполнителей до именитых певцов-рапсонов, как например, Авэрмэд из Кобдо.

В настоящее время Л. Г. Скородумова работает над проблемами монгольской литературы. Она пишет историю монгольской литературы, составляет словарь метафор, переводит афоризмы современных писателей. И опять сочетает научную работу с преподаванием монгольского языка. Ее дом по-прежнему открыт для учеников, коллег и друзей. Являясь

авторитетным знатоком монгольского менталитета, культуры, она всегда находится в курсе новейших событий, происходящих в культурной и политической жизни Монголии. Душа и сердце ее полны Монголией.

Л. Г. Скородумова с Т. Д. Скрынниковой и И. Шимой.
Карловы Вары. Чехия. 2016 г.

В 2006 г. за заслуги перед Монголией она была награждена самой высокой наградой Правительства Монголии, предусмотренной для иностранных деятелей, — орденом Монголии «Полярная звезда».

Редакционная коллегия журнала «Монголика», членом которой является Лидия Григорьевна, поздравляет юбиляра и желает ей процветания, хорошего здоровья, радостного осознания своих достижений и заслуг перед Отечеством и Монголией. Многие ей лета!

И. В. Кульганек

² Х у д о н (монг.) — провинция.

Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой

1976

1. Скородумова Л. Г. Об использовании китайских источников в романе монгольского писателя В. Инжинаша «Одноэтажный павильон» // Теоретические проблемы литератур стран Дальнего Востока. М. С. 78—81.

2. Скородумова Л. Г. Система жанров монгольской свадебной поэзии // История восточных культур: сб. науч. ст. М.: Изд-во МГУ. С. 76—81.

1978

3. Дашидондог Ж. Юные сухэбаторцы / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой. М.: Изд-во «Молодая гвардия».

4. Скородумова Л. Г. О связях монгольского и китайского романов // Теоретические проблемы литератур стран Дальнего Востока: сб. М. С. 168—175.

5. Эрдэнэ С. Последний полет. Мелодия шандзы. Камень в сердце. Одиночество / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Журнал «Иностранная литература». М. № 3. С. 12—15, 20—25.

1979

6. Скородумова Л. Г. Символика стрелы в свадебном обряде монголов // Литература двух континентов: сб. науч. ст. М.: Изд-во МГУ. С. 57—62.

7. Эрдэнэ С. По синему небу плывут облака / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Побратимы Халхингола. М.: Изд-во «Правда». С. 53—58.

8. Цэдэв Д. Жеребенок / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Побратимы Халхингола. М. С. 121—123.

9. Хасбатор Ц. Развитие реализма в современной монгольской литературе / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Новые горизонты. М.: Изд-во «Прогресс». С. 110—116.

10. Удвал С. Правда жизни, правда искусства / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Новые горизонты. М.: Изд-во Прогресс. С. 255—257.

11. Жамсаранжав Г. Некоторые вопросы развития современного романа / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Новые горизонты. М.: Изд-во «Прогресс». С. 236—245.

12. Тудэв Л. Алеша / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Побратимы Халхингола. М. С. 242—246.

1980

13. Скородумова Л. Г. Изучение творчества Инжинаша в советском и зарубежном монголоведе-

нии // Теоретические проблемы литератур стран Дальнего Востока: сб. М. С. 207—212.

14. Скородумова Л. Г. Человек и природа в творчестве монгольского писателя Инжинаша // Материалы науч. конф. ГМИНВ: сб. М. С. 164—167.

15. Скородумова Л. Г. Китайские традиции в романе Инжинаша «Одноэтажный павильон» // Литературные связи Монголии. М.: Наука. С. 315—326.

16. Скородумова Л. Г. О писателе прошлого века // Соёл урлаг. № 3. Улан-Батор. С. 36—39 (на монг. яз.).

17. Эрдэнэ С. Пора счастья / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Солнечный журавль. М.: Изд-во «Прогресс».

18. Эрдэнэ С. Годовщина / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Солнечный журавль. М.: Изд-во «Прогресс».

1981

19. Скородумова Л. Г. Монгольский бытовой роман XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. С. 22.

20. Скородумова Л. Г. Изобразительные средства бытовых романов Инжинаша «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез» и их символика // Конференция «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии». М. С. 86—88.

21. Галл Ж. Голубой архар / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Рассказы монгольских писателей. Улан-Удэ. С. 166—170.

22. Гэлэгбалсан Б. Как у неба просили дождя; Данзанванджил И. Золотое поучение гэгэна из монастыря Гунгийн дзуу; Хишигбат Р. Стихи об Ушинхошуне / подстрочный пер. Л. Г. Скородумовой // Из монгольской поэзии XX века. М.: Изд-во «Художественная литература».

23. Скородумова Л. Г. Предисловие // Смысл прошлого и настоящего. М.: Молодая гвардия.

1982

25. Скородумова Л. Г. Роман Инжинаша «Палата красных слез». Некоторые особенности жанра // Теоретические проблемы литератур стран Дальнего Востока: сб. М. С. 215—223.

26. Скородумова Л. Г. Язык и стиль монгольских бытовых романов // Рериховские чтения: сб. СО АН

СССР, Бурятский ин-т обществ. наук. Новосибирск: Наука. СО. С. 6.

27. *Мягмар Д.* Рассказы: Сто ягнят и девочка / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // С. Эрдэнэ, Д. Мягмар. Избранное. М.: Изд-во «Радуга». С. 436—452.

28. *Шагдар Ж.* Повесть «Невестка» / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Повести монгольских писателей. Серия «Библиотека монгольской литературы». М.: Худож. лит. С. 360—392.

29. *Инжинаш В.* «Одноэтажный павильон». Роман / пер. со старомонг. Л. Г. Скородумовой // Восточный альманах. М.: Худож. лит. С. 281—480.

1983

30. *Барамсай Ж.* Жду ответа. Сила воображения / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Журнал «Иностранная литература». № 9. С. 23.

1984

31. *Скородумова Л. Г.* К вопросу национальной традиции в современной монгольской литературе. Материалы Всесоюз. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова. М.

32. *Скородумова Л. Г.* Сюжетно-композиционные особенности романа «Палата красных слез» // IV Международный конгресс монголоведов: сб. докладов. Улан-Батор.

33. *Скородумова Л. Г.* Современная монгольская литература для детей и юношества // Современная художественная литература за рубежом. № 3.

34. *Галл Ж.* Голубой архар / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Рассказы монгольских писателей. Серия «Библиотека монгольской литературы». М. С. 93—97.

1985

35. *Скородумова Л. Г.* Элементы буддийского влияния и новаторство в трактовке женских образов бытовых романов Инжинаша // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск. С. 57—64.

36. *Скородумова Л. Г.* Литературно-художественная критика на страницах монгольской печати // Современная художественная литература за рубежом: сб. ИНИОН. № 2. С. 63—65.

37. *Гарма Д.* Рассказы: Первые шаги; Жеребенок; Волчье логово; Перевал Тэнгэр-уул; Сто тугриков; Перевал; Антилопа; Добрый знакомый; Тола и Тамир; Пестрый платок; Красная книжка; Самородок; Обвал / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Первые шаги. Библиотека журнала «Иностранная литература». М.

1986

38. *Скородумова Л. Г.* Функциональное значение стихов в романах В. Инжинаша «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез» // Mongolica. Па-

мяти академика Б. Я. Владимирцова (1884—1931): сб. М. С. 97—109.

1987

39. *Скородумова Л. Г.* Элементы сатиры в творчестве Инжинаша // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор. С. 246—251.

40. *Скородумова Л. Г.* Сюжетные особенности романа Инжинаша «Синяя книга» // V Международный конгресс монголоведов: сб. докладов. Улан-Батор.

41. *Скородумова Л. Г.* Образ молодого человека в монгольской литературе последних лет // Реферативный журнал ИНИОН. М. С. 167—176.

42. *Жаргалсайхан С.* Сын горы; Старший сын; Дорлиг; Нить любви / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Голоса молодых. М.: Изд-во «Радуга».

43. *Галсан Ч.* Повесть грозных лет / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Голоса молодых. М.: Изд-во «Радуга».

44. *Пурэв С.* Рассказы: Старик и девушка; Светлое утро, здравствуй! / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Писатели Монголии о молодежи. М.: Изд-во «Молодая гвардия».

45. *Пурэвсүрэн П.* Месть / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Писатели Монголии о молодежи. М.: Изд-во «Молодая гвардия».

46. *Эрдэнэ С.* Белый жеребенок сновидений / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Библиотека журнала «Молодая гвардия». М.

1988

47. *Скородумова Л. Г.* Монгольская проза крупных жанров последнего десятилетия // Современная художественная литература за рубежом. № 6. М. С. 159—163.

48. *Тудэв Л.* Первый год республики: политический роман / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой. Улан-Батор.

49. *Лочин С.* О рукописях Д. Нацагдоржа; *Жамсаранжав Г.* Первое знакомство с русской литературой; *Дашибалбар О.* Сокровище чандамань, спрятанное в золотых песках; *Хурэлбаатар Л.* Великое хранилище сокровищ; *Сандагдорж Д.* Искусство книги — зеркало культуры; *Пурэв Ж.* Ответы на анкету АБ; *Дашибалбар О.* Обновление, или Продолжение жизни; *Дашибалбар О.* Всадник, или Пурэвжалын Пурэвсүрэн; *Мунх Ц.* О судьбе одной важной книги; Коротко о книге «Свод изящных слов»; *Цэрэнсодном Д.* Памятники монгольской литературы из Турфанской коллекции (исторический очерк) / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Альманах библиофила. Книга Монголии. М.

50. *Галсан Ч.* Повесть грозных лет / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Голоса молодых. Поэзия и проза. Библиотека монгольской литературы. М.: Изд-во «Радуга». С. 238—267.

51. *Жаргалсайхан С.* Старший сын; Нить счастья; Дорлиг; Простая душа; Сын горы / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Голоса молодых. Поэзия и

проза. Библиотека монгольской литературы. М.: Изд-во «Радуга». С. 285—317.

1990

52. *Скородумова Л. Г.* Творчество Ванчинбалын Инджинаша в контексте монгольской литературы XIX века // Хэл зохиол судлал. Т. 24. Улан-Батор. С. 79—86.

53. *Скородумова Л. Г.* Хрестоматия по страноведению. Тексты на монгольском языке. Упражнения. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия».

1991

54. *Скородумова Л. Г.* Учебное пособие по старописьменному монгольскому языку. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия». 21 с.

55. *Скородумова Л. Г.* К проблеме эволюции монгольского романа (традиции и новаторство) // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии: сб. ст. М. С. 162—167.

56. *Скородумова Л. Г.* Критика в творчестве Инджинаша // Bulletin. The IAMS News information on Mongol Studies. № 1 (7). Ub. С. 59—63.

1992

57. *Скородумова Л. Г.* Модель мира и человек в монгольской поэзии // Материалы VI Междунар. конгресса монголоведов. Улан-Батор. С. 148—155.

58. *Скородумова Л. Г.* Организация ритма в монгольской художественной прозе // Mongolica. An international annual of Mongol studies. Vol. 2 (23)—3 (24). 1991—1992. С. 172—184.

59. *Скородумова Л. Г.* Жаргалын тургэн зовлонгийн удаан. Намрын салхи. Стихи / пер. со старомонг. Л. Г. Скородумовой // газета «Зохист аялгуу». № 16 (на монг. яз.).

60. *Инжинаш В.* Палата красных слез: роман // Байкал. № 3, 4. Улан-Удэ.

1994

61. *Скородумова Л. Г.* Тайны монгольской астрологии // Наука и религия. № 12. М. С. 44—47.

1995

62. *Скородумова Л. Г.* Монгольский роман. Эволюция жанра: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Батор. Академия наук Монголии.

63. *Скородумова Л. Г.* Жангарын туульд хийсэн зарим ажиглалт (Некоторые наблюдения над эпосом «Жангар») // Аман зохиол судлал. Улан-Батор. Т. 19. С. 108—110 (на монг. яз.).

64. *Скородумова Л. Г.* Стихия огня и представления древних монголов о душе // Владимирцовские чтения-III: Доклады и тезисы всероссийской научной конференции (Москва, 25—26 октября). М. С. 107—112.

1996

65. *Скородумова Л. Г.* Учебник монгольского языка. Улан-Батор. 250 с.

66. *Скородумова Л. Г.* Путевые заметки. Оюун билгийн ширгэшгүй далай // Новости Монголии. Газета. 30 января.

1997

67. *Чоймаа Ш., Скородумова Л. Г.* Учебник старописьменного монгольского языка. Улан-Батор. 59 с.

68. *Скородумова Л. Г.* Монгольская литература на рубеже тысячелетий // Mongolica-V. СПб.

69. *Скородумова Л. Г.* Поэтика смутного времени: о некоторых тенденциях в современной монгольской литературе // Литературная учеба. № 3. М. С. 199—207.

70. *Скородумова Л. Г.* О некоторых параллелях в творчестве Д. Нацагдоржа и Д. Равжи // Уран зохиол судлал. Улан-Батор. С. 54—58.

71. *Эрдэнэ С.* Русские и мы; *Лхагва Ж.* Мы победили?; *Цэрэнжамц И.* Мадам Чогжма и бизнес / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Литературная учеба. № 3. М. С. 207—221.

1998

72. *Скородумова Л. Г.* Учебник монгольского языка для слушателей II-го курса. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия». 182 с.

73. *Скородумова Л. Г.* Образ времени в монгольском эпосе // Тов Азийн тууль. Материалы симпозиума. Улан-Батор. С. 128—129.

74. *Скородумова Л. Г.* О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе // Mongolica-IV. СПб. С. 76—80.

75. *Скородумова Л. Г.* Инээд хөөр, гуниг зовлон, хайр сэтгэл (И смех, и слезы, и любовь): Рец. на спектакль // Ням гариг. Газета. 5 апреля. С. 5 (на монг. яз.).

76. *Скородумова Л. Г.* Цагаан харыг буу нэрлэгтун (Черного и белого не называть)... эссе // Өнөөдөр. Газета. 25 апреля (на монг. яз.).

2000

77. *Скородумова Л. Г.* Введение в старописьменный монгольский язык: Учебное пособие. М.: Изд-во «Муравей». 67 с.

78. *Скородумова Л. Г.* Монгольская словесность в Китае // Общество и государство. Материалы Тридцатой науч. конф. М. С. 188—194.

79. *Скородумова Л. Г.* Художественная культура Монголии в условиях новых политических реалий // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции. М. С. 116—123.

80. *Скородумова Л. Г.* О роли письменности в государственной политике (на примере Монголии) // Дипломат. Иностранный язык и современность. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия». С. 86—88.

81. *Скородумова Л. Г.* Семантический анализ ассоциативных связей в языковой картине мира (на материале монгольского языка) // Особенности преподавания языков стран Востока. Материалы круглого стола. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия». С. 80—91.

2001

82. *Скородумова Л. Г.* Стихия огня и представления древних монголов о душе // Dialog among Civilisation: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia. Ub. С. 384—389.

83. *Скородумова Л. Г.* Символы-знаки времен года в классической монгольской поэзии // Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона. Улан-Удэ. С. 159—171.

84. *Скородумова Л. Г.* Формула Чингисхана. К вопросу преемственности традиции политической культуры монголов // Россия и АТР. № 4. Владивосток. С. 87—93.

85. *Скородумова Л. Г.* Живой камень. К 60-летию Жамбын Дашдондога // Детская литература. № 3. М. С. 112—116.

86. *Дашдондог Ж.* Юрта / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Детская литература. № 3. М. С. 112—116.

87. *Скородумова Л. Г.* Культура как фактор внешней политики Монголии // Язык. Культура. Общество: сб. ст. М.: Изд-во «Дипломатическая Академия». С. 82—94.

88. *Скородумова Л. Г.* Д. Нацагдорж, Д. Равжаа нарын уран бүтээл дэх зарим зэрэгцүүлэл // Уран зохиол судлал. Монгол улсад шинжлэх ухааны байгууллага үүсч хөгжсний 80 жил, Хэл зохиолын хүрээлэн байгуулагдсны 40 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар. Т. 8 (XXV), fasc. 1—23. С. 76—79.

2002

89. *Скородумова Л. Г.* Учебник монгольского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Муравей». 284 с.

90. *Скородумова Л. Г.* Драгоценные четки. Монгольский роман. Эволюция жанра. Улан-Батор: Изд-во «Нэнчин». 144 с.

91. *Скородумова Л. Г.* К характеристике пространственного мышления монголов (по материалам обрядового фольклора) // Этническая культура: история и современность. Москва; Улан-Удэ. С. 82—91.

92. *Скородумова Л. Г.* Всепроницающее зеркало, управлению помогающее, и монгольский писатель XIX в. Ванчинбалын Инжинаш // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае»: сб. докладов. М. С. 232—238.

93. *Скородумова Л. Г.* О роли элиты в формировании политического центра власти в странах Азии. Владивосток // Россия и АТР. № 1. М. С. 141—147.

94. *Скородумова Л. Г.* Образ Чингисхана в современной монгольской литературе. Особенности беллетристики прозы // Тезисы докладов на 8-м Между-

народном конгрессе монголоведов 5—11 августа 2000. Улаанбаатар. С. 319.

2003

95. *Скородумова Л. Г.* Доржийн Гармаа. Намтар, уран бүтээлийн товчоон (Жизнь и творчество Доржийн Гармы). МУ ШУА. Улаанбаатар. 71 с. (на монг. яз.).

96. *Скородумова Л. Г.* Монгольский язык. Лингвострановедение: Тексты для чтения. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». 236 с.

97. *Скородумова Л. Г.* Гэгээрэхуй орчлон (Океан света): сб. ст. Улаанбаатар. МУШУА. Улаанбаатар. 151 с. (на монг. яз.).

98. Сказки и мифы Монголии / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой. Улан-Батор: Изд-во «Адмон». 141 с.

99. *Скородумова Л. Г.* Тангадын Галсангийн дорвон морт нь монголчуудын мэргэн цэцэн угийн яруу найргийн тод жишээ // Цог. № 1. Улаанбаатар. С. 114—121.

100. *Скородумова Л. Г.* Четверостишия Тангадын Галсана как образец афористической поэзии монголов // Altaica VIII. М.: Изд-во ИВ РАН. С. 179—186.

101. *Скородумова Л. Г.* Монголчуудын орон зайн сэтгэхуйн тодорхойлолтын хувьд (зан уйлийн аман зохиолын материалаар) // NOMADIC Studies. № 7. Улаанбаатар. С. 46—50.

102. *Скородумова Л. Г.* Особенности беллетристики в современной монгольской прозе // Монголика VI. СПб. С. 91—94.

103. *Скородумова Л. Г.* О роли элиты в формировании политического центра в странах Азии // МОНГУ. Олон улсын харилцаа (Международ. отношения). № 2. Улан-Батор. С. 87—97.

2004

104. *Скородумова Л. Г.* Монгольский язык: Образы мира. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». С. 321.

105. *Скородумова Л. Г.* Гэгээрэхуйн орчлон: сб. ст. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». 2-е изд. 154 с. (на монг. яз.).

106. *Скородумова Л. Г.* Монгольская астрология Дзурхай. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». 102 с.

107. *Скородумова Л. Г.* Space and time in the lingual picture of the Mongolian univers // NOMADIC Studies. № 8. Ulaanbaatar. С. 117—129.

108. *Скородумова Л. Г.* Степной ветер. О поэзии Аюурзаны // Иностранная литература. № 12. М. С. 124—128.

109. *Скородумова Л. Г.* Стихия воды в языковой картине мира монголов // Altaica IX. М.: Изд-во ИВ РАН. С. 165—173.

110. *Скородумова Л. Г.* Антон Павлович Чехов Монголд // Сб. мат. конф., посв. 100-летию А. П. Чехова. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». С. 92 (на монг. яз.).

111. *Скородумова Л. Г.* О языковой ситуации в Монголии // Полилог № 2. Государственные языки в

странах СНГ и Балтии. Статус и проблемы функционирования. Ежегодник. С. 168—172.

112. *Дашням Л.* Сон / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Новости Монголии. Газета. 20.09.2004. № 38. Улаанбаатар.

2005

113. История и культура монголов. Хрестоматия / сост., илл., коммент. Л. Г. Скородумовой. Улаанбаатар: Изд-во «Бемби сан». 259 с.

114. *Скородумова Л. Г.* Монгол сэтгэлгээ буюу утга уянгыг орчуулж болох уу? // Орчуулгын онол практикийн асуудал. Улаанбаатар: Изд-во МонГУ. С. 44—49 (на монг. яз).

2006

115. Обычаи монгольского народа / сост., ред. Л. Г. Скородумовой. МОНЦАМЭ. Улан-Батор.

116. *Скородумова Л. Г.* Неотрадиционализм в монгольской культуре XXI в. // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8—12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М. С. 148—150.

117. *Скородумова Л. Г.* Современный литературный процесс в Монголии: основные тенденции развития // Владимирцовские чтения V. Доклады Всероссийской науч. конф. (Москва, 16 ноября 2005 г.). М. С. 200—209.

118. *Скородумова Л. Г.* Названия солнца в монгольском языке в связи с солярным мифом // Доклады на конф. СПбГУ, посв. 150-летию Восточного факультета СПбГУ. СПб.

119. *Скородумова Л. Г.* Монголын сонгодог яруу найргийн улирлын өнгө төрхийг дүрслэх тэмдгүүд // Цог. Д. Нацагдоржийн 100 жилийн ойд. № 3. Улаанбаатар. С. 18—23.

2007

120. *Скородумова Л. Г.* Рец. на: Россия—Монголия—Китай. Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830—1831 / подгот. к изд., предисл., глосс., коммент. и указ. Р. М. Валеев, И. В. Кульганек; отв. ред. А. Д. Цендина. Казань; Санкт-Петербург: Изд-во «Таглитат». 2006. 104 с. // Восток (Oriens). № 6. М. С. 171—173.

121. *Скородумова Л. Г.* Личность и общество в современной художественной литературе (на рус. и англ. яз.). [Электронный ресурс] // URL: www.apdavudov.com (дата обращения: 20.02.2017).

122. *Скородумова Л. Г.* Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдорджа (опыт реконструкции текста) // Монголика-VII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 23—31.

123. *Скородумова Л. Г.* Из истории изучения монгольской литературы в России (современный взгляд) // Altaica XII: сб. ст. и материалов. Изд. Ин-та Востоковедения РАН. М. С. 102—122.

124. *Скородумова Л. Г.* Изучение монгольской литературы в Китае (АРВМ) // XXIV Междунар.

конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». Санкт-Петербург. 10—12 апреля 2007. Тез. докл. СПб. С. 145—146.

125. *Скородумова Л. Г.* Рец. на: Л. К. Герасимович. Монгольская литература XIII—начала XX в. Материалы к лекциям. Элиста, 2006. 362 с. // Монголика-VII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 133—135.

126. *Скородумова Л. Г.* Рец. на: А. Цендина. Монгольские летописи XVII—XIX вв.: повествовательные традиции. М.: Изд-во РГГУ, 2007. 272 с. // Монголика-VII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 135—136.

127. *Скородумова Л. Г.* Жанр короткого рассказа. Вступление к переводам: *Батбаяр Д.* Караван; *Урянхай Д.* Среда обитания; *Галсан Ч.* Жизнь; *Дашзэвэг Б.* Лист; *Дашбалбар О.* Сыну Д. Гангаабаатару; *Догмид Б.* Налоговые квитанции; *Лхагва Ж.* Мы победили? / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Монголика-VII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 114—119.

2008

128. *Скородумова Л. Г.* *Ульгийсайхан Д.* Современный монгольско-русский тематический словарь. М.: Изд-во Вост. лит. РАН. 360 с.

129. *Скородумова Л. Г.* Буддизм в современной Монголии (проблема сохранения религиозной идентичности) // Буддийская культура. История, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения. Материалы конф. Санкт-Петербург: 9—11 ноября 2006. СПб. С. 139—146.

130. *Скородумова Л. Г.* Об эволюции художественного образа в монгольской литературе // Монголика-VIII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 61—68.

131. *Байгалсайхан С.* Монгольские ученые о монгольской литературе / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Монголика-VIII: сб. ст. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 69—74.

132. *Скородумова Л. Г.* Миниатюра в современной монгольской прозе // Altaica XIII: сб. ст. и материалов. Изд. Ин-та востоковедения РАН. М. С. 92—103.

133. Охотничьи рассказы монгольских писателей: *Нямаа Б.* Таежный охотник; *Лодойдамба Ч.* Волк в шапке; *Надмид Н.* Лувсан-«волчатник»; *Галл Ж.* Голубой архар / предисл., пер. с монг. яз. Л. Г. Скородумовой // Монголика-VIII. СПб. С. 145—152.

2009

134. *Скородумова Л. Г.* Российско-монгольские литературные связи в контексте социально-экономического развития Монголии // Россия—Монголия. История и современность. Перспективы сотрудничества. Материалы Междунар. научно-практической конф. Улан-Батор. С. 65—70.

135. *Скородумова Л. Г.* Малые жанры прозы в монгольской литературе // Материалы Междунар.

науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, г. Элиста, 13—18 сентября 2009 г. Ч. II. Элиста. С. 156—160.

136. *Скородумова Л. Г.* К вопросу о периодизации истории монгольской литературы // Востокведение и африканистика в диалоге цивилизаций. XXV Междунар. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». Санкт-Петербург. 22—24 апреля 2009 г. Тез. докл. СПб. С. 283—284.

2010

137. *Бодоо Д.* Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Монголика-IX. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 148—164.

2011

138. *Скородумова Л. Г.* Современная монгольская литература и дидактическая традиция // Вестник международного центра Азиатских исследований: Материалы Междунар. науч. конф. «Монголия в XX веке: от восстановления национальной независимости до международного признания». Вып. 18. Иркутск. С. 340—343.

139. *Скородумова Л. Г.* Ванчинбалын Инджинаш — предтеча монгольского романа // Байкал. № 2. Улан-Удэ. С. 3—6.

140. *Ванчинбалын Инджинаш.* Краткие пояснения. Рассказы о преданности и любви / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Байкал. № 2. Улан-Удэ. С. 7—33.

2012

141. *Скородумова Л. Г.* К юбилею К. Н. Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень VI. Изд-во ИВ РАН. Москва. С. 157—167.

142. *Скородумова Л. Г.* Практическая грамматика монгольского языка. Изд-во РГГУ. М. 279 с.

143. Монгольский язык. Тематический словарь / ред. Л. Г. Скородумова. М.: Изд-во «Живой язык». 256 с.

144. *Скородумова Л. Г.* Литературный опыт Догсомын Бодо (1855—1922) // Проблемы литератур Дальнего востока. V Междунар. науч. конф. 27 июня—1 июля 2012 г.: сб. материалов. СПб.: Изд-во СПбГУ. Т. 3. С. 393—401.

145. *Скородумова Л. Г.* О новом центре монголоведения // Российское монголоведение. Бюллетень VI. Изд-во ИВ РАН. М. С. 56—59.

2013

146. *Скородумова Л. Г.* Монгольская проза: новые имена // XXVII Междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Локальное наследие и глобальная перспектива.

«Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. 24—26 апреля 2013 г. Тез. докл. СПб. С. 330—331.

147. *Скородумова Л. Г.* Названия солнца и других небесных тел в монгольском языке: связь с мифом // Institutionis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову. М. С. 241—246.

148. *Скородумова Л. Г.* Формирование национального государства в контексте межкультурного диалога. На примере Монголии // Высшие курсы иностранных языков МИД России. Методический бюллетень. 190 лет службы языковой подготовки МИД России. № 18. М. С. 192—201.

149. *Скородумова Л. Г.* К юбилею Учителя // Монгол бол миний хайртай орон хоёрдахь эх орон минь билээ (К 90-летию Л. К. Герасимович). Улаанбаатар. С. 235—246.

150. *Скородумова Л. Г.* Рец. на: Л. К. Герасимович. Монгольская литература XIII—начала XX в.: Материалы к лекциям. Элиста, 2006. 362 с. // Монгол бол миний хайртай орон хоёрдахь эх орон минь билээ (К 90-летию Л. К. Герасимович). Улаанбаатар, 2013. С. 291—297.

151. *Скородумова Л. Г.* Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре // Mongolica-X. Улаанбаатар. С. 8—16.

152. *Баянсан Т.* Лысое сердце / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // Mongolica-X. С. 131—132.

153. *Скородумова Л. Г.* Литературный опыт Догсомын Бодо (1855—1922) // Россия и Монголия на рубеже XIX и XX веков. Экономика, дипломатия, культура: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУЭП. С. 293—295.

2014

154. *Скородумова Л. Г.* В. Инжинаш — предтеча монгольского романа. Синяя сутра // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. Статьи участников III Междунар. научно-практической конф.: сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП. С. 297—308.

155. *Скородумова Л. Г.* Мир образов в романах В. Инжинаша // Монголика-XII. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 55—67.

156. *Скородумова Л. Г.* Рец. на: Буянзая Ц. Монгол уран зохиолын түүхэн товч. Тэргүүн дэвтэр. Чулуун номоос Хөлгөн сударт // Монголика-XII. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 88.

157. *Скородумова Л. Г.* Анна Дамдиновна Цендина (60 лет) // Монголика-XII. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 89—90.

158. *Ванчинбалын Инджинаш.* «Краткие пояснения» (Предисловие к «Синей сутре» о расцвете великой империи Юань) / пер. со старомонг. Л. Скородумовой // Монголика-XII. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 93—104.

159. *Скородумова Л. Г., Соловьева А. А.* Кости в монгольских обрядах и поверьях: предварительные материалы // Монголика-XII. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 52—65.

160. *Скородумова Л. Г.* Дожоогийн Цэдэв. Ученый и писатель (75). Рец. на: Д. Цэдэв. Монголын уран зохиолын соёлын өв. Улаанбаатар, 2013. МУИС-ийн Улаанбаатар их сургууль. Ред. С. Байгальсайхан. 511 с. // *Mongolica-XIII*. СПб., 2014. С. 94—95.

161. *Дашиям Л.* Мысли вслух. Избранные места из Бор дэвтэр (Коричневая тетрадь) / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // *Монголика-XII*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 99—103.

2015

162. *Скородумова Л. Г.* Роман Ванчинбалын Инжинаша «Синяя сутра» // Монгольский сборник. Тексты и контексты. Изд-во РГГУ. Вып. 14. М. С. 142—157.

163. *Скородумова Л. Г.* [Составитель] Основные труды по монгольской литературе на русском языке // Монгольский сборник. Тексты и контексты. Изд-во РГГУ. Вып. 14. М. С. 214—235.

164. *Скородумова Л. Г.* Бытовые романы Ванчинбалын Инжинаша (1837—1872) в контексте монголо-китайского культурного взаимодействия // Россия и Монголия на рубеже XIX и XX веков. Экономика, дипломатия, наука: сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП. С. 321—330.

165. *Дашиям Л.* Мысли вслух. Избранные места из Бор дэвтэр (Коричневая тетрадь) / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // *Монголика-XIV*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение».

166. *Скородумова Л. Г.* Миг между прошлым и будущим: о творчестве Т. Юмсурэна // *Монголика-XV*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 77—79.

167. *Скородумова Л. Г.* Монголын зүрхэн тольт буюу ДАРЬГАНГА (Путевые заметки. Экспедиция) // ГУНУ. Улаанбаатар. С. 95—97.

168. *Скородумова Л. Г.* Монгольская проза начала XX в. От рассказа к роману // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Кн. 5: сб. науч. тр. Иркутск. С. 311—318.

2016

169. *Скородумова Л. Г.* К вопросу психологизма в современной монгольской прозе // З. К. Касьяненко — учитель и монголовед. Материалы Междунар. конф., посвященной 90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко 30 сентября и 1 октября 2015 года. СПб.; Улан-Батор. С. 150—159.

170. *Скородумова Л. Г.* Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — исследователь Центральной Азии и Сибири // *Монголика-XVI*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 6—9.

171. *Скородумова Л. Г.* Памяти Орловской Марии Николаевны // *Монголика-XVI*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 92—94.

172. *Скородумова Л. Г.* Хорлоогийн Сампилдэндэв: к 70-летию со дня рождения // Академик Х. Сампилдэндэв: Дурсгалын түүвэр. Улаанбаатар. С. 222—226.

173. *Скородумова Л. Г.* Евразийство в современной культуре Монголии // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С. К. Рощина. М.; Улаанбаатар. С. 166—176.

174. *Дашидондог Ж.* Я никогда не был антисоветчиком / пер. с монг. Л. Г. Скородумовой // *Монголика-XVII*. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». С. 88—90.

175. *Скородумова Л. Г.* Д. Нацагдорж соён гэгээрүүлэх үүрэгтэй байжээ // Их зохиолч Д. Нацагдорж шинэ судалгаа-1. Улаанбаатар. С. 23—24.

176. *Скородумова Л. Г.* Монгольская литература XIX—XX веков: Вопросы поэтики. М.: Изд-во РГГУ. 300 с. (Серия «Orientalia et Classica»; Вып. 62).

Поздравления друзей и коллег

В редакцию журнала поступили поздравления на имя Л. Г. Скородумовой, которая более десяти лет является членом редколлегии журнала «Монголика». Она постоянно публикует в журнале свои научные статьи, рецензии, переводы. Благодаря неустанному курированию ею ряда разделов журнала в нем регулярно публикуются выполненные молодыми монголоведами переводы произведений художественной литературы, рецензии на новые книги и журналы, выходящие на монгольском языке. Члены редколлегии выражают Лидии Григорьевне искреннюю благодарность за ее большой и самоотверженный труд и присоединяются к многочисленным поздравлениям юбиляру. Ниже публикуются некоторые из них.

Л. Г. Скородумова

Лидия Григорьевна — самый яркий ученый-исследователь монгольской современной и средневековой литературы. Она мой монгольский друг, уважаемый старший товарищ, который в течение очень многих лет неустанно и успешно работает, посвящая свою жизнь переводам, изучению фольклора, современной монгольской литературы, культуры. Она высказывала интересные, смелые, основополагающие мысли о современной монгольской литературе и особенностях новейших исследований, о связях письменной литературы и фольклора, о творчестве Инжинаша, Равджи, Нацагдорджа. Работая и живя в Монголии, она издала несколько книг: это «Свет мира» (2003), «Монгольская литература на излете тысячелетия» или «Лучшее Серебряного века».

Эти статьи и сегодня являются базой монгольских исследователей. Лидия Григорьевна объездила всю Монголию: Хентейский аймак, Сухэбаторский, Дорно, Дорно-Гобийский, Дунд-Гобийский, Умногобийский. Знакомясь с историей края, она интересовалась монгольской культурой, фольклором, разговаривала с монголами об истории местности. Несомненно, она — очень знающий, очень грамотный исследователь. Поздравляю Лидию Григорьевну с ее славным Юбилеем.

Профессор С. Байгалсайхан
ректор Улан-баторского университета
Монголия

К юбилею Л. Г. Скородумовой

С Лидией Григорьевной жизнь меня свела задолго до моей командировки в Монголию: еще будучи студентом, я не раз приходил в ее уютную квартиру, где постигал азы старомонгольского письменного языка по учебнику, написанному ею самой. Это были незабываемые уроки, на которых я не только учился выводить изящные вертикальные линии с «зубцами», «хвостами» и «животами», но и узнавал много нового и интересного о далекой и тогда еще незнакомой мне стране.

Следующим этапом в моем общении с этим замечательным человеком стала командировка в Монголию, куда я отправился сразу после окончания института. По прибытии в Улан-Батор мне приятно было увидеть среди коллег и Лидию Григорьевну. В соответствии со штатным расписанием в тот период она исполняла функции пресс-атташе, то есть поддерживала контакты с журналистами, редакторами ведущих изданий, телевизионными обозревателями и пресс-службами монгольских органов государственной власти. Но штатным расписанием работа Лидии Григорьевны не ограничивалась. Она пользовалась заслуженным уважением и в академических

кругах, и у деятелей культуры, и у ректоров ведущих вузов. Кроме того, на ее плечи ложилась вся тяжесть ответственности при осуществлении переводов в ходе переговоров Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Монголии, а также глав российских делегаций с монгольскими партнерами. И эти испытания Лидия Григорьевна всегда проходила с достоинством, а ее тонкое знание литературного монгольского языка, того языка, на котором говорили только истинные интеллигенты, вызывало неподдельное уважение у элиты страны.

Вместе с тем не хотелось бы создавать впечатление, будто во время командировки вся жизнь этого замечательного дипломата и выдающегося филолога проходила «в кабинетах». Напротив, Лидия Григорьевна никогда не упускала возможности посетить самые отдаленные уголки Монголии, увидеть воочию все то, о чем она читала в книгах с бесчисленных книжных полок московской квартиры.

Мне посчастливилось сопровождать её в одной из таких поездок. В октябре 2003 г. нам удалось объехать все сомоны Хэнтийского аймака, увидеть предполагаемое место рождения Темучина, описанное в Сокровенном сказании монголов, познакомиться с жизнью простых аратов, уклад которой не менялся веками. Везде — и в кабинетах «Серого дворца», и в юртах скотоводов, разбросанных вдали от столицы, — Лидия Григорьевна была желанным гостем, залогом чего всегда было уважение и почтение с ее стороны к каждому собеседнику, соблюдение неписаных правил степного этикета.

В таких поездках Лидия Григорьевна черпала вдохновение для написания ее книг о культуре Монголии, особенностях монгольского языка, а также о традициях и обычаях этого удивительного народа.

С тех пор у меня было много коллег, в том числе блестяще знающих монгольский язык, но Лидия Григорьевна всегда будет занимать среди них особое место. Она стала одной из тех людей, которые смогли «влюбить» меня в Монголию, открыть мне её суровую красоту и особое обаяние. С первой встречи и до настоящего времени Лидия Григорьевна остается для меня Учителем (в том особенном смысле, который вкладывается в это слово на Востоке). Долгих Вам лет жизни, Багш-аа! С юбилеем, Лидия Григорьевна!

И. о. заведующего Консульским отделом
Посольства Российской Федерации
в Республике Таджикистан
Жуков Олег Игоревич

Наша Лида

— В этом году нашей Лиде исполняется 70!
— Неужели? Она ведь такая молодая!
— О чем ты? Тебе говорят «70 будет!», а ты — «такая молодая».
— Да, я глупость сказал, знаю. Но это не просто слова, а мое ощущение. Понимаешь?

Вот такой умный разговор произошел в Улан-Баторе недавно. Я представил себе Лиду, вспомнил, как мы встречались, разговаривали, перед глазами промелькнули все мои воспоминания, связанные с этим человеком.

Впервые я увидел Лиду в Москве во время Дней монгольской литературы. Симпатичная молодая женщина в голубом платье переводила выступление нашего председателя Союза писателей Д. Цэдэва.

Люди спрашивали:

— Откуда эта переводчица?

Красота молодой женщины привлекала к себе внимание — это одно, но самое главное, удивительны были ее знание монгольского языка, ее прекрасные переводы

Затем по приглашению Союза советских писателей несколько наших семей поехали на отдых на Черное море. И та самая товарищ Л. Г. Скородумова, так повезло, поехала с нами в качестве сопровождающего помощника. Мы провели в Ялте незабываемые чудесные дни!

Мы сидели с Лидой на берегу Черного моря и подолгу разговаривали. Иногда спорили. Думаю, Лида распознала мой своенравный, упрямый характер и привычку спорить. А я узнал в ней человека мягкого, немного робкого, избегавшего политических тем, но стремившегося узнать новое, понял, что она предана Монголии и бесконечно ценит дружественные отношения двух наших народов.

Как литературовед Лида взялась за решение трудной литературоведческой задачи: изучить и постигнуть творчество Инжинаша — писателя, о творчестве которого на самом деле монголы знают мало, может быть, даже бояться браться за него, а большинство из них вообще не могут читать. Позднее вместе с Инжинашем она «вступила» в современный монгольский роман.

Вот так, постепенно углубляясь, развивались ее знания о монгольской литературе и одновременно упрочивались знания о монголах. Тесно знакомясь с монголами, привыкнув к монгольскому быту, приобрела она и монгольские привычки, научилась жить по-монгольски: «пить чай с молоком, есть бузы с курдюком». Это и сделало ее настоящим монголоведом.

Сейчас в Монголии есть немало людей, которые любят Лиду, высоко оценивают ее труды.

К настоящему времени из-под ее пера вышли десятки статей и книг, учебников, которыми можно гордиться. Своими научными работами она хорошо известна в Монголии. Труды ее отличают блестящее знание монгольского языка, глубокое знание жизни Монголии, а при личных контактах с людьми обнаруживается, что она знает то, чего не знают другие. Эти качества проявляются и в переводах.

Я не намеревался рассуждать о конкретных произведениях Л. Г. Скородумовой. Но думаю, что этого ученого все монголы знают так же, как и я.

Как бы там ни было, я знаю точно, что если бы этой прекрасной женщины, известного монголоведа,

ее книг не было, то миру монгольской культуры, теплым дружеским связям монгольского и российско-го народов чего-то бы не хватало.

Моему другу, неумоимо пребывающему в творчестве, нашей Лиде желаю долголетия, новых и новых творческих свершений, благополучия!

Монголы тебя любят!

Профессор Л. Дашням
Улан-Батор

Лидия Григорьевна Скородумова, бесспорно, является ведущим монголоведом. С работами Лидии Григорьевны я впервые познакомилась, обучаясь в аспирантуре в 70-е гг. XX в. Это были ее статьи о романах В. Инжинаша. С тех пор я с большим интересом следила за литературоведческими работами Лидии Григорьевны и активно использую их в своей педагогической деятельности. Своей монографией «Драгоценные четки», учебниками монгольского языка, учебными пособиями, монгольско-русским тематическим словарем и другими работами она сделала значительный вклад в монголоведение. Дорогая Лидия Григорьевна, поздравляю Вас с замечательным юбилеем и желаю доброго здоровья, творческих успехов.

Зав. кафедрой калмыцкой литературы и журналистики
Калмыцкого государственного университета
С. Н. Цеденова.
Элиста. Калмыкия

Лидия Григорьевна Скородумова всегда уделяла внимание подготовке молодых монголоведческих кадров — как работая преподавателем, так и находясь на дипломатической службе. Она окружала домашним теплом и заботой всех — и молодых сотрудников посольства, и впервые приехавших в Монголию на длительную стажировку студентов из Москвы, Петербурга и других городов. Многие из нас не без ее участия научились не просто понимать, но и любить эту страну.

Кандидат филологических наук Д. А. Носов
Сектор Центральной Азии
Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Дорогая Лидия Григорьевна!

От всего сердца поздравляю Вас с Днем Рождения и желаю Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья, сил и вдохновения! Пусть все задуманное Вами получается и сбывается! Вы для меня не просто преподаватель, научный руководитель, а наставник, пример в профессии и жизни. С гордостью ношу высокое звание Вашей ученицы!

С признательностью, любовью и самыми светлыми пожеланиями!

Ст. преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова
О. А. Сапожникова

ТАЛАРХАЛ

Монгол уран зохиол судлалын хөгжил болон Монгол Улс, ОХУ-ын улсын халуун дотно, найрсаг харилцааны нандин үйлст ухамсарт үйл амьдралаа хоёргүй сэтгэлээр зориулсаар буй эрхэм хүндэт Эрдэмтэн багш, Монгол судлаач, дипломат Лидия Григорьевна Скородумова таны 70 насны ой тэгширсэн энэ баярт өдрийг тохиолдуулан Монгол Улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөл, хамт оныхоо нэрийн өмнөөс эрхэм Таныг гүнээ хүндэлж, баяр талархлаа илтгэв.

Монгол судлалын түүхээ болсон нэрт эрдэмтэн багш нарынхаа итгэл найдварын галт бамбарыг нэр төртэйгөөр уламжлан залгамжилж, өөрийн үүргээ нэр төртэй биелүүлэн буй Таны эрдэм судлалын нэр их хөдөлмөрийг бахархан тэмдэглэж байна.

Эрхэм Лидия Григорьевна Скородумова Таны залуу цагаасаа л умбан орсон Монгол соёл, Монгол утга зохиолын уламжлалын их цэцэрлэг өнөөдөр зөвхөн эх Монгол орны маань хангай говь, хөндий хоолой, хээр талаар биш, энэ дэлхийн соёл иргэншлийн шимт үндэстэй сүлдэдн дэлгэрч, гэгээрлийн навсаа ганхуулсан үзэсгэлэнт сайхан цэцэрлэг болжээ. Энэхүү цэцэрлэгийн дотор таны ургуулсан чандмана эрдмийн үйлс бүхий:

- “ХХ зууны монголын аж байдлын роман” (1981) “Улаан асрын зүүд романы зохиомж өгүүлэмжийн онцлог” (1987), В.Инжаннашийн уран бүтээл бол ХХ зууны монгол уран зохиолын хам сэдэв болох нь (1990), “Д.Нацагдорж ба Д.Равжаагийн уран бүтээлийн зарим зэрэгцүүлэл” (1997) зэрэг Монголын хуучин бичгийн зохиол судлалын хийгээд Монгол үндэстний нэрт бичгийн хүн В.Инжаннаши уран бүтээл судлалын суурь судалгааны бүтээлүүд,
- “Монголын сүүлийн үеийн үргэлжилсэн зохиол дахь энхийн төлөөх сэдэв” (1987), “Үүрийн туяа авчирсан хүн” (1991) “Монгол романы төрөл зүйлийн хөгжил, хувьсал” (1995) тэргүүт Монгол хүүрнэл зохиолын уламжлал шинэчлэл, харилцаа холбоо, туурвил зүй, уран сайхны сэтгэлгээний хөгжлийн асуудлыг тодруулсан эрдэм шинжилгээний зохиолууд
- ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн “ХХ зууны монгол зохиолчид цувралын XXVII боть “Доржийн Гармаа”, “Мянган жилийн босгон дээрх Монголын утга зохиол буюу “Мөнгөн үс” рүү хийсэн эргэлт” (1996), “ХХ зууны монголын хүүрнэл зохиол дахь уянгын болон сургамжийн төрлүүд” (2013), Их зохиолч Д.Нацагдоржийн мэндэлсний 110 жилийн ойд зориулсан “Д.Нацагдорж соёл гэгээрүүлэгчийн үүрэгтэй байжээ” зэрэг ХХ зууны монгол утга зохиолын гол төлөөлөгчдийн амьдрал үйлс, намтар судлалын болон түүхэн хөгжил, үечлэлийн тулгамдсан асуудлыг шийдвэрлэсэн бүтээлүүд
- “Монгол хэлний үгийн сангийн ангилалын асуудал” (1996), “Орчин үеийн Монгол-Орос сэдэвчилсэн толь” (2008) зэрэг монгол хэлшинжлэл, толь бичгийн бүтээл

тэргүүтэн хэлбичгийн шинжлэх ухааны болон соён гэгээрүүлэл, соёл судлалын олон арван бүтээл тань гийгүүлэн гялбалзаж, галбарваасан моддын мөчир дээр нь жигүүртний бага нь жиргэж, сэрүүн сүүдэрт нь оюуныхаа алжаалыг сэргээсэн залуус гэгээрэн боловсорч, шинэ Монголын соёлын өнгө жавхааг улам чимэгтэй болгон бадрааж байна.

Хүндэт Лидия Григорьевна Скородумова Та, энх цагийн найрамдалт харилцааны элч болон 1994-2005 онд Монгол Улс дахь ОХУ-ын элчин сайдын яамны I нарийн бичгийн даргаар ажиллаж байх хугацаанд, хуучин Зөвлөлт Холбоот Улстай харилцаж байх үед үүссэн Монгол Улсын их өрийн асуудлыг Монгол Улсын нөхцөл байдлыг гүн хүндэтгэн шийдүүлэх үйл хэрэгт, хоёр орны он удаан жилийн эв хамт дотно харилцааг хамгийн их ойлгон мэдэрдэг, тэтгэн дэмдэгдэг дипломат таны гүйцэтгэсэн үүрэг голлох чанартай байсныг бид бүхэн ямагт бахархалтай хандлагаа энэ дашрамд онцлон тэмдэглэхэд таатай байна.

Багшийн эрдэм шавиас гэдэгчлэн Таны номын багш нэгэнтээ “Монгол бол миний хайртай орон, хоёр дахь эх орон минь битээ” хэмээн айлдсан байдаг билээ. Багшийнхаа энэ нандин бахархалт үндэмжийн төгс эзэн нь байж чадсан нэрт монгол судлаач, хэлбичгийн шинжлэх ухааны доктор, профессор Лидия Григорьевна Скородумова Тандаа

Гэрэлт эрдмийн оргилдоо эгнэгт бат сууж
Гэгээн оюуны бүтээлээрээ ямагт тэргүүлэн байхын

Сайхан Монгол соёлын жигүүрт хөлгөө жолоодон
Саруул эрдмийн шимээ түтээн цацрааж байхын өлзийтэй ерөөлийг өргөн
дэвшүүлье.

Хэл зохиолын хүрээлэнгийн захирал,
Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөлийн дарга,
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны тавьяат зүтгэлтэн,
Академих Л.Болд

2017 оны 1 дүгээр сар 9

Монгол Улсад Шинэ цагийн уран зохиолчдын
анхны бүлгэм байгуулагдсан билэгт сайн одор
Улаанбаатар хот

Перевод Поздравление (Благодарность)

От имени Ученого Совета, всего коллектива Института языка и литературы Академии наук Монголии с чувством глубокой признательности поздравляем с 70-летним юбилеем уважаемого ученого-монголоведа, дипломата Лидию Григорьевну Скородумову, посвятившую всю свою жизнь развитию монгольского литературоведения, благородному делу развития дружественных отношений Монголии и России. Вы с честью несете факел, унаследованный от предшественников, ваших учителей, успешно выполняя свой долг ученого. С гордостью отмечаем огромный труд, вложенный Вами в научные исследования. Уважаемая Лидия Григорьевна, огромный сад традиционной монгольской культуры и литературы, который Вы начали возделывать в молодые годы, сегодня разрастается и цветет не только в долинах, степных и гобийских просторах, на склонах Хангая, а переплетается корнями с плодородной почвой всей мировой культуры. В этом прекрасном саду среди растений есть и выращенные Вами драгоценные волшебные зерна просвещения. В частности, это фундаментальные труды по классической монгольской литературе: «Бытовой монгольский роман XIX в.» (1981); «Особенности композиции романа „Одноэтажный павильон“» (1987); «Творчество Ванчинбалын Инжинаша в контексте монгольской литературы XIX века» (1990); «Некоторые параллели в творчестве Д. Нацагдоржа и Д. Равжи» (1997); «Роман Ванчинбалын Инжинаша „Синяя сутра“» (2015), а также научные работы, посвященные традиции и новаторству, вопросам поэтики монгольской прозы, художественного мышления: «Тема борьбы за мир в монгольской прозе последних лет» (1987); «Эволюция монгольского романа» (1995); «Человек, пришедший с зарей» (1991).

Вы стали автором биографического очерка «Доржийн Гарма» (XXVII выпуск серии «Монгольские писатели XX века»). Живой интерес вызвала Ваша статья «Монгольская литература на пороге тысячелетия или поворот к „серебряному веку“» (1996), так же как и новаторская работа «Лирика и дидактика в монгольской литературе XX века» (2013). Статья о просветительской миссии Д. Нацагдоржа вошла в сборник, посвященный 110-летию со дня рождения поэта.

Следует упомянуть Ваши исследования в области монгольской лексики и лексикографии: «К вопросу

классификации лексики монгольского языка» (1996); «Русско-монгольский современный тематический словарь» (2008).

Таким образом, десятки Ваших научных работ по филологии, культурологии воссияли на поприще просвещения и распространяют свой яркий живой свет, словно волшебное дерево Галбарван, на ветвях которого щебечут пичуги, а в прохладной тени которого юные умы остужают разгоряченные усталые головы и просвещаются, созревая. Оно приумножает красоту величественного древа культуры новой Монголии.

Уважаемая Лидия Григорьевна, Вам выпала судьба в мирное время выполнять миссию посланника дружественных отношений. Во время Вашей работы в качестве 1-го секретаря Посольства Российской Федерации в Монголии в 1994—2005 гг. складывались условия для решения проблемы с большой задолженностью Монголии перед бывшим Советским Союзом. Пользуясь этим случаем, приятно отметить, что мы всегда с гордостью относимся к тому факту, что именно Ваше участие как дипломата и человека, особенно глубоко прочувствовавшего трепетно почитаемые многолетние близкие дружеские связи между нашими народами, сыграло ключевую роль в подготовке принятия исторического решения.

Как говорится, мудрость учителя зависит от ученика. Однажды Ваш учитель, профессор Л. К. Герасимович, призналась: «Монголия — моя любимая страна, моя вторая родина». Такая лирическая оценка стала реальностью только в Вашей жизни, известный монголовед, доктор филологических наук, профессор Лидия Григорьевна Скородумова. Вам желаем:

Прочно восседая на вершине светлых наук,
Быть всегда впереди благодаря своим трудам
просвещения.

Управляя крылатой колесницей монгольской культуры,
Питать мир нектаром своего светлого разума.

Желаем счастья!

Директор Института языка и литературы,
председатель Ученого совета Института
языка и литературы,
заслуженный деятель науки Монголии,
академик Л. Болд

9 января 2017 г. (благословенный день создания
первого кружка писателей нового времени в Монголии)
г. Улан-Батор

А. И. Андреев

Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне¹

Статья посвящена контактам с Лондонским географическим обществом одного из выдающихся российских путешественников-исследователей Центральной Азии П. К. Козлова (1863—1935). Благодаря этим контактам, продолжавшимся более 20 лет (1902—1923) и публикациям своих экспедиционных отчётов в журнале «Geographical Journal» путешественнику удалось не только приобрести всемирную известность, ибо Лондонское ГО являлось одним из наиболее престижных в Европе, но и привлечь внимание ведущих европейских географов к деятельности Русского географического общества, прежде всего к российским исследованиям Центрально-Азиатского региона. В Приложении приводятся восемь писем П. К. Козлова, адресованных секретарям Королевского географического общества Джону С. Келти и Артуру Р. Хинксу в 1902—1923 гг.

Ключевые слова: П. К. Козлов, Н. М. Пржевальский, Е. В. Пушкарёва, Д. Келти, А. Хинкс, Королевское географическое общество (КГО), Русское географическое общество (РГО), Географический журнал, Лондон, Хара-Хото, Центральная Азия, Монголия, Тибет.

В архиве Королевского географического общества (Royal Geographical Society, далее КГО) в Лондоне² хранится небольшой блок документов (30 ед., на русском и английском языках), относящихся к экспедиционной деятельности путешественника-исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. В этот блок входят: 1) 10 писем П. К. Козлова, адресованных учёному секретарю КГО сэру Джону Скотту Келти (John Scott Keltie) и его преемнику (с 1915 г.) Артуру Роберту Хинксу (Arthur Robert Hinks), охватывающих период с 1902 по 1923 г.; 2) несколько копий ответов Д. С. Келти Козлову; 3) небольшая переписка

между Д. С. Келти и кн. П. А. Кропоткиным³ (1910) в связи с намечавшимся приездом в Лондон П. К. Козлова; 4) конфиденциальная переписка между секретарём КГО и политическим департаментом «Индия Оффис» (India Office)⁴ по поводу Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, организованной в 1923 г. Русским географическим обществом при поддержке Советского правительства.

Эти материалы свидетельствуют о том, что западное научное сообщество в лице КГО, одного из старейших и наиболее престижных географических обществ в Европе, проявляло большой интерес к исследованиям П. К. Козлова и охотно публиковало

¹ Исследование этой темы проводилось автором в 2005 г. по гранту Британской Академии (The British Academy). Собранные материалы из архива Королевского географического общества (Royal Asiatic Society) не публиковались ранее. В ходе работы над статьёй автором были использованы также адресованные этим обществом П. К. Козлову письма, хранящиеся в архиве РГО (Ф. 18. Оп. 3. Д. 160. 13 писем, 1902—1930).

² Королевское географическое общество было основано в 1830 г. первоначально под названием «Geographical Society of London» («Географическое общество Лондона»), при покровительстве короля Вильгельма IV с целью «продвижения географической науки и открытий». КГО оказывало поддержку многим английским путешественникам и исследователям и спонсировало их экспедиции в различные регионы земного шара. Наиболее престижные награды КГО — это присуждаемые ежегодно Золотые медали основателей (1830) и покровителей (1838) Общества — Founder's Medal, Patron's Medal.

³ Кропоткин Пётр Алексеевич (1842—1921) — князь, русский теоретик анархизма и учёный, географ, историк, публицист. В 1866 г. возглавил Витимскую экспедицию Русского географического общества. Находился в эмиграции в 1876—1917 гг. Проживал в Швейцарии (Женева), Франции; в 1886 г. переселился с семьёй в Великобританию, где проживал в Лондоне до 1917 г. Тесно сотрудничал с редакцией «Британской энциклопедии», для которой написал ряд статей, и с Королевским географическим обществом.

⁴ «И н д и а О ф ф и с» (India Office) — департамент британского правительства, созданный в 1858 г. для управления, посредством вице-короля и подчинённой ему администрации, провинциями Британской Индии (совр. Бангладеш, Бирма, Индия, Пакистан, Аден) и другими территориями вокруг Индийского океана. Департамент прекратил своё существование в 1947 г. после разделения Индии на Индию и Пакистан.

его экспедиционные отчёты в «Географическом журнале» («Geographical Journal», далее ГЖ)⁵, своём главном периодическом издании. Этот интерес объясняется тем, что маршруты П. К. Козлова пролегли через территории малоизученные и потому привлекавшие к себе повышенное внимание западных (европейских и американских) учёных — географов, археологов, палеонтологов, зоологов, ботаников, геологов. В то же время эти территории, прежде всего Восточный Туркестан (Синьцзян) и Тибет, стали в конце XIX в. «полями» острого геополитического соперничества между Российской и Британской империями (так называемой «Большой игры»), что давало российским и английским путешественникам дополнительный стимул для проведения исследований.

Что касается самого П. К. Козлова, то он относился к КГО с нескрываемым пиететом. Об этом говорят следующие слова из его письма в КГО, написанного в 1908 г. в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции: «Преклоняюсь перед выдающейся деятельностью Вашего Royal Geographical Society, которое внимательно следило за деятельностью моей минувшей тибетской экспедиции»⁶. Упомянутая «минувшая экспедиция» — это первая самостоятельная экспедиция П. К. Козлова в Монголию и Восточный Тибет (1899—1901). Именно после её окончания и завязались контакты путешественника с КГО. Общество опубликовало в ГЖ присланный им отчёт о результатах Монголо-Камской экспедиции и в дальнейшем проявляло большой интерес к его исследованиям, видя в нем ученика и талантливого преемника знаменитого Н. М. Пржевальского. Козлов, со своей стороны, стремился сделать свои открытия достоянием западных учёных, прежде всего англичан, и в то же время поднять авторитет Русского Географического общества, где ему покровительствовал вице-председатель Общества и организатор экспедиций в Центральную Азию П. П. Семёнов-Тян-Шанский.

Публикация в ГЖ отчётов Козлова о двух его экспедициях гарантировала путешественнику международное признание и ставила в первые ряды исследователей Центральной Азии. Поэтому не случайно, что руководство КГО приняло в 1911 г. решение о награждении П. К. Козлова золотой медалью Основателя Общества (короля Вильгельма IV)⁷ за его многолетние исследования в Цент-

ральной Азии, в том числе за открытие и раскопки в пустыне Гоби (1908—1909) останков древнего города Хара-Хото, одного из городов-оазисов тангутского государства Си-Ся.

Открытию Хара-Хото посвящены два письма П. К. Козлова, написанные по-русски, — от 23 декабря 1908 г. и 12 апреля 1909 г. В письме от 6 ноября, написанном сразу по окончании экспедиции, Козлов сообщал секретарю Лондонского Географического общества:

«В настоящее время я... пишу вторую половину моего отчёта Вашему Обществу. Написав статью эту, я тотчас пришлю её Вам... Со статьёй вышлю и материалы для составления карты, покрывающей маршруты экспедиции; по-прежнему пришлю и оттиски со снимков — видов и типов посещённых стран, с включением и оттисков открытых мною интересных развалин древнего города Хара-Хото».

Благодаря этим письмам КГО впервые узнало об открытии Козловым Хара-Хото и о первых раскопках «мёртвого города». А уже в октябре 1909 г. ГЖ опубликовал на своих страницах краткий отчёт путешественника о только что закончившейся экспедиции, снискавшей ему мировую славу⁸.

В конце сентября 1910 г. Козлов посетил Лондон для завязывания более тесных контактов с КГО и презентации, как бы мы сказали сегодня, результатов своей Монголо-Сычуаньской экспедиции. Обстоятельства этого визита малоизвестны биографам Козлова, и потому мы остановимся на них подробнее⁹.

Весной 1910 г., находясь в Петербурге, Козлов послал письмо секретарю Лондонского ГО сэру Джону Келти, в котором рассказал о планах поездки во второй половине июня в курортное местечко Берк-Пляж (Berck-Plage, совр. Berck) в Северной Нормандии, где собиралась провести лето его жена Н. С. Камынина с детьми, Володей и Олей. Поездка на север Франции давала Козлову редкую возможность, которая едва ли представилась бы ему в ближайшем будущем, — пересечь на пароме Па-де-Кале и приехать в Лондон. К сожалению, само письмо Козлова в архиве не сохранилось, но его содержание пересказал сэру Келти английский переводчик — некто W. A. Taylor, который до этого переводил статьи и доклады Козлова, адресованные КГО. В частности, он процитировал концовку письма Козлова, где говорилось: «I shall be very near London and I hope to make a closer acquaintance with the London Geographical Society» [«Я буду совсем близко от Лондона и, надеюсь, смогу завязать более тесные

⁵ «Geographical Journal» опубликовал три отчётные статьи П. К. Козлова о его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции (1899—1901), см.: [Kozlov, 1908].

⁶ Письмо от 28 декабря 1908 г.

⁷ Из российских путешественников, помимо Козлова, высшей награды КГО удостоились: А. Ф. Миддендорф (медаль Патрона, 1846) за исследования и описания Северной и Восточной Сибири; адмирал А. И. Бутаков (1867) за исследования Аральского моря и истоков р. Окс (Амударья); Н. М. Пржевальский (1879) за первые две экспедиции по Монголии и посещение Северного Тибета;

П. П. Семёнов-Тян-Шанский (1897) за многолетние и неустанные труды по организации российских исследований в Центральной Азии и, уже во 2-й половине XX в., полярный исследователь М. М. Сомов (1961).

⁸ [Kozlov, 1909].

⁹ О контактах П. К. Козлова с Королевским географическим обществом (до 1911 г.) и о его поездке в Лондон в 1910 г. сообщает вкратце Т. И. Юсупова [Юсупова, 2013].

отношения с Лондонским Географическим обществом»]¹⁰.

3 июля, по прибытии в Берк-Пляж, Козлов вновь написал Келти, чтобы договориться о своём приезде в Лондон. «Предположение моё сбылось: я уже проживаю на южном берегу Ла-Манша в Berck-Plage, — следовательно, в соседстве с Лондоном... Мне очень хотелось бы побывать в Лондоне, осмотреть его выдающиеся достопримечательности, а главное, заглянуть в Royal Geographical Society и познакомиться с Вами. Сокрушаюсь очень незнанием английского языка, но рассчитываю на кого-либо из соотечественников — вроде П. А. Кропоткина или кого-нибудь другого из сотрудников Вашего Общества». Далее Козлов сообщал, что у него имеются: карта в 40-вёрстном масштабе с маршрутом Монголо-Сычуаньской экспедиции, 52 диапозитива, а также «небольшие характерные фотографии видов и типов посещённых стран, равно и образцы археологических коллекций Хара-Хото», а именно: книги, рукописный свиток, акварель, миниатюры-образцы буддийской иконописи, бронзовая статуэтка и «немногое другое». «Отчёт и объяснение диапозитивов, — писал Козлов, — мог бы дать в моём присутствии и с моей помощью один из указанных выше Ваших сотрудников при Обществе, знающий русский и английский язык».

Помимо секретаря КГО Козлов написал отдельно кн. П. А. Кропоткину о своей предполагаемой поездке, но это письмо отсутствует в блоке переписки Козлова с КГО, равно как и ответное письмо Кропоткина Козлову. Сохранились лишь два письма Кропоткина секретарю КГО, в которых он выражает готовность встретить Козлова в Лондоне и показать ему некоторые достопримечательности, прежде всего Музей Общества и Зоопарк.

В Берк-Пляже, между прочим, Козлов познакомился с юной Елизаветой (Лилей) Пушкарёвой, дочерью петербургского врача, которая в 1912 г. станет его женой. Её он также увлёк рассказами об открытии мёртвого города Хара-Хото, и не только её. В Берк-Пляже Козлов выступил перед русской колонией с лекцией (15 июля) о своём последнем путешествии. Лекция сопровождалась демонстрацией диапозитивов с помощью «волшебного фонаря», как в то время назывался диапроектор. Но вот что самое любопытное — на одном из диапозитивов был изображён 13-й Далай-лама, якобы впервые сфотографированный Козловым. Об этом мы узнаём из газетной заметки, посвящённой лекции Козлова¹¹. Если это

так, то это был совершенно уникальный снимок, поскольку Далай-лама никогда прежде не разрешал фотографировать себя. Однако такой фотографии или диапозитива нет ни в собрании фотографий и диапозитивов в Музее П. К. Козлова, ни в фонде П. К. Козлова в архиве РГО; фотография Далай-ламы не воспроизводилась Козловым и в его книгах «Тибет и Далай-лама» (Петроград, 1920) и «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото» (Москва; Петроград, 1923). В то же время хорошо известно, что летом 1905 г. кяхтинский учитель рисования Н. Я. Кожевников нарисовал в Урге 4 карандашных портрета Далай-ламы с его позволения, с них впоследствии были сделаны фотографии. В архиве РГО действительно имеется большое количество таких фотографий (сделанных в основном с трёх портретов Далай-ламы) и несколько диапозитивов, среди которых, возможно, находится именно тот, который П. К. Козлов продемонстрировал на лекции в Берк-Пляже¹².

В британскую столицу П. К. Козлов прибыл 28 сентября на поезде из Дувра, переплыв из Булони Ла-Манш на пароме (после отъезда Е. В. Пушкарёвой с родителями в Петербург). На вокзале его встретил П. А. Кропоткин, который сразу же отвёз своего гостя в отель, а затем они вместе отправились в Географическое общество. Вот как рассказывает об этом в письме Е. В. Пушкарёвой сам Козлов:

«В мал[еньком?] здании, где веет тишиной и величием, я встретился с Келти (секретарём), с которым, оказалось, мы давно знакомы. Завтра я с ним обедаю и, вероятно, в компании с английским знаменитым археологом Stein'ом¹³. После тихого Берка, Лондон — настоящий Содом. Многолюдство, шум, вечернее эффектное освещение. <...> Обедая и вечер провёл у Кропоткиных. Они все (он, жена, дочь-невеста с женихом) — все милые, на мой взгляд, люди, занимающиеся наукой, и без конца меня расспрашивали о путешествии, о Хара-Хото»¹⁴.

отношениям между Козловым и владыкой монголов» (перевод с французского).

¹² Архив РГО. Ф. 18. Оп. 7. Д. 569, 574, 578 (фотографии с портрета Далай-ламы); см. также: Р. 124. Оп. 1. Д. 72 (коллекция диапозитивов: «Поездка П. К. Козлова в Ургу к Далай-ламе (летом 1905 г.)»). На трёх диапозитивах (№ 27—29 согласно описи, составленной П. К. Козловым) изображён Далай-лама — в домашнем костюме, в профиль и в духовном парадном одеянии. Размер диапозитивов — 8×8 см. Об этих фотографиях Далай-ламы, сделанных с рисунков Н. Я. Кожевникова, см.: [Ломакина, 2004].

¹³ Стейн Марк Аурель (Stein, Marc Aurel) (1862—1943) — англо-венгерский путешественник-исследователь, антрополог и археолог. В 1906—1908 гг. он совершил первое большое путешествие в Восточный Туркестан, в ходе которого обнаружил и обследовал близ Дуньхуана «Пещеры Тысячи Будд» с бесценными буддийскими рукописями и фресками.

¹⁴ Архив Музея-квартиры П. К. Козлова в С.-Петербурге. Ф. 1. Оп. 6. Д. 22 (244). Л. 1. Письмо П. К. Козлова к Е. В. Пушкарёвой из Лондона от 29 сентября 1910 г.

¹⁰ Письмо Тейлора датировано 21 мая 1910 г., но из него неясно, когда Козлов отправил своё письмо в Лондон.

¹¹ В Музее-квартире П. К. Козлова сохранилось несколько вырезок из местной французской газеты под заголовком «Conférence à l'Ecole communale de Berck» («Собрание в местной школе в Берке»), в них упоминается эта фотография Далай-ламы. «Далай-лама, — пишет автор заметки (по-видимому, Е. В. Пушкарёва), — дал согласие позировать перед камерой... благодаря дружественным

На следующий день Козлов побывал в Британском музее (вероятно, также в сопровождении Кропоткина), куда он захватил некоторые образцы из своей хара-хотинской коллекции, чтобы «сравнить с богатством, добытым англичанами», как он писал в письме Е. В. Пушкарёвой. «В Британском музее мне очень понравилось. Моему лучшему настроению способствовало то обстоятельство, что угрюмые англичане пришли в восторг от образцов сборов в Хара-Хото. <...> Они смаковали, нюхали книги и образа Хара-Хото, а я сдержанно, тихо, в душе улыбаясь»¹⁵.

В целом Козлов остался доволен своей поездкой. Он побывал в КГО, познакомился с работой Общества и с его сотрудниками и продемонстрировал англичанам некоторые из своих сенсационных находок, хотя ему и не удалось выступить с публичной лекцией о своём последнем путешествии. Из Лондона Козлов вернулся в Петербург 6 октября на пароходе «Иркутск».

Летом 1913 г. Козлов сообщил Келти о предстоящих в г. Пржевальске в октябре торжествах в связи с 25-летием со дня смерти Н. М. Пржевальского и о том, что РГО делегирует его для участия в траурных мероприятиях (возложение венка на могилу путешественника). Он также отправил секретарю КГО свою статью, посвящённую путешествиям его «великого учителя», и одну из «лучших фотографий» Пржевальского, которую просил вернуть после публикации. Келти вежливо поблагодарил Козлова, однако дал понять, что едва ли сможет опубликовать статью целиком, поскольку «путешествия Пржевальского хорошо известны всем, кто интересуется исследованием Центральной Азии». В то же время он просил Козлова прислать ему «краткую заметку о торжествах в Пржевальске». Что же касается присланной фотографии Пржевальского, то он также высказал свою благодарность, отметив, что КГО будет радо иметь портрет одного из «наших золотых медалистов». «Как Вы знаете, — писал он, — мы пытаемся сейчас собрать портреты всех наших медалистов, чтобы развесить их в нашем новом помещении, и Пржевальский — это один из тех, чей портрет я очень хотел бы иметь в этой коллекции». Статья Козлова о Пржевальском¹⁶, однако, не была опубликована в ГЖ даже в сокращённом виде; не появилась на страницах журнала и информация о памятных торжествах в Пржевальске.

Связи Козлова с КГО прервались в годы первой мировой войны, но они возобновились после её окончания, когда Козлов приступил к организации новой экспедиции в Монголию и Тибет. В этой связи

немалый интерес представляет переписка между КГО и департаментом «Индия Оффис», ведавшим делами британских колоний в Азии. Поводом для неё послужило письмо Козлова Хинксу (преемнику Келти) от 3 июля 1923 г., в котором он вкратце изложил научную программу Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1926) и, в частности, упомянул о планах посещения Тибета в 1924 г. КГО незамедлительно поместило в своём печатном органе заметку о «Новой экспедиции Козлова в Центральную Азию» (по сути, это был пересказ письма Козлова в КГО). Заметка заканчивалась пожеланием успеха «неутомимому исследователю в его новом предприятии»¹⁷. Эта заключительная фраза вызвала явное недовольство у руководства «Индия Оффис», поскольку в заметке сообщалось о том, что в Тибете — в то время сфере британского влияния — будет работать большая группа советских исследователей.

Упомянутое письмо Козлова в КГО имело и более серьёзные последствия, подтолкнув англичан к закулисной политической интриге, направленной на срыв советской научной экспедиции. Сведения о снаряжаемой Козловым экспедиции, обнародованные ГЖ (в августе 1923 г.), не на шутку встревожили известного английского исследователя, дипломата и разведчика Фредерика Маршама Бейли, находившегося в то время на службе у англо-индийского правительства в должности «политического резидента в Сиккиме». Встречаясь в Лхасе летом 1924 г. с военным министром Тибета Царонгом (лично знакомым с Козловым), Бейли на вопрос Царонга, не является ли Козлов «красным русским», ответил, что Козлов, скорее всего, притворяется «красным», чтобы выехать из страны, но его спутники, несомненно, являются «красными»¹⁸. Информация Бейли, естественно, насторожила тибетцев и отчасти настроила их против советской экспедиции. Правда, Козлову не удалось попасть в Тибет, но не из-за противодействия тибетцев или англичан, а по вине кремлёвских вождей, заблокировавших его «правительственную» экспедицию в Тибет по политическим соображениям¹⁹.

Последний блок материалов, относящийся к Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, позволяет говорить, с одной стороны, о возобновлении в Центральной Азии в 1920-е гг. англо-русского соперничества, которое затрудняло или делало невозможным какие-либо экспедиционные исследования в регионе (прежде всего в Тибете), а с другой стороны, о том, что советские учёные, несмотря на дипломатическую изоляцию СССР в начале 1920-х, стремились к поддержанию научных контактов с зарубежными коллегами и учреждениями. Так, в 1923 г. Козлов

¹⁵ Архив Музея-квартиры П. К. Козлова в С.-Петербурге. Ф. 1. Оп. 6. Д. 22 (244). Л. 1.

¹⁶ По-видимому, речь идёт о тексте, опубликованном в том же году П. К. Козловым в виде брошюры под названием «Памяти Николая Михайловича Пржевальского (По случаю 25-летия со дня смерти)» (С.-Петербург, 1913, 19 с.).

¹⁷ [Anon., 1923].

¹⁸ Дневник Ф. М. Бейли (F. M. Bailey, Diary of visit to Lhasa), запись от 23 июля 1924 г. British Library: Oriental and India Office Collections and Records, Bailey Collection, MSS Eur F 157/ 214a.

¹⁹ См. об этом: [Андреев, Юсупова, 2001].

отправил в КГО только что опубликованную книгу-отчёт о Монголо-Сычуаньской экспедиции под названием «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото» (Москва; Петроград, 1923). По получении её А. Хинкс поблагодарил путешественника от лица Президента и Совета Лондонского географического общества за присылку «столь ценного подарка»²⁰.

Однако в дальнейшем Козлов не информировал КГО о ходе своих исследований и не послал Обществу свой заключительный отчёт, как он делал в ходе прежних экспедиций. Но этому легко найти объяснение. Окончание козловской экспедиции совпало с резким обострением англо-советских отношений и даже их временным разрывом в 1927 г. Таким образом, контакты и переписка путешественника с Лондонским ГО прервались в 1923 г. и более не возобновлялись.

КГО, впрочем, не утратило интереса к Монголо-Тибетской экспедиции Козлова, тем более что она ознаменовалась сенсационными раскопками гуннских могильных курганов — первоначально не запланированными — в горах Ноин-Ула, севернее Улан-Батора. По окончании экспедиции ГЖ опубликовал в 1926—1927 гг. в разделе «Месячные события» («Monthly Record») две небольшие заметки²¹, главное внимание которых было сосредоточено на ноин-улинских раскопках и добытых Козловым археологических артефактах. А в 1930 г. КГО отправило П. К. Козлову как одному из своих почётных членов, официальное приглашение для участия в юбилейных торжествах, приуроченных к 100-летию Общества, за подписью его президента (С. F. Close) и секретаря (А. R. Hinks)²². Мероприятие должно было состояться 21 октября в новом зале КГО при участии короля Георга V — Патрона Общества или одного из принцев правящей династии, назначенного королём. Козлову, однако, не удалось снова посетить Лондон, скорее всего, по тем же политическим причинам. Лето и осень 1930 г. он провёл в деревне Стречно, в глуши новгородских лесов (в 60 км от Старой Руссы), но в его Стреченском дневнике²³ нет ни слова о приглашении КГО или сожаления по поводу невозможности посетить торжества в Лондоне.

Смерть П. К. Козлова (26 сентября 1935 г.) также не осталась незамеченной КГО. В феврале 1936 г. ГЖ поместил на своих страницах некролог²⁴ со ссылкой на информацию, предоставленную Ю. М. Шокальским²⁵. Автор некролога, однако, допустил одну

довольно курьёзную ошибку, назвав путешественника полковником. Очевидно, он не знал, что в 1916 г. Козлову было присвоено звание генерал-майора, этот факт Козлов, по понятным причинам, старался не афишировать.

* * *

В Приложении к статье приводятся девять писем П. К. Козлова, адресованных КГО в 1902—1923 гг.²⁶ Первые шесть писем написаны им по-русски, остальные по-английски. Последние три письма (1913 и 1923 гг.), скорее всего, были переведены на английский его женой Е. В. Пушкарёвой-Козловой. Их адресаты — секретари КГО Джон С. Келти (1902—1913) и Артур Р. Хинкс (1923). При публикации мы сохранили орфографию автора писем и авторское написание географических топонимов. Переводы английских текстов сделаны автором.

Приложения

Письма П. К. Козлова секретарям Королевского географического общества в Лондоне (1902—1923)

Письмо 1

СПб. 4/16 февраля 1902 г.

Милостивый Государь!

Простите, что так долго заставил вас ожидать мой предварительный отчёт о минувшей Тибетской экспедиции. Теперь он готов, и я его высылаю с большим удовольствием, радуясь, что он будет помещён на страницах Известий Вашего славного Королевского Географического Общества.

Прошу принять Вас, Милостивый Государь, равно и кн. Кропоткина, моё совершенное почтение и полную признательность.

П. Козлов

Письмо 3

Милостивый Государь
Господин Секретарь!

Прежде всего глубоко извиняюсь, что пишу не на английском, а на своём, родном, русском языке.

Преклоняюсь перед выдающейся деятельностью Вашего Royal Geographical Society, которое внимательно следило за деятельностью моей минувшей тибетской экспедиции и которому, в своё время, я писал отчёт об ней для помещения на страницах Вашего журнала, — ныне я также хочу поделиться сведениями о истёкших двух периодах моей настоящей экспедиции — о монгольском и кукунорском. Тре-

Долгие годы поддерживал дружеские отношения с П. К. Козловым.

²⁶ Все письма имеют штамп КГО: RGS/IBG Archives, London, с дополнительным указанием: RGS Archives, Correspondence Block, 1881—1910; 1911—1920; 1921—1930.

²⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 160. Л. 12. Письмо секретаря КГО П. К. Козлову от 11 мая 1923 г.

²¹ См.: [Anon., 1926; 1927].

²² Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 160. Л. 16.

²³ Стреченский дневник П. К. Козлова (1 мая—5 октября 1930 г.) находится в архиве Музея-квартиры П. К. Козлова в электронном виде. Передан в 2013 г. родственником сына Козлова (В. П. Козлова) А. Б. Лудниковым.

²⁴ [Anon., 1936].

²⁵ Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940) — учёный географ-океанограф, преподаватель Морской академии (до 1930), председатель РГО (1917—1931).

тий, последний, период будет посвящён отчасти исследованию нагорья бассейна Жёлтой реки, отчасти дополнительным, более продолжительным, нежели прежде, раскопкам в мёртвом городе Хара-Хото.

Только что мною получено письмо от помощника председателя Русского Географического Общества, А. В. Григорьева, который на основании знакомства с письменами и другими данными, отправленными мною ещё весной в С.-Петербург, спешит порадовать меня, что открытый мною «Хара-Хото» есть Си-Ся (Hsia-Hsia), столица тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век ...²⁷

Из оазиса Гуй-дуй'я (город Гуй-дэ-тин) я намерен выступить в первых числах нового, 1909-го, года, с целью сделать маршрут через монастыри Рарджа, Лабран и кит[айский] город Лань-чжоу-фу в Алашань или Дын-юань-ин.

Когда Вы, Милостивый Государь, получите это моё письмо, Ваш покорнейший слуга будет на пути к южной Монголии, а ещё месяца через два уже и на своих любимых развалинах His-hsia.

О результатах деятельности последнего периода экспедиции я постараюсь сообщить Вам по возвращении на родину, в сентябре, в октябре 1909 года.

Если моя статья будет благосклонно принята Вами и помещена на страницах Вашего географического журнала²⁸, то я буду просить Вас не отказать мне в любезности изготовить для меня пятьдесят оттисков (с обложкой) и выслать таковые по адресу: Москва. Арбат, дом Титова (№ 34), кв. 9. Полковнику П. К. Козлову,

Чем премного обяжете искренно
уважающего и признательного Вам

П. Козлов

P.S. Благоволите уведомить меня (через посредство Русского посольства в Пекине) о получении Вами моего письма и статьи и о Вашем взгляде на полученное. П.К.

Оазис Гуй-дуй
(Провинция Гань-су)
23 / XII. ст. ст. 1908 г.

²⁷ А. В. Григорьев в письме П. К. Козлову от 9 сентября 1908 г. сообщил, что открытый им Хара-Хото — это «исчезнувшее Си-ся (His-hsia), столица тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век». «Не есть ли это Etzin'a Марко Поло?», писал далее Григорьев. Отождествление Хара-Хото и города Си-Ся является ошибкой и, скорее всего, принадлежит не Григорьеву, а кому-либо из востоковедов, с которыми он консультировался по поводу открытия Козлова. Си-Ся в переводе с китайского означает «Западное Ся», так называлось тангутское государство. См.: Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184. Л. 49—50 об.

²⁸ Эта вторая статья П. К. Козлова была опубликована ГЖ: [Kozlov, 1910]. О публикации первой статьи см. примеч. 4.

Письмо 4

Москва, Арбат, 31

6 ноября 1909

Милостивый Государь
Господин Секретарь!

Я очень извиняюсь, что замедлил с ответом и благодарностью за Ваше любезное письмо и присылку шести экземпляров октябрьской книжки «Geographical Journal»²⁹. Мне очень приятно, что моя статья прекрасно и полностью переведена и помещены оттиски фотографий, характеризующие места, посещённые моей экспедицией.

В настоящее время я немного свободнее и пишу вторую половину моего заочного доклада Вашему Обществу. Написав статью эту, я тотчас пришлю её Вам — как продолжение и окончание. Со статьёю вышлю и материалы для составления карты, покрывающей маршруты экспедиции; по-прежнему пришлю и оттиски со снимков — видов и типов посещённых стран, с включением и оттисков открытых мною интересных развалин древнего города Хара-Хото.

Я рад, что мой археологический материал доставлен в Петербург в полной сохранности и наши специалисты востоковеды уже приступили к его изучению и определению. Интерес, какой они при этом проявили, и богатство ваших хара-хотских находок превзошли все мои ожидания. Этот клад — научное сокровище. Целая библиотека и свыше сотни иконописных и металлических изображений божеств буддийского пантеона, вероятно, прольют новый свет на прошлое Тангутской столицы, затерявшейся в пустынном центре Монголии.

Мой публичный доклад Географическому Обществу в С.-Петербурге состоится в декабре месяце, к этому времени будет готова и выставка коллекций моей экспедиции.

Шлю Вам мои лучшие пожелания.

Преданный и признательный Вам

П. Козлов (росчерк подписи)

Письмо 5

3/16 июля 1910 г.

Pas-de-Calais
Berck Plage
Villa Normande

Monsieur le Colonel [P. K.] Kozloff
Милостивый Государь
Господин Секретарь!

Предположение моё уже сбылось: я уже проживаю на южном берегу Ла-Манша в Berck Plage, — следовательно, в соседстве с Лондоном ... Мне очень хотелось бы побывать в Лондоне, осмотреть его выдающиеся достопримечательности, а главное заглянуть в Royal Geographical Society и познакомиться с Вами. Сокрушаюсь очень незнанием английского языка, но рассчитываю на кого-либо из со-

²⁹ См. примеч. 4.

отечественников — в роде П. А. Кропоткина или кого-нибудь другого [из] сотрудников Вашего Общества — в роли переводчика.

На всякий случай со мною имеется карта 40-ка вёрстного масштаба с нанесением маршрута Монголо-Сычуаньской экспедиции Импер. Рус. Геогр. О-ва 1907—1909 гг.; 52 диапозитива, а также наиболее характерные фотографии видов и типов посещённых стран, равно и образцы археологических коллекций Хара-Хото, как-то: книги, свиток письмён, акварель, миниатюры-образцы буддийской иконописи, бронзовая статуэтка и немного другое.

Если Вы располагаете временем и можете принять меня, то я сочту за честь прибыть в указанный Вами срок в Лондон. Отчёт и объяснения диапозитивов мог бы дать в моём присутствии и с моею помощью один из указанных выше Ваших сотрудников при обществе, знающий русский и английский языки.

Интересно, вышла ли из печати моя последняя, высланная Вам весною, статья, корректурные листы которой я имел в руках уже давно³⁰. Эта статья и статья, помещённая в окт[ябрьской] книжке 1909 года, могли бы облегчить меня, раз они имелись бы в руках слушателей — членов Общества.

В ожидании Вашего благосклонного ответа, Ваш искренне преданный

П. Козлов

P.S. Если статья напечатана, то благоволи́те прислать мне хотя бы три экземпляра.

Письмо 6

Berck Plage

9/22 — VII — 1910

Милостивый Государь

Господин Секретарь!

Позвольте принести Вам мою глубокую благодарность за Ваше любезное письмо и за Ваше обязательное разъяснение интересующего меня вопроса по поводу моей предполагаемой поездки в Лондон. Благодарю также за Ваше внимание и готовность пойти моим намерениям навстречу даже и в случае окончания сезона в Вашем Географическом Обществе.

На обратном пути в Россию, примерно в конце сентября или начале октября, я, может быть, буду проездом в Лондоне (несколько часов), когда непременно зайду в Общество, чтобы оставить Вам мою карточку или пожать Вашу руку и лично познакомиться с нашим маститым географом Кн. П. А. Кропоткиным, которому я, в своё время, напишу об этом.

Буду ожидать сентябрьского выпуска журнала Географического Общества, а пока примите мою благодарность за корректурные листы моей статьи.

Глубокоуважающий и искренно преданный Вам

П. Козлов

P.S. Князю Кропоткину благоволи́те передать мой сердечный привет.

³⁰ Эта статья появилась лишь в сентябрьском номере ГЖ за 1910 г., см. примеч. 10.

Письмо 7

St. Petersburg

Smolny 6

Col. Kozloff

July 17/30 1913

Dear Sir,

in October (20) 1913 will be 25 years since the death of the great explorer of Central Asia — Prjevalsky.

I am sending you this article with the description of his travels, hoping you shall accept it for your Geographical Journal. I am sending you also one of the best photographs of Prjevalsky, which I would please ask you to return after use.

In October I am going over to Prjevalsk (near the lake Issik-kul), as a deputy of the Russian Geographical Society, to commemorate this sad event on the lonely tomb of my great teacher.

Hoping you will excuse the liberty I am taking,

Believe me

Yours sincerely

P. Kozloff

P.S. I should be very thankful to you, if you would kindly send me a few numbers of the geographical journal, where my article will be printed. P. K.

Перевод: [Дорогой Сэр, в октябре (20) 1913 г. исполняется 25 лет со времени смерти великого исследователя Центральной Азии — Пржевальского. Я посылаю Вам эту статью с описанием его путешествий в надежде, что вы опубликуете её в вашем Географическом Журнале. Я вам также посылаю одну из лучших фотографий Пржевальского, которую прошу вернуть мне после использования.]

В октябре я отправляюсь в Пржевальск (возле озера Иссык-Куль) в качестве представителя Русского географического общества, чтобы отметить это скорбное событие на одинокой могиле моего великого учителя. Прошу извинить меня за допущенную вольность, искренне Ваш, П. Козлов

P.S. Я буду вам очень благодарен за присылку мне нескольких номеров географического журнала, в котором будет опубликована моя статья. П. К.]

Письмо 8

To the Royal London Geographical Society

Dear Sir,

Mr. President!

Having been the honourable member-correspondent of your respected and famous Geographical Society, I used from time to time to acquaint you with my modest geographical explorations. At present I am first of all in haste to inform just the English Geographical Society of the new expedition to Mongolia and Tibet, organized by the Russian Geographical Society under my leadership.

This expedition to Central Asia, being the sixth one in which I take part, and the third one under my leadership, is the direct continuation of my exclusively scientific works in Mongolia and Tibet, with the members chosen by myself, according to my own desire.

The expedition will last three years. The number of participants is 21 persons. The route of the expedition will be as follows: Petrograd — Verkhneudinsk — Kiakhta; then Mongolia — Urga, Khara-Khoto, the Middle Nan-shan, Tsaidam.

This will be the first year. The second year, 1924, the expedition will spend in Tibet, exploring chiefly the region of the sources and upper courses of the rivers Yantse-tsian, Me-kong, Saluen and others, in order to explore this elevated country in the geological, botanical, zoological and ethnographical respects.

As a naturalist, I am infinitely attracted by the Southern and Eastern Tibet, allured by its rich vegetation and animal life; however, it is quite impossible to say at present, where namely the expedition will have to complete its work, as well as it is difficult to define the route, by which it will return: will it be China, Mongolia or Eastern Turkestan.

Should circumstances permit it, I will briefly inform you and your honourable members of my journey through Mongolia and Tibet, and send you copies of my short, preliminary reports to the Russian Geographical Society and the Russian Academy of Sciences.

I shall be happy to obtain the good wishes of your famous Society for the success of my expedition, as all spiritual support is of such importance and helps the explorer through all hardships which are very great in Central Asia.

I remain

Yours truly P. Kosloff

Honorable member of the Russian Geographical Society

Перевод: [В Королевское Географическое Общество, Дорогой Сэр, Г-н Президент!

Являясь почётным членом-корреспондентом вашего уважаемого и знаменитого Географического Общества, я время от времени знакомил вас с моими скромными географическими исследованиями. В настоящее время спешу уведомить вас, английское ГО о новой экспедиции в Монголию и Тибет, организуемой Русским Географическим Обществом под моим руководством.

Эта экспедиция в Центральную Азию — шестая, в которой я принимаю участие вместе с участниками, выбранными мною, по моему желанию, и третья под моим началом, является прямым продолжением

моих сугубо научных исследований в Монголии и Тибете.

Экспедиция продлится три года. Число её участников — 21 человек. Маршрут экспедиции будет следующим: Петроград — Верхнеудинск — Кяхта; затем Монголия — Урга, Хара-Хото, Средний Нань-Шань, Цайдам.

Таким будет первый год. Второй год (1924) экспедиция проведёт в Тибете, исследуя главным образом истоки и верхнее течение рек Янцзы, Меконг, Салуэн и других, с тем чтобы исследовать эту высокогорную страну в геологическом, ботаническом, зоологическом и этнографическом отношениях.

Меня как натуралиста бесконечно влечёт к себе Южный и Восточный Тибет, его растительность и животный мир. Однако в настоящее время невозможно сказать, где именно экспедиция завершит свою работу, равно как и затруднительно определить её обратный маршрут, будет ли это Китай, Монголия или Восточный Туркестан.

Если мне позволят обстоятельства, я буду информировать вас и ваших почётных членов о моем путешествии по Монголии и Тибету и посылать вам копии моих кратких предварительных отчётов Русскому Географическому Обществу и Российской Академии Наук.

Я буду счастлив получить добрые напутствия вашего знаменитого Общества, пожелания успеха моей экспедиции, поскольку духовная поддержка крайне важна, ибо помогает исследователю преодолеть все трудности, которых столь много в Центральной Азии.

Искренне ваш П. Козлов, почётный член РГО]

3/VII 1923

Petrograd

P.S. The expedition hopes to start in July. The address during the first three months will be as follows:

Troitskossavsk (Zabaikalye), to the Chief of the Mongolia — Tibetan Expedition

(Троицкосавск — Забайкалье, Начальнику Монголо-Тибетской экспедиции)

[P.S. Надеюсь, экспедиция начнётся в июле. Мой адрес в первые три месяца будет следующим: Троицкосавск — Забайкалье, Начальнику Монголо-Тибетской экспедиции]

Использованная литература

- Андреев, Юсупова, 2001: Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923—1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51—74 (Andreev A. I., Yusupova T. I. Istoriia odnogo ne sovsem obychnogo putesthestviia: Mongolo-Tibetskaya ekspeditsiya P. K. Kozlova (1923—1926 gg.) // Voprosy istorii estestvoznaniya i techniki. 2001. № 2. P. 51—74).
- Козлов, 1913: Козлов П. К. Памяти Николая Михайловича Пржевальского. (По случаю 25-летия со дня смерти). С.-Петербург, 1913 (Kozlov P. K. Pamiati Nikolaia Mi-khailovicha Przheval'skogo (Po sluchayu 25-letiya so dnia smerti). S.-Petersburg, 1913).
- Ломакина, 2004: Ломакина И. И. Великий Беглец. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2004 (Lomakina I. I. Velikii Beglets. M: Dizain. Informatsiia. Kartografiya, 2004).
- Юсупова, 2013: Юсупова Т. И. Международное признание заслуг путешественника П. К. Козлова в изучении Центральной Азии // Известия РГО. 2013. № 4. С. 79—84 (Yusupova T. I. Mezhdunarodnoe priznanie zaslug putesthestvennika P. K. Kozlova v izuchenii Tsentral'noi Azii // Izvestiia RGO. 2013. № 4. P. 79—84).

- Anon., 1923: *Anon.* Kozloff's New Expedition to Central Asia // *Geographical Journal*. 1923. Vol. LXII. № 2. P. 152—153.
- Anon., 1926: *Anon.* Colonel Kozlov's Mongolian Expedition // *Geographical Journal*. 1926. Vol. LXVIII. № 2. P. 170.
- Anon., 1927: *Anon.* Recent Russian Archeological Exploration // *Geographical Journal*. 1927. Vol. LXIX. № 3. P. 262.
- Anon., 1936: *Anon.* Obituary. Colonel P. K. Kozlov // *Geographical Journal*. 1936. Vol. LXXXVII. № 2. P. 190—191.
- Kozlov, 1908: *Kozloff P.* Through Eastern Tibet and Kham (translated by Capt. A. B. Linsday) // *Geographical Journal*. Vol. XXXI. № 4. April 1908. P. 402—415; № 5. May 1908. P. 521—534, № 6. June 1908. P. 649—661.
- Kozlov, 1909: *Kozloff P. K.* The Mongolia-Sze-Chuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // *Geographical Journal*. October 1909. Vol. XXXIV. № 4. P. 384—408.
- Kozlov, 1910: *Kozloff P. K.* The Mongolia-Sze-Chuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // *Geographical Journal*. September 1910. Vol. XXXVI. № 3. P. 288—310.

A. I. Andreyev

The Materials about the Expedition activity of P. K. Kozlov in the Archives of the Royal Geographical Society of London

The article examines the relations of one of the outstanding Russian explorers of Inner Asia, Petr Kuz'mich Kozlov (1863—1935) and the Royal Geographical Society of London. Thanks to these contacts which lasted for over two decades (1902—1923) and publication of his travel accounts in the Society's *Geographical Journal*, Kozlov was able to acquire world-wide renown, since the RGS was one of the most prestigious geographical societies in Europe. His contacts with the RGS also enabled him to attract the attention of leading British and European geographers to the activities of the Russian Geographical Society, particularly in the Inner Asian region. The Appendix includes Kozlov's correspondence with the RGS which consists of his eight letters addressed to the Society's two secretaries, John S. Keltie and Arthur R. Hinks, in the years 1902—1923.

Key words: P. K. Kozlov, N. M. Przhevalskii, E. V. Puskariova, D. Keltie, A. Hinks, Royal Geographical Society (KGO), Russian Geographical Society (RGO), *Geographical Journal*, London, Khara-Khoto, Central Asia, Mongolia, Tibet.

Р. М. Валеев

Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)¹

Во второй половине XIX—начале XX в. ведущим миссионерским и этнополитическим учреждением в России, одним из крупных православных центров по изучению истории, культуры, этнографии и языка тюркских, финно-угорских и монголоязычных народов, являлась Казанская духовная академия (1842—1921).

Ключевые слова: миссионеры, Казанская духовная академия, Национальный архив, Монголия, изучение восточных языков.

Комплексное историографическое и источниковедческое исследование просветительской, научной и общественной деятельности преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, анализ научных трудов по истории, этнографии, языку и культуре тюркских, финно-угорских и монголоязычных народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири в Казани во второй половине XIX—начале XX в. представляет академический и прикладной интерес для современных ученых и практиков.

Историко-культурный феномен взаимодействия буддизма, ислама и христианства наиболее отчетливо проявился в Волго-Уральском регионе и Сибири. После падения Казанского и Астраханского ханств (1552—1556) и завоевания в 1583 г. Сибирского ханства российским правительством проводилась активная имперская миссионерская политика по отношению к этносам и народам присоединенных территорий. Основной ее целью были насильственное крещение, русификация, создание специальной системы образования и ее ключевых институтов.

С установлением власти Москвитии над многонациональным населением Казанского и Сибирского краев и учреждения особой епархии (1555) утверждение православия не только являлось миссионерской задачей церкви, но было важной составляющей государственной политики российского царизма на восточных окраинах Российской империи.

Завоевание Московским государством его давних политических и духовных соперников — Казанского, Астраханского и Сибирского ханств в XVI в. и в целом военно-политическое и социокультурное подчинение территории Волго-Уральского и Сибирского регионов стало значимым рубежом в формирова-

нии и развитии нового политического, военного, цивилизационного, коммуникационного, демографического, информационного уникального пространства между Востоком, Россией, Европой.

Эти важные события в XVI—начале XX в. в истории и культуре тюркских, финно-угорских, славянских, монгольских и других народов Евразии имели исключительное значение в развитии мировой цивилизации. В исторических и культурных центрах Поволжья и Приуралья, Сибири обозначился новый рубеж столкновения и поиска межкультурного взаимодействия христианской (православной), исламской и буддийской цивилизаций. Постепенно территориальные притязания дополнялись формированием новых религиозных и в целом духовных ценностей и ориентиров регионального сообщества и народов. Для России и Запада исторические последствия взаимодействия мировых цивилизаций в Волго-Уральском и Сибирском регионах также оказались значимыми.

В XVIII—первой половине XIX в. формируется система преподавания и изучения восточных языков — арабского, татарского, калмыцкого, монгольского и финно-угорских в православных духовных учебных заведениях, в частности в Казанской семинарии и академии. Изучение восточных языков народов России преследовало практические интересы и обслуживало потребности внутренней политики и социокультурной деятельности российского государства.

История российского востоковедения XVIII—начала XX в. ярко отражает позицию русской православной церкви и духовенства. Это прослеживается в создании духовных миссий на Востоке, изучении восточных языков в синодальных учреждениях, появлении миссионерских центров в азиатских регионах Российской империи и т. д. В XIX—начале XX в. Казань стала официальным центром империи

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научных проектов № 17-01-00209 и № 17-11-16002.

в осуществлении практики и идеологии православного миссионерства и русификации народов Поволжья, Приуралья и Сибири, в том числе монголоязычных народов российского государства.

Два мировоззрения — светское и религиозно-православное отчетливо представлены в российском востоковедении в целом и монголоведении и буддологии в частности.

Указ Павла I от 31 мая 1800 г. об учреждении в Казанской духовной академии (преобразована в академию из духовной семинарии в 1797 г.) «особого класса татарского языка» положил начало официальному преподаванию восточных языков. Вплоть до 40-х гг. XIX в. преобразования православных учебных заведений г. Казани не позволяли углублять преподавание восточных языков и формировать прочную систему востоковедных дисциплин. Преподавание татарского языка в духовной семинарии г. Казани было связано с желанием духовного начальства открыть «классы татарского языка» в учебных заведениях Казанского духовно-учебного округа — Астраханской, Нижегородской, Пермской, Пензенской, Тамбовской, Оренбургской, Тобольской епархиях. Именно в 40-х гг. XIX в. активизируется изучение восточных языков в духовной академии, которая во второй половине XIX в. стала ключевым центром миссионерской идеологии и практики в Российской империи. Основное внимание было уделено изучению восточных языков — арабского, татарского, калмыцкого и монгольского [Знаменский, 1892; Валеев, 1993; 1998].

Важное значение имело образование в январе 1845 г. в составе духовной академии двух восточных разрядов (кафедр) — монгольско-калмыцкого и турецко-татарского (арабского), просуществовавших до 1854 г. [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1; Д. 827. Л. 40; Знаменский, 1892; 1892а]. В середине 40-х гг. прошлого столетия постановка преподавания восточных языков в академии связана с именами известных профессоров восточного разряда университета А. К. Казем-Бека и А. В. Попова. В 1844—1845 гг. студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по восточным языкам — татарскому, монгольскому и калмыцкому. С середины 40-х гг. XIX в. в академии формируется свой круг преподавателей восточных языков. Среди них первые выпускники академии — Н. Ильминский и А. Бобровников [Харлампович, 1907. С. 740; Журавский, 1999; Werth, 1997]. Преподавание азиатских языков и исследование материалов приняло устойчивое положение в середине — второй половине XIX в. Истоки традиции востоковедения в православных учебных заведениях г. Казани справедливо олицетворяются с деятельностью А. А. Бобровникова (1821—1865), Н. И. Ильминского (1822—1891) и Г. С. Саблукова (1804—1880). В 1854 г. Указ Синода, который ликвидировал в духовной академии восточные разряды и открыл миссионерские отделения, где были представлены язык и этнография татар, монгольский и калмыцкий язы-

ки, а также языки и этнография языческих народов России, положил начало новому этапу в истории казанского миссионерского востоковедения второй половины XIX—начала XX в. [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827. Л. 39; Д. 1324. Л. 96—97 об.].

Благодаря этим мероприятиям официальных властей Казанская духовная академия превратилась в крупнейший центр миссионерского востоковедения в России. Такой широты в преподавании восточных языков и востоковедных предметов практически не было в других российских православных духовных учебных заведениях во второй половине XIX—начале XX в.

Казанские востоковеды-миссионеры тесно сотрудничали с православными обществами и миссиями и были связаны учебной и научной деятельностью со многими российскими академическими и университетскими центрами и ориенталистами. В 1854—1855 гг. в противомусульманском и противобуддистском отделениях духовной академии открываются должности практикантов восточных языков — монгольского и татарского, которые сохранились и расширились во второй половине XIX—первых десятилетиях XX в.

История, этнография и языки народов Сибири и Дальнего Востока в разные периоды времени изучались на противобуддистском отделении и на монгольском отделении Казанской духовной академии, а с 1889 г. на Казанских двухгодичных миссионерских курсах при Казанской духовной академии. Так, здесь изучались история и этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и др. Занятия вели И. И. Ястребов, иеромонах Гурий (Степанов), священник И. Попов, Иеромонах Амфилохий, А. П. Межуев, И. И. Шаракшинов и др.

Отличительной чертой казанского миссионерского востоковедения стала подготовка преподавателей восточных языков и обучение этим языкам. Практиковалось направление преподавателей и учащихся в регионы страны, населенные азиатскими народами, и на Восток. На мусульманский Восток был направлен выпускник Казанской духовной академии М. А. Машанов, посетивший Джидду и Каир в 1885—1887 гг. [Протоколы заседаний... 1885; Хабибуллин, 2006]. В 1909—1910 гг. лектор французского языка и практикант арабского языка «кафедры арабского языка и обличения мухамеданства» академии П. К. Жузе находился с научной целью на Арабском Востоке. В 1912—1914 гг. в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также буддизма и ламаизма [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11095. Л. 11; Хабибуллин, Кострюков, 2012].

В результате многочисленных командировок преподавателями Казанской духовной академии были составлены научные отчеты и накоплено большое количество документальных источников, книг и дру-

гих предметов, отражающих культуру, быт, обычаи, национальные праздники многих народов России. Большинство этих ценных вещей были собраны в миссионерском историко-этнографическом музее Казанской духовной академии, организованном в сентябре-октябре 1912 г. при фундаментальной академической библиотеке.

Большое значение для комплектования фондов имели пожертвования преподавателей академии. Многие из них имели многолетний опыт миссионерской деятельности. Так, доцент академии по кафедре калмыцкого языка архиепископ Иннокентий (Илья Иванович Ястребов; 1867—1928) в течение 14-летней миссионерской деятельности несколько раз побывал в калмыцких улусах Астраханской губернии с целью изучения языка, быта и религиозных верований калмыцкого народа, путешествовал по Сибири, совершенствуя опыт миссионерской деятельности и изучая язык сибирских монголов [Протоколы заседаний... 1891]. Ученый-востоковед, профессор академии по кафедре миссионерских предметов, архиепископ Суздальский Гурий (Алексей Иванович Степанов; 1880—1938) пожертвовал музею ценные коллекции буддийских, монгольских, калмыцких и бурятских идолов и другие предметы домашнего быта монголов, калмыков и бурят [НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358].

Коллекцию из более чем ста предметов, привезенных из Монголии, преподнес в дар музею специалист по ламаизму иеромонах Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич; 1885—1937; впоследствии епископ Енисейский и Красноярский). В их числе были изображения буддистских богов и богинь на полотне, из терракоты, бронзы, дерева и папье-маше, ксилографические доски для печатания молитв, принадлежности шаманского культа, четки, китайские монеты и многое другое [Отчет... 1913]. После возвращения в 1914 г. из двухлетней командировки в Монголию он, помимо научной и преподавательской деятельности, принимал самое активное участие в судьбе музея, будучи помощником директора [Дамаскин, 2002].

Во второй половине XIX—первых десятилетиях XX в. происходят существенные изменения в преподавании восточных языков и миссионерских востоковедческих предметов или курсов. Формируется и развивается система подготовки православных миссионеров, знающих восточные языки, историю язычества, ислама и буддизма. Казанские миссионеры-востоковеды духовной академии активно занимаются разнообразными вопросами идеологии и практики православной миссионерской деятельности в России, в частности в Поволжье и Приуралье, Сибири, на Дальнем Востоке и Кавказе.

Заслуживает особого интереса неопубликованный фундаментальный труд архиепископа Гурия²

«Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том. 2. Буряты», сохранившийся в фондах Национального архива Республики Татарстан [НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874]. Несомненно, эта рукописная книга, состоящая из 1001 листа (машинописных листов и набранных типографским способом) является новым интересным источником, связанным с официальными задачами политико-культурной интеграции буддийского пространства Российской империи и «изучения живой буддийской религиозной традиции, получившей распространение в Центральной Азии» [Ермакова, 1995. С. 139]. Во многом она является оригинальным материалом, позволяющим осмыслить феномен буддизма в исследованиях российских православных миссионеров ученых второй половины XIX—начала XX в.

Данный труд имеет исключительное значение для изучения феномена миссионерской деятельности православной церкви среди монголоязычных народов, особенно бурят. В оценке автора: «Настоящее исследование является продолжением наших работ по истории распространения христианства среди монгольских племен и обнимает собою весь период миссионерской деятельности Православной Русской церкви среди бурят — восточной ветви монгольского народа, проживающего в пределах России» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874. Л. 1].

В этом труде затрагиваются вопросы православного прозелитизма в политическом и этнокультурном буддийском пространстве Сибири через призму истории христианизации бурятского народа. В той или иной степени миссионерская деятельность Русской Православной церкви среди бурят освещается с оценкой внутренних и внешних исторических факторов — формирования русского государства и его этнической и религиозной роли в противостоянии с буддизмом в его «ламаистской» форме и распространения христианской культуры в языческой и буддийской Сибири.

Работа архиепископа Гурия начинается с введения, в котором дан исторический очерк жизни бурят; представлен насыщенный материал, посвященный различным миссиям (Даурская, Иркутская, Забайкальская и др.) и их святителям (например, начиная с Иннокентия (И. Кульчицкий) и последующим его преемникам; особое внимание уделено «внутреннему состоянию крещеных бурят», «правовому положению крещеных бурят», «школьному делу», «переводческому делу», «заботам о материальном благосостоянии»; разнообразные материалы посвящены «ольхонским бурятам», «идинским бурятам», «алар-

гических работ, связанных с философско-теоретическими и практическими результатами его деятельности. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию. В 1908 г. в Казани он опубликовал свою диссертацию «Буддизм и христианство в их учении о спасении». Автор «Очерков по истории распространения христианства среди монгольских племен» (Т. 1. Казань, 1915) и других работ.

² Гурий (Степанов Алексей Иванович, 1880—1937/38) — архиепископ Суздальский, православный миссионер и востоковед-буддолог. Автор различных буддоло-

ским бурятам», «кударинским бурятам», «баргузинским бурятам»; излагается краткая история различных миссионерских станов (Боханский, Молькинский, Бильчирский, Аларский и др.); описываются «порядок крещения и назидания» и «враги миссии: ламство, шаманство, языческое начальство»; выделяется раздел «заключительный период в истории Иркутской духовной миссии»; приводится «список церквей Иркутской епархии за 1912 г.» и др.

В конце труда автор приходит к выводам о характере распространения христианства «среди инородцев других епархий, как, например, среди калмыков в Астраханской епархии, среди вотяков Вятской епархии за первое десятилетие XIX-го ст., среди алтайцев Томской епархии...» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874. Л. 934].

Выводы Гурия сводятся к следующему: «...Народные массы крещеных бурят обрекались на неизбежный долгий путь двоеверия с внутренним преобладанием языческого самосознания в доброй половине этого пути. Можно сказать, что проникновению христианским самосознанием здесь суждено было идти параллельно с обрусением бурят и усвоением ими уклада русской культурной жизни, поскольку этот уклад тесно связан с началами христианства» [НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874. Л. 953].

Книга имеет пять приложений: «Краткий исторический очерк положения ламаизма в Забайкалье», «Положение миссии после Пр. Мелетия», «Суждения о положении противоламайской миссии Иркутского миссионерского съезда», «Меры, предложенные Казанским и Иркутским съездами для улучшения миссионерского дела и усиления христианской проповеди среди ламаитов — калмыков и бурят».

В них архиепископ Гурий обращается к оценке деятельности А. Доржиева. Характеризуя его как выдающегося общественного деятеля и проповедника буддизма, он писал: «Особенно пропаганда ламаизма успешно шла в Кырмэнском ведомстве — на родине Хамбо-ламы Агвана Дорджиева»; «...выдвигалась слава верхоленского уроженца — старшего Цанита-хамбо (первого министра Далай-ламы — Авгана Дорджиева); «с переселением Далай-ламы из Тибета в Монголию, Агван Дорджиев каждую осень приезжал в Петербург и, прожив там зиму, весной возвращался в Монголию» и др. [НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874. Л. 978—979].

Заккрытие Казанской духовной академии в 1919/20 учебном году прервало в России традицию миссионерского монголоведения и буддологии.

Использованная литература

- Валеев, 1993: *Валеев Р. М.* Из истории казанского востоковедения середины и второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед. Казань, 1993 (*Valeev R. M. Iz istorii kazanskogo vosto-kovedeniya serediny vtoroy poloviny XIX v.: Gordiy Semenovich Sablukov — tyurkolog i islamoved. Kazan', 1993*).
- Валеев, 1998: *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.—20-е гг. XX в.). Казань, 1998 (*Valeev R. M. Kazanskoe vosto-kovedenie: istoki i razvitie (XIX v.—20-e gg. XX v.). Kazan', 1998*).
- Дамаскин, 2002: *Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 6. Тверь, 2002 (*Damaskin (Orlovskii), ieromonah. Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya RPHs XX stoletiya: Zhizneopisaniya i materialy k nim. Kn. 6. Tver', 2002*).
- Ермакова, 1995: *Ермакова Т. В.* Исследования буддизма в России (конец XIX—начало XX в.) // Восток. 1995. № 5 (*Ermakova T. V. Issledovaniya buddizma v Rossii (konets XIX—nachalo XX v.) // Vostok. 1995. № 5*).
- Журавский, 1999: *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884—1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999 (*Zhuravskiy A. V. Kazanskaya duhovnaya akademiya na perelome epoh. 1884—1921 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. M.: In-t ros. istorii RAN, 1999*).
- Знаменский, 1891: *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за I (дореформенный) период ее существования. 1842—1870 гг. Вып. I. Казань, 1891 (*Znamenskiy P. V. Istoriya Kazanskoy duhovnoy akademii za I (doreformennyyi) period ee sushsestvaniya. 1842—1870 gg. Vyp. I. Kazan', 1891*).
- Знаменский, 1892: *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за I (дореформенный) период ее существования. 1842—1870. Вып. II. Казань, 1892. С. 5 (*Znamenskiy P. V. Istoriya Kazanskoy duhovnoy akademii za I (doreformennyyi) period ee sushsestvaniya. 1842—1870 gg. Vyp. II. Kazan', 1892*).
- Знаменский, 1892а: *Знаменский П. В.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892 (*Znamenskiy P. V. Na pamyat' o Nikolae Ivanoviche Il'minskome. K dvadtsatipyatiletiyu Bratstva Svyatitelya Guriya. Kazan': Tip. Imp. un-ta, 1892*).
- Отчет... 1913: Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1909—1913 гг. Казань, 1913 (*Otchet o sostoyanii Kazanskoy Duhovnoy Akademii za 1909—1913 gg. Kazan', 1913*).
- Пайпс, 1993: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме: пер. с англ. М., 1993 (*Paips R. Rossiya pri starom rezhime: Per. s angl. M., 1993*).
- Протоколы заседаний... 1885: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1885 г. Казань, 1885 (*Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy duhovnoy akademii za 1885 g. Kazan', 1885*).
- Протоколы заседаний... 1891: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. Казань, 1891 (*Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy duhovnoy akademii za 1890 g. Kazan', 1891*).
- Протоколы заседаний... 1913: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1907 г. Казань, 1913 (*Protokoly zasedaniy Soveta Kazanskoy duhovnoy akademii za 1907 g. Kazan', 1913*).
- Хабибуллин, 2006: *Хабибуллин М. З.* Михаил Александрович Машанов — профессор Казанской духовной академии, миссионер и исламовед. Казань, 2006 (*Habi-*

- bullin M. Z. Mihail Aleksandrovich Mashanov — professor Kazanskoy duhovnoy akademii, missioner i islamoved. Kazan', 2006).*
- Хабибуллин, Кострюков, 2012: *Хабибуллин М. З., Кострюков М. А.* Казанское востоковедение XIX—первой половины XX в. Казань, 2012 (*Habibullin M. Z., Kostryukov M. A.* Kazanskoe vostokovedenie XIX—pervoy poloviny XX v. Kazan', 2012).
- Харлампович, 1907: *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия (1842—1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т. VIII (*Harlampovich K. V.* Kazanskaya duhovnaya akademiya (1842—1907 gg.). Istoricheskiy ocherk // Pravoslavnaya bogoslovskaya entsiklopediya. SPb., 1907. T. VIII).
- Успенский, 2006: *Успенский В. Л.* Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912—1914 гг. // Письменные памятники Востока. 2006. № 1 (4) (*Uspenskiy V. L.* Pоеzdka ieromonaha Amfilohiya v Mongoliyu v 1912—1914 gg. // Pis'mennye pamyatniki Vostoka. 2006. № 1 (4)).
- Bennigsen, 1967: Islam in the Soviet Union. By Bennigsen Alexandre and Lemerrier-Quelquejay Chantal. Introduction by Geoffrey E. Wheeler. New York and Washington: Frederick A. Praeger, 1967.
- Islam in the Soviet Union; Geraci Robert P. USA: University of Virginia, 2001.
- Werth, 1997: *Werth Paul William.* Subjects for Empire: Orthodox mission and imperial governance in the Volga-Kama region. USA: University of Michigan, 1997.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив республики Татарстан — НАРТ.
Ф. 10. Оп. 1. Д. 463; 827; 1324; 11095; 11358.

R. M. Valeev

Missionary Oriental Studies in Kazan and studying of the Mongolian speaking Peoples (19th—the head of the 20th centuries)

The aim of the research consists in the objective representation of history of the missionary departments of the Kazan Theological Academy, the study of the educational, scientific and public work of its teachers and graduates, the analysis of scientific works on history, ethnography, language and culture of the Turkic, Finno-Ugrian and Mongolian peoples of the Middle Volga region in Kazan in the second half of the XIX—the beginning of the XX centuries. The Kazan Theological Academy was one of the largest religious and educational, missionary, ethnic and political institutions in Russia and, at the same time, one of the leading centers for studying history, culture, ethnography and language of the Turkic, Finno-Ugrian and Mongolian peoples in the second half of the XIX—the beginning of the XX centuries.

Key words: Missionaries, Kazan Spiritual Academy, National archive, Mongolia, studying of east languages.

И. В. Ерофеева

Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)

В статье рассматривается история создания и религиозной деятельности буддийских монастырей ойратов на территории среднего и верхнего течения р. Или и ее притоков в течение первой половины XVIII в. и одного монастыря — с 40-х гг. XVIII в. до середины XIX в. Впервые на основе географических карт XVIII—XX вв. и результатов новейших полевых исследований в Семиречье точно установлено бывшее местоположение этих объектов, их топография, размеры и основные внешние достопримечательности, показано значение буддийских комплексов в организации религиозно-культурной жизни кочевого монгольского населения Джунгарского ханства.

Ключевые слова: Джунгария, ойраты, тибетский буддизм, Гелугпа, монастыри, ламы, мантры.

Эпоха массовых миграций и крупномасштабных территориальных завоеваний западномонгольских племен хронологически совпала с процессом интенсивного распространения северного (тибетского) буддизма в ойратских кочевьях и постепенного превращения его в официальную религию Джунгарского ханства. Важным показателем значительного усиления позиций нового учения в духовной и социокультурной жизни ойратов можно считать существование на территории исчезнувшей Джунгарии оседлых буддийских монастырей.

В 40—50-х гг. XVII в. основной ареал храмового строительства в ойратских землях включал в себя район Верхнего Прииртышья и предгорья Тарбагатайского хребта, где в то время размещались ставки наиболее влиятельных представителей светской кочевой знати [Черников, 1960. С. 115—134; Erofeeva, 2009. Р. 137—151; Ерофеева, 2010. С. 496—497; 2012. С. 335—346; Кукеев, 2014. С. 231—232]. Во второй половине XVII в. в связи с завоеванием ойратами Чу-Илийского региона и перемещением политического центра Джунгарского ханства в Северный Тянь-Шань буддийские монастыри стали создаваться правящей элитой кочевого государства преимущественно в Семиречье, на традиционных путях движения дипломатических миссий и торговых караванов из северной части континента в Среднюю Азию и Китай.

Материальная инфраструктура этих поселений, как правило, была представлена духовным центром — зданием храма, подсобными помещениями, постройками хозяйственно-бытового и жилого назначения для послушников и лам; искусственной системой водоснабжения и фортификационными сооружениями, а также монументальными объектами буддийской иконографии и/или тибето-ойратской

эпиграфики религиозного характера. Основным источником информации о существовании таких стационарных комплексов и одиночных храмов на территории Семиречья, об их общем количестве и местоположении в географическом пространстве является знаменитая карта Джунгарии шведа Йогана (Юхана) Густава Рената (Johan Gustav Renat) (1682—1744), находившегося в период с 1716 по 1733 гг. в джунгарском плену. Она была подготовлена Й.-Г. Ренатом по ойратской («калмыцкой») карте первой четверти XVIII в. в Швеции и весной 1743 г. вместе с оригиналом передана в дар библиотек Упсальского университета. Свою карту ее создатель озаглавил: *Carta af Songarski Kalmuckit, hwar under Kottonerne hurer* («Карта джунгарских калмыков, которым подвластны котоны¹»). В Отделе карт и печатных изданий университетской библиотеки г. Упсала она обозначена как *Renat's egen renrithing av A* («Собственный чертеж Рената из А») [Uppsala universitetsbibliotek].

Картам Й.-Г. Рената посвящена большая историческая литература. Наиболее глубокие исследования, раскрывающие историю происхождения картографического наследия Й.-Г. Рената, информационную нагрузку его собственной карты и личный вклад бывшего джунгарского пленника, а позднее — зайсана в картографирование западной части Центральной Азии, были подготовлены и изданы за последние два века А. И. Макшеевым (1822—1892), Дж. Ф. Бэдделеем (Бэддели? 1854—1940), Н. Н. Поппе (1897—1991), В. И. Волобуевым (?—1998), В. В. Бородаевым и А. В. Контевым [Макшеев, 1886. С. 105—145; Baddeley, 1919. Р. CIXVI—CCXVI; Poppe, 1955. Р. 157—159; Волобуев, 1993. С. 11—16; Бородаев, Контев, 2010. С. 386—403].

¹ Котоны — жители Восточного Туркестана.

Благодаря проведенным специальным исследованиям английскому историку Дж. Бэдделю еще в начале прошлого века удалось установить, что оригинальная карта Джунгарии, использованная Й.-Г. Ренатом в качестве топоосновы при создании собственной карты, была составлена не позднее начала второй четверти XVIII в. самим джунгарским хунтайджи Галдан-Цэреном (1727—1745) с помощью иностранных специалистов, находившихся в его окружении [Baddeley, 1919. P. CLXXII]. Весной 1733 г. по просьбе Й.-Г. Рената Галдан-Цэрен подарил ему эту карту в урге, после чего швед в составе джунгарского посольства вместе с дипломатической миссией Л. И. Угрюмова покинул ойратские кочевья и в марте 1734 г. прибыл в Санкт-Петербург [Моисеев, 1999. С. 25; Бородаев, Контев, 2010. С. 391]. Из России в марте 1735 г. он возвратился в Швецию, куда привез две «калмыцкие карты». Восемь лет спустя, незадолго до смерти, Й.-Г. Ренат передал их в университетскую библиотеку города Упсала [Макшеев, 1886. С. 111; Baddeley, 1919. P. CLXXIX—CLXXX].

На привезенной в Швецию карте Галдан-Цэрена изображены территория Джунгарии и сопредельные с ней регионы Центральной Азии от Верхнего Прииртышья, р. Катунь и р. Нура — на севере и северо-западе до истоков Черного Иртыша, городов Восточного Туркестана, пустыни Такла-Макан, озера Убсу-нор и китайского города Хами — на юге и юго-востоке. Карта представляет собой бумажный лист размером 105,5×83,5 см. Все подписи к изображенным на карте географическим объектам сделаны ойратским «ясным письмом» (*тодобичи*). Территория Джунгарии показана на этой карте в иной проекции, чем в русской и европейской картографии того времени, т. е. с юга на север: верх листа отображает ее южную часть, а низ — северную часть. В картографическом фонде библиотеки Упсальского университета она обозначена как *Renat's original A*.

Известно, что в Петербурге Й.-Г. Ренат предоставил привезенную им из Джунгарии карту Коллегии иностранных дел, где она была скопирована в 1734 г. столичными российскими топографами, а содержащиеся в ней «калмыцкие» надписи были переведены с оригинала на латинскую транскрипцию «при участии» переводчика с калмыцкого языка и секретаря Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина (1700—1760) [Комбич, 1919. С. 797 и др.; Бартольд, 1977. С. 397; Бородаев, Контев, 2010. С. 394].

Шведскую копию карты Галдан-Цэрена подготовил в 1737—1738 гг. на родине сам Й.-Г. Ренат [Бородаев, Контев, 2010. С. 396—397]. Формат листа и масштаб этой карты не изменились по сравнению с ойратским оригиналом, но в отличие от последнего территория Джунгарии изображена на ней в правильной проекции по всем четырем сторонам света. Ойратские надписи Ренат воспроизвел здесь латинскими буквами в транслитерации, характерной для шведского языка. В верхнем правом углу карты он поместил название, которое дал скопированному изображению Джунгарского ханства и сопредельных

регионов Центральной Азии. В нижнем левом углу под масштабной линейкой нарисовал несколько условных знаков, использованных для обозначения различных стационарных поселений: городов (*Stader*), буддийских монастырей (*Talter*) — в форме треугольника и главного храма ойратов на территории постоянной зимней ставки джунгарского правящего дома (*Regenters Tdlt.*) — в виде трехчленной фигуры, состоящей из одного большого треугольника в центре и двух меньших по размерам треугольников — по обеим его сторонам.

Ойратские топонимы, переданные по-латыни, Й.-Г. Ренат дополнил в своей копии отдельными пояснительными текстами, названиями народов, населявших изображенные регионы, обозначениями лесной растительности и двух садов плодовых деревьев в бассейне верхнего течения Или, где располагалась зимняя ставка Галдан-Цэрена. Кроме того, на этой карте в отличие от ее ойратской топоосновы четкой пунктирной линией очерчены границы Джунгарского ханства, территории соседних государств раскрашены разными красками и на них указано большее количество населенных пунктов, чем в ойратском оригинале. С учетом вышеуказанных дополнений и уточнений копия Й.-Г. Рената несет максимальную информационную нагрузку по сравнению со всеми предшествовавшими и современными ей географическими картами Джунгарии и поэтому вполне правомерно рассматривается в литературе как самостоятельное картографическое произведение (об этом см. также: [Бородаев, Контев, 2010. С. 396]).

Важной достопримечательностью карты Й.-Г. Рената является наличие в разных местах изображенной на ней территории Джунгарии специальных обозначений, или *талтеров*, которые представляют собой оконтуренные тремя красными черточками небольшие треугольники с такой же красной вертикальной черточкой от основания их до середины фигуры, символизирующей входную дверь. Согласно пояснению В. Б. Бородаева и А. В. Контева, слово *Talter*, или *Talder*, означает в буквальном переводе со шведского на русский язык «палатка», что соответствует также старинному русскому термину «шатер». На этом основании они вслед за А. И. Макшеевым пришли к убеждению, что нанесенные на оригинальную карту Джунгарии одноцветные треугольники символизировали места ойратских кочевий, а вовсе не «молитвенные сооружения» и монастыри, как ошибочно, на их взгляд, считал в свое время географ В. И. Волобуев [Макшеев, 1886. С. 121; Бородаев, Контев, 2010. С. 396, 401]. Однако конкретные результаты проведенных казахстанскими специалистами за последнее десятилетие комплексных исследований культурного наследия ойратов, исторической топонимики, картографии и археологии обозначенных Й.-Г. Ренатом талтерами географических районов Семиречья стали убедительным свидетельством априорного характера вышеприведенных суждений и подтвердили правильность предположения В. И. Волобуева о религиозно-культовой символике

этих графических знаков [Ерофеева, 2009. С. 39—43; Краткий энциклопедический словарь, 2014].

Как известно, масштаб карты Й.-Г. Рената неодинаков для каждой ее части: в центре он составляет в основном 1:7 000 000 м, а по периферии — до 1:10 000 000 м и менее [Волобуев, 1993. С. 14], что не позволяет даже приблизительно вычислить градусные координаты изображенных на ней локальных участков территории Джунгарии. Но этот недостаток во многом компенсируется большой топонимической нагрузкой карты и исключительной для того времени точностью воспроизведения ее создателями реальных очертаний подножий горных хребтов и извилистых меандров речных долин, вблизи которых обычно располагались стационарные буддийские монастыри и сезонные ставки ойратской знати.

Осуществленные нами идентификация ойратских названий различных объектов природы на карте Галдан-Цэрена с казахскими топонимами (с учетом результатов работы А. И. Макшеева и Дж. Бэдделея) и взаимное сличение целого ряда территориальных сегментов этой карты, маркированных Й.-Г. Ренатом треугольными значками, с изображением тех же единиц рельефа на современных мелко- (1:1 000 000 м, 1:500 000 м) и крупномасштабных (1:100 000 м, 1:25 000 м) картах Семиречья позволили достаточно точно определить местоположение большинства талтеров в географическом пространстве. В течение 2008—2011 гг. 10 локализованных таким способом участков территории бывшего Джунгарского ханства площадью от 1,0 до 1,8 кв. км были обследованы сотрудниками Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия народов (далее — КазНИИ ПКНН) непосредственно в ландшафте.

В ходе проведенных рекогносцировочных работ они обнаружили на каждом участке руинированные остатки разных по размерам каменных, кирпичных или саманных строений, идентифицируемых казахскими старожилами этих мест как бывшие «калмацкие камалы» (т. е. крепости). Здесь же были найдены обработанные каменные валуны либо обожженные кирпичи (в отдельных местах — декоративные облицовочные плитки), фрагменты гранитных лестниц, следы крепостных стен, прежних ирригационных сооружений и рукотворного обустройства целебных источников либо постоянно действующих родников. В скальных массивах гор вблизи этих развалин отчетливо просматривались с поверхности земли выбитые на каменных плоскостях графические буддийские символы и/или молитвенные тибетские и ойратские тексты². Все эти материальные свидетельства в сочетании с собранными историческими преданиями и разновременными сообщениями путешественников о наличии в относительно недавнем прошлом в обследованных нами местах крупных фрагментов культовых сооружений ойратов с четко выраженной буддийской символикой дают основа-

ние рассматривать нанесенные Й.-Г. Ренатом на карту треугольные символы как бывшие буддийские комплексы, которые в большинстве своем просуществовали на территории Семиречья до середины XVIII столетия.

Достоверно известно, что ойратские ламы ввиду их относительной малочисленности по сравнению с буддийскими иерархами Восточной Монголии не имели собственных кочевых улусов и селились на территории зимних и летних ставок светской знати, где, как правило, по инициативе последней возводились укрепленные посредством внешних стен и глубоких рвов буддийские монастыри [Златкин, 1983. С. 102—103, 118; Ерофеева, 2012. С. 335—346]. Поскольку же джунгарские князья обычно размещались на небольшом расстоянии от буддийских храмов и проживали внутри огражденного монастырского пространства исключительно в войлочных юртах, то Й.-Г. Ренат обозначил эти участки в виде «палаток», желая тем самым символически отобразить отмеченную особенность пространственной локализации стационарных религиозно-культурных центров ойратов.

На карте Й.-Г. Рената обозначено, по моим подсчетам, 65 буддийских монастырей и отдельных храмов, которые располагались во второй четверти XVIII в. в южной и юго-восточной частях Джунгарии, в предгорной зоне и живописных ущельях высоких горных хребтов Северного Тянь-Шаня. Из них 40 объектов локализируются на территории Казахстана (совр. Алматинская и Жамбылская области), 7 — на территории Кыргызской Республики и 18 — в границах Синцзян-Уйгурского автономного района КНР. Более половины (35) зафиксированных Й.-Г. Ренатом монастырей в то время размещались в бассейне среднего и верхнего течения реки Или и ее притоков, 14 — в предгорьях хребтов Алтынемель и Джунгарского Алатау, 7 — вокруг оз. Иссык-Куль, 6 — в долине реки Емель и Южном Тарбагатае, 3 комплекса — в Чуйской долине. Территория Казахского мелкосопочника, Южного Алтая, Зайсанской впадины и Черного Иртыша была малоизвестна пленному шведу, постоянно проживавшему в Семиречье, поэтому вышеуказанные регионы представлены на карте в мелком масштабе, а религиозно-культурные центры ойратов там вообще не обозначены.

Один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья был построен во второй половине XVII в. в западных предгорьях Джунгарского Алатау на горе Лабашоки (бывш. Лаба), около реки Каратал, влиятельным правителем хошутов Очирту-Цэцен-ханом (1638—1680) либо его политическим соперником, а затем и правопреемником в Джунгарии Галданом-Бошохту-ханом и просуществовал не менее 80—90 лет [АРГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—6; Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Абрамов, 1867. С. 278]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен талтером на правой стороне Каратала (*Charatal*), у подножия западного склона вышеназванного хребта, между стекающими

² Более подробно о выявленных памятниках см. ниже.

с гор реками Кызылагаш (*Sekde*) и Кайынды (*Chain-Ussun*).

В 1858 г. местность, где еще столетие назад предполагалось обширное по площади святилище ойратов, обследовал военный инженер-поручик П. С. Нечогин, а два года спустя — член-сотрудник Русского географического общества Н. А. Абрамов. Оба путешественника основательно осмотрели руины развалившихся зданий, записали со слов местных казахов исторические предания о бывшем «буддийско-ламайском монастыре» и собрали на территории памятника различные сделанные из глины мелкие предметы с изображениями буддийских божеств. Вблизи старинных развалин на отвесных скалах горы Лабашоки П. С. Нечогин обнаружил также буддийские молитвенные надписи, вырезанные тибетским письмом, и сделал рукописные копии этих текстов [АИМК. Рук. отд. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 5. Л. 1—9; АРГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—9; Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—6; Абрамов, 1867. С. 275—278].

Согласно составленному Н. А. Абрамовым описанию обследованного участка, здесь в свое время располагались 16 построенных на каменном фундаменте разных по величине глиняных зданий со стенами из необожженного кирпича, оштукатуренными изнутри белой глиной, эти здания находились на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Самое крупное из них, длиной 6,0 сажень и шириной 4,5 сажени, представляло собой, по определению исследователя, буддийский храм, так как внутри него семиреченские казаки в 1855 г. обнаружили несколько глиняных овальных плиток «с отчетливо вытиснутым на каждой бурханом женского пола с венцом; некоторые — с признаком бывшей алой краски и позолоты» [Абрамов, 1867. С. 276].

Как уже упоминалось выше, в течение второй половины XVIII—середины XIX в. стены всех зданий ойратского монастыря разрушились до основания, и в настоящее время руины их фактически не прослеживаются в ландшафте. Среди сохранившихся до наших дней отдельных следов существования этого буддийского комплекса ойратов большой интерес представляет Текелийская стела, известная местным краоведам с конца XIX в. под казахским названием *Келиншектас* ('Камень-молодуха'). Первое сообщение о ней было сделано в 1898 г. известным семиреченским исследователем Н. Н. Пантусовым [Археология Семиречья, 2011. С. 476—477]. В 2008 г. она была обследована экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева). Современный перевод тибетских текстов выполнен монголоведом канд. филол. наук Н. С. Яхонтовой (ИВР, г. Санкт-Петербург). Памятник находится на правом берегу реки Кора — правого притока р. Каратал при выходе ее из ущелья в западной части Жетысуского (Джунгарского) Алатау, в окрестностях современного г. Текели, в 30 км южнее г. Талдыкорган. Он представляет собой сложное сооружение. На каменной платформе округлой формы (диаметр — 8,0 м, высота — 1,5 м) из крупных речных валунов установлена глыба серого песчаника

(основание — 3,0×4,2; высота — 3,6 м), на верхнюю и боковую (западную) грани которой нанесены изображения и надписи. К северу от платформы имеется сложенная из галечника каменная выкладка. К востоку от памятника расположены пять каменно-земляных насыпей диаметром 8—10 м, высотой — до 1 м [Научный отчет, 2009].

На верхней плоской поверхности камня, обращенной в сторону реки (73×60×51 см), выбиты в центре символ *Калачакры* и несколько молитвенных надписей, написанных тибетским письмом *учен* (тиб. *dbu can*) и письмом *ланца* (тиб. *lantsa*). Символ Калачакры представляет собой сложную магическую монограмму, состоящую из десяти слогов, или «могучих букв» (тиб. *rnam bcu dbang ldan*). Это семь слогов-символов: *ham*, *ksan*, *ma*, *la*, *va*, *ra*, *ya* — и три дополнительных элемента: полумесяц (*visagra*), диск (*anusvāra* или *bindu*) и стилизованный язычок пламени с тремя изгибами (*nāda* или *tilaka*). Изображенный знак схематично иллюстрирует различные аспекты буддийского тантрического учения о том, что все внешние явления и процессы взаимосвязаны с внутренними, т. е. с телом и психикой человека. Меняя самого себя, человек тем самым воздействует и на окружающий мир. Можно сказать, что Калачакра описывает три уровня преобразования индивидуумом своей собственной природы и окружающего бытия: внешний, внутренний и иной, тайный, что соответствует символическому постижению вселенной, взаимоотношениям тела и ума и медиативной практике самосовершенствования и получения блаженства. Справа и слева от калачакры — еще два символа, написанные вертикальным письмом *ланца*. Выше и ниже калачакры находятся две горизонтальные строки тибетского текста. Верхняя строка в переводе Н. С. Яхонтовой содержит просьбу избавить от болезней и эпидемии. Нижняя представляет собой запись тибетскими буквами мантры на санскрите: *om ta mo nīp ha tah rgyun na pa sva ha*.

На нижней плоскости каменной стелы изображена в виде пирамиды ступа с фигурой сидящего внутри нее Будды Шакьямуни³. В ознаменование основных событий его жизни ступы строились либо изображались на поверхности скал, в священных местах, так или иначе связанных с этими событиями. Из известных в тибетской традиции изображений восьми видов ступ вырезанная на Текелийской стеле больше всего напоминает Ступу Просветления. Эту Ступу снизу поддерживает стоящий на задних лапах снежный лев — один из основных символов тибетского буддизма. В новое и новейшее время снежный лев стал национальным символом Тибета, его изображение можно видеть на государственном флаге, моне-

³ Здесь и ниже при описании буддийской символики Текелийской стелы в статье использованы материалы ОФ «Культурное наследие Гималаев» (г. Алматы), подготовленные московским тибетологом В. Ю. Ермолиным по результатам проведенного им в 2012—2013 гг. полевого обследования памятника.

тах, печатях и штампах этой страны. В иконографии буддизма неоднократно встречается изображение восьми львов, поддерживающих трон Будды Шакьямуни по восьми сторонам света. В данном случае значение снежного льва заключается в поддержании Ступы Просветления.

Каменная стела Келиншектас в долине реки Кора близ города Текели. Фрагмент поверхности с изображениями и надписями. Фотография А. Рогожинского. 2008 год

В целом необходимо отметить, что выбитые на стеле изображения и надписи не имеют общего смысла. Каждый из рассмотренных выше элементов несет здесь отдельную функцию, поэтому всю композицию можно рассматривать не иначе, как набор благоприятных символов.

Ко второй половине XVII в. относится также создание тибетскими и ойратскими мастерами по инициативе и при активном участии Галдана-хунтайджи (1671—1678), будущего Галдана-Бошохту-хана (1678—1696), замечательного «храма под открытым небом» на левом берегу реки Или, в урочище Хабцагай (совр. *Капшагай*), расположенном между устьем ее левого притока Курты и небольшой степной речкой Шенгельды, севернее горы Капшагай.

Несколько десятилетий спустя бывшее ойратское святилище получило у перекочевавших в долину

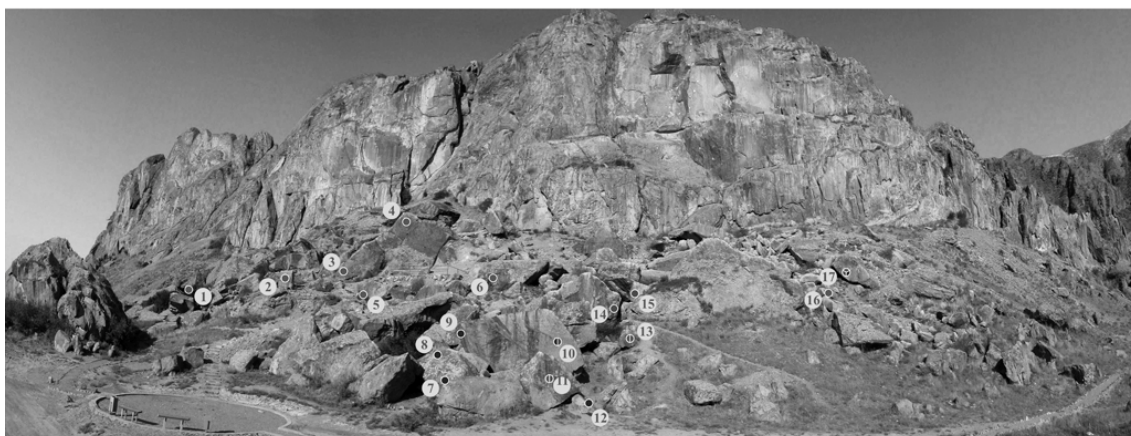
Или казахов выразительное название *Тамга*, или *Тамгалытас* [Ерофеева, 2010. С. 508—509]. Памятник представляет собой небольшой скальный массив на берегу реки, у подножия которого на 15 отдельных глыбах сосредоточены крупные изображения буддийских божеств и разновременные тибетские и ойратские надписи. Начиная с середины XIX в. на протяжении около 175 лет эти фигуры и молитвенные тексты изучались многими исследователями: Ч. Ч. Валихановым (1856), К. А. Ларионовым (1877), Ф. В. Поярковым (1898), Н. Н. Пантусовым и А. М. Позднеевым (1896—1898), А. Х. Маргуланом (1972), Ф. П. Григорьевым (1981, 2010), А. Н. Марьяшевым и С. А. Потаповым, Б. А. Железняковым (2010) и др. [Археология Семиречья, 2011. С. 62—65, 411, 420—426, 440—443, 467—473; Рогожинский, 2010. С. 474—480; Григорьев, Железняков, 2010. С. 440—457]. В 2008—2010 гг. Тамгалытас, как памятник истории и монументального искусства XVII—XVIII вв., стал объектом комплексных междисциплинарных исследований группы казахстанских специалистов (И. В. Ерофеева, А. Е. Рогожинский, Б. Ж. Аубекеров, Р. Сала, Ж.-М. Деом) при участии российских монголоведов (Н. С. Яхонтова, Ю. И. Елихина, г. Санкт-Петербург).

Впечатляющая иконографическая панорама на прибрежных скалах урочища Тамгалытас состоит из пяти изображений главных божеств тибетского пантеона: Будды Шакьямуни, Бодхисаттвы Авалокитешвары, Будды Бхайшаджьягуры с сопровождающими тибетскими надписями на центральном панно, Будды Нагешварараджи и Будды Акшобхы [Елихина, 2010. С. 459—472; От Алтая до Каспия, 2011. С. 121—123]. Рядом с этими фигурами вырезаны в камне тибетским письмом различные молитвенные тексты, в том числе две мантры Будды Манчжури, изображение которого на памятнике отсутствует; обращение к бывшему духовному наставнику Галдана-Бошохту-хана IV Панчен-ламе Тибета Лобсану Чойчжи Чжалсану (1570—1662) и четыре шестисложные мантры *om ta ni pad me hum*, высеченные на разных камнях по периферии завала [Рогожинский, 2010. С. 483—484].

Позднее к этим текстам были добавлены другие тибетские надписи: три шестисложные мантры аналогичного содержания; надпись «Славься лама с хорошим умом... знание и милосердие», обращенная к Будде Шакьямуни; две мантры Манчжури на южной периферии сакрального участка и мантра, посвященная Будде Акшобхе. Наряду с ними были созданы десять однообразных текстов шестисложной мантры *om ta ni pad me hum*, выполненный ойратским «ясным письмом» [Рогожинский, 2010. С. 484—485]. Позднейшей по времени возникновения молитвенной надписью в Тамгалытасе является самый длинный по вертикали и самый объемный по количеству строк ойратский текст, выбитый курсивным «ясным письмом» бежавшими в 1771 г. в долину Или волжскими калмыками. В современном переводе Н. С. Яхонтовой он содержит благодарственное обращение к изображенным здесь четырем Буддам и

Бодхисаттве Авалокитешваре за «преодоление опасности ... от болезней до бескормицы» и пожелание обрести «в этой стороне прекрасное спокойствие

продолжительно и непрерывно» [Рогожинский, 2010. С. 485—486; Ерофеева, 2010. С. 521—524].

Индексированная панорама плоскостей с буддийскими изображениями и тибетскими надписями в святилище Тамгалытас на реке Или. Разработка А. Рогожинского, фотография Д. Каппасовой. 2008 год

Изображения Будды Шакьямуни (слева), Бодхисаттвы Авалокитешвары (в середине) и Будды Бхайшаджьягуру с тибетскими надписями на центральной скале (плоскость 4) святилища Тамгалытас. Фотография 1896 года.

АИМК. Рук. отд. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 230. Л. 116

Судя по упомянутой в «Биографии Зая-пандиты» его учеником Рабнадхадрой исторической дате пребывания в Илийском Капшагае кочевой ставки (ур-

ги) Галдана-хунтайджи (с декабря 1676 по март 1677 г.) и эпохе становления в тибетской иконографии фигуры Бодхисаттвы Авалокитешвары-Шадакша-

ри в образе божества с четырьмя руками, восседающим на лotosовом престоле в алмазной позе-ваджрасана (1660-е—1670-е гг.), этот своеобразный буддийский храм, или, точнее, — «иконостас» будущего святилища был создан Галданом в начале 1677 г., а затем, в последующие пять лет, несколько усовершенствован путем воспроизведения на скалах Тамгалытаса еще одной серии тибетских мантр [Ерофеева, 2010. С. 506—515; Елихина, 2010. С. 464—470].

Персональная причастность знаменитого джунгарского правителя к созданию святилища подтверждается его фанатичной религиозностью, глубоким знанием буддийской символики, техники тибетской живописи и тибетских иконографических канонов, с чем связано присутствие на центральном панно Тамгалытаса изображения Авалокитешвары-Шадакшари в форме «одноликого и четырехрукого» бодхисаттвы, т. е. божества-покровителя владык Тибета, эманацией которого, начиная с 1660 г., считался Великий Пятый Далай-лама Нгаван Лобсан Гьяцо (1617—1682); а также лаконичного текста посвящения глубоко чтимому в то время в Лхасе тибетскому иерарху Чойчжи Чжалсану — многолетнему наставнику Галдана, под руководством которого он получил религиозное образование в Тибете. В пользу этого убеждения свидетельствует и такой примечательный факт, как официальное пожалование Галдану Далай-ламой Лобсаном Гьяцо 30 июня 1678 г., т. е. год спустя после пребывания джунгарского хунтайджи в Илийском Капшагае, высшего в монгольском мире монархического титула — *Галдан Тензин Бошогту-хан* (тиб. — *d' Ga'ldan bstan 'dzin bo shog thu khan*) — «Благословенный хан веры, опора учения» [Ерофеева, 2010. С. 510—514].

Известно, что титул *Тензин-хан* Далай-лама даровал с 1638 г. по 1670-е гг. только тем монгольским князьям (в частности, правителям хошутов), от которых он уже получил определенный вклад в усиление позиций школы Гелугпа в Тибете и соседних странах Центральной Азии и мог ожидать в дальнейшем от них еще более активного участия в реализации ее интересов [Ерофеева, 2010. С. 498—499, 510—511]. Подобная избирательность фактически означала, что обладатель данного титула должен был являться активным поборником «желтого учения», то есть действовать в ходе борьбы за власть исключительно «от имени учения» и заботиться «единственно об учении». Отсюда нетрудно понять, что для получения этого титула Галдану-хунтайджи необходимо было отличиться перед высшим тибетским иерархом своей непревзойденной заботой о вере. Одним из конкретных плодов этих стараний и стал, по-видимому, искусно созданный Галданом за полгода до поездки к Далай-ламе в Тибет прекрасный живописный «храм под открытым небом» на левом берегу Или у речной переправы. При этом необходимо отметить, что ни по составу представленных в Тамгалытасе персонажей тибетского пантеона, ни по их размерам, ни по количеству буддийских текстов, разных по со-

держанию и языку, он не имеет себе аналогов в западной части Центральной Азии. Тамгалытас заметно выделяется среди других памятников тибетского буддизма на территории Казахстана и соседних стран региона своей монументальностью, художественной репрезентативностью и разнообразием эпиграфических текстов, что отражает особую значимость святилища на берегу реки Или в эпоху его возникновения и функционирования.

Буддийские комплексы урги

Новый период в истории храмового строительства на территории Джунгарского ханства тесно связан с деятельностью племянника Галдана-Бошогу-хана хунтайджи Цэван-Рабдана (1697—1727) и его преемника на монархическом престоле хунтайджи Галдан-Цэрена (1727—1745) — одного из наиболее образованных и энергичных правителей ойратов. Он охватывает всю первую половину XVIII в., со времени перемещения главной кочевой ставки правящего клана ойратских князей с территории Верхнего Прииртышья в высокогорный район Северного Тянь-Шаня вплоть до момента полного уничтожения последней кочевой империи в Евразии Цинским Китаем и массовой гибели ее населения в 1757 г. под сокрушительными ударами миллионной армии маньчжуров. Этот период характеризуется интенсивным распространением «ясного письма» среди западно-монгольской знати, созданием на территории Джунгарии целой сети стационарных буддийских монастырей и повсеместным возрастанием роли северного буддизма в социально-культурной и духовной жизни кочевников-ойратов.

Еще на рубеже XVII и XVIII вв. Цэван-Рабдан с целью установления более эффективного военно-политического контроля над завоеванными землями и транзитными путями из Поволжья в Среднюю Азию и Китай перенес кочевую ханскую ставку — ургу из Южного Тарбагатая и Джунгарского Алатау в бассейн среднего и верхнего течения Или и ее притоков [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 21—22].

Главной зимней ставкой правителей Джунгарского ханства, начиная с эпохи правления Цэван-Рабдана, стала плодородная местность в верховьях реки Или, недалеко от Талкинского перевала (западная часть Синцзян-Уйгурского автономного района КНР), где позднее был основан город Кульджа. Все остальные зимние, осенне-весенние и летние ставки правящего дома ойратов размещались в тот период главным образом в бассейне среднего течения Или и ее притоков, на территории современных Уйгурского и Райымбекского районов Алматинской области Республики Казахстан и частично — на северо-востоке Кыргызской Республики, в окрестностях оз. Иссык-Куль.

Описание постоянного ареала кочевания ханской урги содержится в адресованных правителю Джун-

гории записках российского посланника майора Л. Д. Угримова (1732—1734). В зимний период урга Цэван-Рабдана, а затем его преемника Галдан-Цэрена обычно кочевала, по его словам, с ноября до конца марта от истоков Хоргоса вниз по его течению и левой стороне Или, от так называемого Керецкого переезда (совр. переправа Добын) до впадения в нее левого притока — реки Чарын и до урочища Кожыгер (на территории СУАР). Затем она направлялась на весеннюю кочевку вверх по правой стороне Чарына до впадения в него реки Темирлик, где кочевка продолжалась с апреля до конца мая — периода интенсивного таяния снегов в окружающих горах. С наступлением лета урга перекочевывала в горные ущелья на южные и юго-восточные склоны хребта *Узынкара* (Кетмень), в долины рек *Кеген*, *Каркара*, *Тюп*, *Жергалан*, *Зергес*, *Текес*, *Сумбе* (Албан-Шибир, Албанашба) и *Нарынкол*, а также к северному подножию перевала *Музарт* в горах Халыктау, и там, как правило, находилась с конца мая до конца августа календарного года. Поздней осенью, наступавшей в этом районе в сентябре, урга начинала перекочевку на зимние пастбища вниз по течению *Текеса* и *Или* до впадения в нее реки Хоргос, в верховьях которой к началу ноября круглогодичный цикл кочевания правящего клана ойратов завершался [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 3. Л. 5].

Галдан-Цэрен в годы своего правления прилагал немало усилий для развития на территории урги промыслов — как уже существовавших, так и новых. Для этих целей он успешно использовал знания и опыт русских и шведских мастеров, находившихся в плену у ойратов. Во второй четверти XVIII в. ему удалось при помощи этих пленников, обучавших ойратов, наладить суконное, сталеплавленное и пушечное производство. Правители Джунгарии были также инициаторами разведения здесь фруктовых садов, для чего активно привлекались покоренные «бухарцы». Русский посол Л. Н. Угримов, побывавший в урге Галдан-Цэрена в 1731—1733 гг., описал сады джунгарского монарха: «В которых садах видно было довольно всяких дерев, и величиной оной сад, например, кругом будет версты три, которой огражден стеною из незженого кирпича вышиною выше сажени» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1733—1734 гг. Д. 3. Л. 5]. Другой увиденный им сад был огражден кирпичной стеной в окружности «верст на 5 или больше, где и прочего кирпичного строения имелось довольно, и птичьи покои». Российский посланник, вынужденный почти целый год кочевать вместе с ургой хана, видел здесь много и других садов, «в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей» [Златкин, 1983. С. 238].

Наряду с развитием хозяйства джунгарские хунтайджи целенаправленно возводили буддийские храмы, стремясь усилить этноинтегрирующую роль тибетского буддизма среди ойратских племен.

Для организации духовной жизни кочевого населения Джунгарского ханства во второй четверти

XVIII в. была характерна определенная иерархия различных буддийских храмов и обслуживавших их ойратских лам. Самый крупный в Джунгарии храм под названием *Цаган-суме*, основанный ойратской знатью не позднее конца 20-х гг. XVIII в., находился в верховьях Или, недалеко от Талкинского перевала и будущей Кульджи. Он символически был построен из белого камня (вероятно, известняка) и четко выделялся на буро-зеленом фоне окружающего ландшафта, где вблизи величественных культовых построек Галдан-Цэрен развел за короткий срок «прекрасный сад, через который протекала речка» [Известия, 1825. С. 49]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен крупной трехчастной фигурой, состоящей из трех талтеров, на правом берегу реки Или между ее притоками Ухарлаг (*Ucharlak*), называемыми сейчас *Шара-Булаг*, и Алматы (*Almaty*) [совр. Синцзян-Уйгурский авт. район КНР]. Выше графического условного знака помещена надпись — *Chongorrooy*, которая представляет собой ойратское название сопки — *Хонггор-обо*, т. е. исторического места, где ойраты традиционно совершали главные церемонии жертвоприношений и проводили религиозные обряды. В настоящее время эта сопка называется по-уйгурски *Такилган-таг*, что означает «Гора, где совершаются жертвоприношения» [Норбо, 1990. С. 193 (примеч.)]. Южнее сопки Хонггор-обо между реками Алматы и Жиргалан (*Jirgalang*) Й.-Г. Ренат нарисовал большой сад плодовых деревьев, посаженный Галдан-Цэреном, и обозначил место его расположения названием *Гулза* (*Gulsa*). Позднее синцзянские ойраты именовали построенный вблизи него буддийский храм Цаган-сумэ как *Алтан дееврте сумэ*, т. е. «Храм с золотой крышей» [Кукеев, 2014. С. 233]. Цаган-суме являлся главным буддийским храмом Джунгарского ханства и в течение около 30 лет выполнял важную идеологическую функцию в этом кочевом государстве.

Второй по величине и формальному статусу храм был возведен джунгарским хунтайджи в 16 верстах южнее основного комплекса, на левой стороне Или у речки Кайнух и назывался *Майдеде*. Возле него он также развел большой сад, в котором росли различные овощи и фруктовые деревья [Кукеев, 2014. С. 49]. Местные ойраты со временем стали называть этот храм *Мунген дееврте сумэ* — «Храм с серебряной крышей» [Кукеев, 2014. С. 233]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен талтером на правой стороне реки Хонохой (*Chonochoy*), немного севернее нарисованного сада, расположенного в местности Хайнух (*Chay-nuck*), которая получила свое название, вероятно, по имени изображенной, но словесно не поименованной здесь одноименной горной речки.

Менее престижные и богатые суме размещались в других районах урги, на территории которой тогда существовало не менее 27 стационарных монастырей и храмов (подсчет мой. — И. Е.). В первое десятилетие правления Галдан-Цэрена их обслуживало 400 лам, периодически сопровождавших джунгарского хунтайджи в его сезонных перекочевках «с

места на место» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 1. Л. 30 об.—31]. Самые малолюдные и скромные монастыри и храмы размещались в остальной части Джунгарии. Общественное влияние проживавших в них лам носило большей частью локальный характер и, как правило, не выходило за пределы кочевывших в монастырской округе родоплеменных подразделений ойратов.

Сложившуюся ко второй четверти XVIII в. в Джунгарском ханстве иерархическую пирамиду буддийских храмов и представлявших их церковных иерархов возглавлял верховный лама кочевого государства. Он входил в состав ближайшего окружения хунтайджи и постоянно кочевал вместе с его ургой на крупном «иноходце, покрытым красным сукном». По описанию российского посланника Л. Д. Угрюмова, главный джунгарский лама носил «одежду калмыцкую и шапку красную востроверховую; с правого плеча по левую руку перевязан кушаком желтым, лицо все у него завязано желтым платком, так что не токмо лица, но есть ли у него борода, не видать». Вышеупомянутый очевидец обратил внимание также на то, что иноходца верховного буддийского иерарха в урге обязательно «под усцы водит один лама, едущий верхом, а по сторонам едут два человека лам же верхами, под которыми лошади ничем не покрыты, только они в таком же красном платье и таким же образом желтыми кушаками перевязаны [и] в шапках желтых востроверховатых». Эти ламы «главного их ламу под руки поддерживают, и в таком же одеянии и все прочие ламы без всякой отмены верхами ездят» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 1. Л. 31 и об.].

Наряду с религиозными практиками ламы занимались в урге и другими делами: переводами на ойратское «ясное письмо» различных фрагментов общемонгольской и тибетской канонической литературы («Ганджура» и др.) и трудов по небуддийской тематике, написанием медицинских, астрологических и исторических сочинений, составлением словарей, актов, законов, законодательных и фольклорных текстов, географических карт. Не случайно сегодня в одном только монгольском фонде Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) хранится около 500 различных материалов и документов XVII—первой половины XIX в., написанных на ойратском языке [Яхонтова, 2014. С. 179]. В подавляющем большинстве это — рукописи, причем немалая часть их, по-видимому, была создана в свое время в ханской урге.

Характерно, что сам второй и последний полновластный хозяин этой верховной ставки хунтайджи Галдан-Цэрэн был, по свидетельству его современника Г. Ф. Миллера, одним из наиболее образованных представителей ойратской знати той эпохи и имел огромную библиотеку ценнейших рукописей, которая составляла 100 верблюжьих выюков и перевозилась вслед за его кочевьем [Müller, 1738. S. 451; Риттер, 1860. С. 141]. Однако судьба этой библиотеки до сих пор неизвестна, а многие буддийские

монастыри, построенные по инициативе правящей элиты ойратов в первой половине XVIII в. в районе урги, впоследствии были разрушены самими ойратами и завоевателями-маньчжурами. Тем не менее руинированные остатки некоторых ойратских суме, функционировавших в то время на территории Семиречья, сохранились до нашего времени и впервые были обследованы казахстанскими историками и археологами в течение последних 25 лет.

В частности, на карте Й.-Г. Рената треугольным значком-талтером обозначен буддийский монастырь в западных предгорьях хребта Узынкара (Кетмень), восточнее истоков р. Темирлик (*Tömerlick*), слева от истоков или верхнего течения р. Сарыайгыр (*Sarango*). В ходе специально обследования этого района в 2008 г. комплексной научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. канд. ист. наук И. В. Ерофеева, канд. ист. наук А. Е. Рогожинский) было установлено, что руины вышеуказанного ойратского комплекса локализируются на правом берегу речки Шошансай вблизи аула Шошанай у входа в ущелье одноименного хребта (совр. Уйгурский район). В настоящее время они представляют собой земляную платформу прямоугольной формы, ориентированную по сторонам света. В юго-восточной части платформы имеется возвышение размером 8×10 м, высотой 0,5 м. На поверхности платформы собрано большое количество обожженных кирпичей [Научный отчет, 2008].

Другой монастырь урги Галдан-Цэрена И.-Г. Ренат обозначил талтером на карте юго-западнее вышеупомянутого объекта, между притоком Или рекой Чарын (*Zarun*) и рекой Темирлик (*Tömerlick*), что на новейших топокартах Северного Тянь-Шаня соответствует местоположению аула Сумбе (тюркская калька от монг. *суме*, т. е. монастырь), расположенного на левом берегу речки Сумбе, западнее административного центра Уйгурского района аула Шонжы (монг. *Цонжи*). Этот памятник впервые был выявлен и обследован в середине прошлого века экспедицией ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР во главе с А. Х. Маргуланом, впоследствии он был обследован повторно в конце 1980-х гг. — Семиреченской экспедицией Института археологии НАН РК и Института «Казпроектреставрация» под руководством Ф. П. Григорьева и канд. ист. наук А. К. Акишева и затем, в 2008 г., — экспедицией КазНИИ ПКНН, возглавляемой канд. ист. наук И. В. Ерофеевой и канд. ист. наук А. Е. Рогожинским.

Сегодня от бывшего буддийского комплекса сохранилось крупное кольцевидное в плане городище с невысокими оплывшими крепостными стенами высотой 3 м и шириной 6 м. Диаметр городища — около 1 км. Среди современных старожилов обследованного участка этот памятник известен под названием *Калмак сейтыль* («Калмыцкая крепость»), так как слово *сейтыль* в переводе с китайского языка (?) означает «крепость». По местным преданиям, здесь до возвращения казахов в родные края проживали «калмаки» (т. е. ойраты), которые, как утверждают жители аула Сумбе, и построили в прошлом бывшее

укрепление [Научный отчет, 2008]. В 1733 г. вблизи укрепленного монастыря «при урочище Цонджи» (совр. *Шонжы*), по словам Л. Д. Угримова, имелись плодовые сады, «которые даны от владельца Галдан-Церина штыкьюнкеру Ренату...; в которых у него, штыкьюнкера, садах [тогда] Галдан-Черин и в гостях был, понеже оной штыкьюнкер недавно со всем своим улусом ко оным садам... для кочевки на летовые прибыл» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731—1733 гг. Д. 3. Л. 37]. В настоящее время на территории несохранившегося монастыря и бывшей летней ставки шведского сержанта И.-Г. Рената находятся жилые дома и огороды.

На левой стороне среднего течения реки Каркары (*Charkera*) — левого притока Кегена (*Gegen*), впадающего в Чарын, юго-западнее гор Шольадыр (*Urgusöl*), у северного подножия хребта Кунгей Алатау на карте И.-Г. Рената показан еще один буддийский монастырь. На современных топокартах Райымбекского района Алматинской области его местоположение локализуется северо-восточнее нежилого аула Тасбулак вблизи границы Казахстана с Кыргызской Республикой. В результате проведенных в 2008 г. научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. канд. ист. наук И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров) специальных исследований в этом районе обнаружена каменная платформа округленной по углам прямоугольной формы диаметром 170—190 м, сложенная из валунов и галечника и окруженная широким рвом. Ширина рва составляет 5—8 м, глубина — около 2 м. По сведениям местных старожилов, на территории платформы раньше, до появления в предгорьях хребта казахов, находилось большое укрепление «калмаков» и вплоть до конца 70-х гг. прошлого века по ее краям, в разных местах еще сохранялись крупные каменные блоки (обтесанные валуны), позднее разобранные окрестными жителями на строительные нужды [Научный отчет, 2008].

Одним из наиболее крупных буддийских комплексов джунгарской урги после Цаган-суме и Майдере был в 30—40-х гг. XVIII в. ойратский монастырь, зафиксированный Й.-Г. Ренатом на карте в южных предгорьях хребта Узынкара, северо-западнее горько-соленого озера Тузколь (*Borogaussun*) и восточнее места впадения в реку Кеген (*Gegen*) ее левого безымянного притока. На современных топокартах это район верхнего течения р. Талас (Кошкар), впадающей в правый приток Кегена Тентек-Карасу, северо-западнее аула Талас (Райымбекский район). В 2010 г. научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева, С. Садыков) в этом районе обнаружены в ущелье Кешпе руинированные остатки большого стационарного поселения, включавшего в прошлом 12 жилых строений, сложную оросительную систему и наскальную буддийскую эпиграфику.

Одно из бывших строений, расположенное недалеко от подножия высокой известняковой скалы, сохранилось в виде большого углубления в почве, имеющего прямоугольную форму размерами 9,4×

8,2 м и окруженного каменно-земляным валом. Оно состояло из трех смежных друг с другом овальных помещений: одного крупного в центре и двух небольших по обеим сторонам. Над восточным помещением, находящимся вблизи скалы, возвышается каменная плоскость с горизонтально выбитой на ней тибетским письмом шестисложной канонической мантрой «Om ta ni pad me hum». В шести метрах от него стоит также отдельный большой валун, на котором имеются три горизонтальные тибетские надписи, а в правом углу валуна — три вертикальные строки ойратского «ясного письма». Различные молитвенные тибетские и ойратские тексты выбиты и на вертикальных поверхностях более удаленных от углубления скал, расположенных вблизи территории исчезнувшего поселения. В 25—30 м восточнее несохранившегося трехчастного строения обнаружены небольшие груды обожженных кирпичей, шлаки и каменные кладки. Ниже земляной платформы, на которой прежде находилось кирпичное здание, сохранились также фрагменты ступеней гранитной лестницы, некогда спускавшейся с верхней надпойменной террасы к долине реки.

Судя по местоположению памятника в окружающем ландшафте, его топографии, основному строительному материалу (кирпичам) и совмещенности следов бывшего поселения в пространстве с объектами наскальной тибето-ойратской эпиграфики канонического содержания, он представлял собой в прошлом буддийский храм, который состоял из зала для проведения ритуальных практик и двух подсобных помещений. Вблизи разрушившегося строения на территории бывшего жилого комплекса обнаружены разбросанные в разных местах 12 китайских монет первой половины—середины XVIII в., что косвенно свидетельствует о наиболее вероятном хронологическом периоде функционирования этого поселения [Научный отчет, 2010].

К числу самых поздних по времени основания ойратских суме относится буддийский монастырь, располагавшийся в середине XVIII—середина XIX в. в южной части урги, на правом берегу левого притока реки Текес полноводной речки Албан, или Албан-Шибир (искаж. *Алван*), у подножия хребта Шаартас (Райымбекский р-н Алматинской обл.). Этот географический район являлся особенно благоприятным в природно-климатическом отношении для летнего кочевания ойратской знати, поэтому во второй четверти XVIII в. здесь «часто жила летом калмыцкий хан» [Известия, 1825. С. 54—55]. В указанной местности ойратский монастырь на карте Й.-Г. Рената не обозначен, следовательно, он был построен Галдан-Цэреном после ойрато-цинской войны 1729—1734 гг., то есть не раньше конца 30-х—начала 40-х гг. XVIII в., но просуществовал в Северном Тянь-Шане более 100 лет, после чего был разрушен местными кочевниками-мусульманами в ходе массового антицинского восстания 1864—1865 гг. В конце XVIII—середина XIX в. казахи Старшего жуза, переселившиеся из Центрального Семиречья в этот высоко-

горный район, дали местному святилищу ойратов название *Сумбе*, что является тюркской калькой монгольского термина *суме*, т. е. «монастырь». Вслед за тем и речка Албан, возле которой находился ойратский монастырь, также стала именоваться ими *Сумбе* [Ерофеева, 2014. С. 363—365].

Самое раннее упоминание о существовании действующего монастыря содержится в «Дневнике поездки на Иссык-куль» (1856) Ч. Ч. Валиханова [Валиханов, 1985. С. 323], где впервые указаны его название и местонахождение. В 1859 г. на территории Сумбе побывал российский военный топограф А. Ф. Голубев, который два года спустя дал в опубликованных записках о своей поездке по «Зайлийскому краю» краткое описание ойратского святилища. По словам путешественника, «монастырь невелик — его составляют около 30 отшельников, с некоторым числом прислужников. Сама кумирня находится в глиняной ограде, почти квадратной, в стороне — до 25 сажен и состоит из четырех деревянных незатейливых зданий с крышами, загнутыми снизу в китайском вкусе. По конькам и на концах крыш находятся вырезанные из дерева изображения драконов. Главное, самое большое здание — собственно кумирня — находится в северной части ограды; остальные здания, небольшие, расположены к югу, востоку и западу. По рассказам лам, они служат для помещения пришельцев, объятых желанием возложить на себя обеты отшельничества. Около ограды, заключающей в себе святыню буддиста, разбросаны жалкие глиняные лачужки, жилища лам» [Голубев, 1861. С. 96—98].

Памятник был обнаружен в 1991 г. руководителем Семиреченской археолого-культурологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана АН КазССР и Института «Казпроектреставрация» К. А. Акишевым. В 1992 г. он был обследован специалистами Сумбинского отряда этой экспедиции Ф. П. Григорьевым и А. С. Мирзабаевым (изучена топография, собран подъемный материал, произведены ограниченные раскопки). В 2008 г. остатки монастыря Сумбе обследованы экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров, Ю. А. Мотов, С. В. Перевозов), выполнившей комплексное геолого-геоморфологическое, археологическое, историко-топонимическое изучение памятника и района его местонахождения.

Памятник представляет собой небольшую прямоугольную возвышенность или земляную платформу (63,0×43,5 м, высота 0,6—1,0 м), ориентированную углами по сторонам света, на поверхности ее фиксируются остатки группы сооружений: свободной стены в виде оплывшего вала на каменном основании (высота 0,2—0,5 м, ширина 2,0 м) с разрывом в

средней части с юго-восточной стороны (въезд); внутри — центральная возвышенность Т-образной формы (13,3—28,7×34,2 м, высота 0,4 м) и две, меньшие по размерам (10,0×24,0 и 12,0×25,5 м), расположенные симметрично в южном и восточном секторах вала. Поверхность памятника имеет следы перекопов, встречаются обломки строительного и отделочного серого кирпича, черепицы, алебаstra, мелких костей животных. Вход в монастырь находился в середине юго-восточной стены. Собственно храм, идентифицированный с самым крупным бугром на территории поселения длиной 13,3—28,7×34,2 м и высотой 0,4 м, располагался внутри бывлой «глиняной ограды», напротив входа. Обследование местности вокруг развалин показало, что в 36 м южнее их имелся пологий спуск к реке Сумбе. Он был выложен гранитными плитами прямоугольной формы длиной от 62 до 90 см, шириной 25 см и более, так как именно в таком виде здесь сохранились ступеньки прежней каменной лестницы. На поверхности памятника в разных местах в большом количестве валялись обломки серого строительного и отделочного кирпича, фрагменты узких и широких черепиц, облицовочных плиток с растительным орнаментом, архитектурного декора и проч. Проведенные исследователями на отдельных объектах бывшего поселения рекогносцировочные раскопки позволили обнаружить и собрать такие характерные для ойратских храмов архитектурные детали постройки, как керамические плитки с буддийскими образами и мотивами. К ним относятся изображения бутонов и раскрывшихся цветков лотоса, пиона, бабочек, крупных розеток, «струящегося меандра», головы фантастического чудовища «таоте» и некоторые другие [Акишев, Григорьев, 1997. С. 12—14; 2001. С. 131—141; 2004. С. 208—217]. В 0,5 км к западу от основного сооружения обнаружена тибетская надпись, выбитая на поверхности скалы.

При полевом обследовании помеченных на карте Й.-Г. Рената талтерами других участков территории Семиречья, которые в настоящее время культурно обустроены аграрным населением (в частности, окрестности аулов Жаланаши и Жалаулы у подножий хребтов Кулыктау и Кунгей Алатау, берега оз. Иссык-Куль и др.), было установлено со слов сельских старожилов, что еще в относительно недавнем прошлом там действительно находились руины «калмацких» поселений. Но в последней четверти прошлого века они были распаханы по указанию местных властей и освоены под посевы земледельческих культур. Тем не менее многие локализованные буддийские памятники еще не обследованы на местности, и их изучение только начинается.

Литература

Абрамов, 1867: *Абрамов Н. А.* Река Каратал с ее окрестностями // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 1. СПб., 1867. С. 269—278 (*Abramov N. A.* Reka Karatal s ee ok-

restnostyami // *Zapiski IRGO po obschei geografii*. T. 1. SPb., 1867. S. 269—278).

- Акишев, Григорьев, 1997: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Монастырь Сумбе // Изв. корееведения Казахстана. Алматы, 1997. № 2. С. 14—24 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Monastyr Sumbe // *Izvestiya koreevedeniya Kazakhstana*. Almaty, 1997. № 2. S. 14—24).
- Акишев, Григорьев, 2001: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Археологические исследования монастыря Сумбе // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 131—141 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Arkheologicheskie issledovaniya monastyrya Sumbe // *Istoriya i arkheologiya Semirechiya*. Vyp. 2. Almaty, 2001. S. 131—141).
- Акишев, Григорьев, 2004: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Сумбе — буддийский монастырь в горах Шаартас: локализация и материалы исследований // Shyghys-Vostok. Алматы, 2004. № 1 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Sumbe — buddiyskiy monastyr' v gorakh Shaartas: lokalizatsiya i materialy issledovaniy // *Shyghys-Vostok*. Almaty, 2004. № 1).
- Археология Семиречья, 2011: Археология Семиречья. 1857—1912 гг.: сб. документов и материалов / отв. ред. Б. Т. Жанаев, сост. И. М. Самигулин. Алматы, 2011 (*Arkheologiya Semirechiya*. 1857—1912 gg. Sbornik dokumentov i materialov / отв. red. B. T. Zhanayev, sost. I. M. Samigulin. Almaty, 2011).
- Бартольд, 1977: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М., 1977 (*Bartol'd V. V.* Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii // *Bartol'd V. V.* Sochineniya. T. 9. M., 1977).
- Бородаев, Контев, 2010: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Туухийн товчоон. ХоИС-ийн НХУС-ийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Т. V. Улаанбаатар: «Соёмбопринтинг» ХХК, 2010. С. 386—403 (*Borodayev V. B., Kontev A. V.* Shvedskiy artillerist I. G. Renat i ego oiratskiye karty // *Tuukhiyn товчоон. ХоИС-ийн НХУС-ийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг*. Т. V. Ulaan-Baatar: «Soyomboprinting» ННК, 2010. S. 386—403).
- Валиханов, 1985: *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985 (*Valikhanov Ch. Ch.* Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985).
- Волобуев, 1993: *Волобуев В.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 6. С. 11—16 (*Volobuyev V.* Nekotoriye itogi rekonstruktsii karty Dzhungarii I. Renata // *Izvestiya NAN RK*. Ser. obschestv. nauk. 1993. № 6. S. 11—16).
- Голубев, 1861: *Голубев А.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию — Зайлиийский край // Зап. РГО. Кн. 3. СПб., 1861 (*Golubev A.* Otryvok iz puteshestviya v Srednyuyu Aziyu — Zailiyskiy kray // *Zapiski RGO*. Kn. 3. SPb., 1861).
- Григорьев, Железняков, 2010: *Григорьев Ф. П., Железняков Б. А.* Ламаистское святилище Тамгалытас на реке Или // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 440—457 (*Grigor'ev F. P., Zheleznyakov B. A.* Lamaistskoye svyatilische Tamgalytas na reke Ili // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 440—457).
- Елихина, 2010: *Елихина Ю. И.* Иконография буддийских изображений Тамгалытаса // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 459—473 (*Yelikhina Yu. I.* Ikonografiya buddiyskikh izobrazheniy Tamgalytasa // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 459—473).
- Ерофеева, 2009: *Ерофеева И. В.* Памятники тибетского буддизма середины XVII—первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Б. Т. Жанаева. Алматы: «Дайк-Пресс», 2009. С. 27—47 (*Yerofeyeva I. V.* Pamyatniki tibetskogo buddizma serediny XVII—pervoy poloviny XVIII veka v Kazakhstane: noviye issledovaniya i nakhodki // *Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova: Sbornik materialov nauch.-prakt. konf.* / pod red. B. T. Zhanayeva. Almaty: «Daik-Press», 2009. S. 27—47).
- Ерофеева, 2010: *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677—1771 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 490—529 (*Yerofeyeva I. V.* Istoriya formirovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas (1677—1771 gg.) // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 490—529).
- Ерофеева, 2012: *Ерофеева И. В.* Религиозно-культовые центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII—середине XVIII века // Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. М.: «Алмазный путь», 2012. С. 335—346 (*Yerofeyeva I. V.* Religiozno-kul'toviye tsentri tibetskogo buddizma na territorii Vostochnogo Kazakhstana v XVII—seredine XVIII veka // *Buddizm vадzhrayany v Rossii: ot kontaktov k vzaimodeistviyu*. M.: «Almaznyi put'», 2012. S. 335—346).
- Ерофеева, 2014: *Ерофеева И. В.* Сумбе // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014. С. 363—365 (*Yerofeyeva I. V.* Sumbe // *Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana* / Sost. I. V. Yerofeyeva. Almaty, 2014. S. 363—365).
- Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008: *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е.* и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008 (*Yerofeyeva I. V., Aubekero B. Zh., Rogozhinskiy A. E.* i dr. Anyrakaiskiy treugol'nik: istoriko-geograficheskiy areal i khronika velikogo srazheniya. Almaty, 2008).
- Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635—1758 гг. Изд. 2-е. М., 1983 (*Zlatkin I. Ya.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635—1758 gg. Izd. 2-e. M., 1983).
- Известия, 1825: Известия академика Фалька о Киргизской и Зюнгурской степи // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 7. СПб., 1825 (*Izvestiya akademiika Fal'ka o Kirgizskoy i Zyungorskoy stepi* // *Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii*. T. 7. SPb., 1825).
- Котвич, 1919: *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII в. // Изв. Российской академии наук. Сер. VI. Пр., 1919. Т. XIII. Вып. 1 (*Kotvich V. L.* Russkiye arkhivniye dokumenty po snosheniyam s oiratami v XVII i XVIII v. // *Izv. Rossiyskoy akademii nauk*. Ser. VI. Pg., 1919. T. XIII. Vyp. 1).

- Краткий энциклопедический словарь, 2014: Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014 (*Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana* / Sost. I. V. Yerofeyeva. Almaty, 2014).
- Кукеев, 2014: *Кукеев Д. Г.* К вопросу об оседлых ойратских сооружениях // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. I. Кызыл, 2014. С. 230—235 (*Kukeev D. G. K voprosu ob osedlykh oiratskikh sooruzheniyakh // Drevniye kul'tury Mongolii i Baikal'skoy Sibiri: Materialy V mezhdun. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. I. Ktzyly, 2014. S. 230—235*).
- Макшеев, 1886: *Макшеев А. И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 11 / под общ. ред. И. В. Мушкетова. СПб., 1886. С. 105—145 (*Maksheyev A. I. Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmykov s 1716 po 1733 god // Zapiski IRGO po obschey geografii. T. 11 / pod obschey red. I. V. Mushketova. SPb., 1886. S. 105—145*).
- Моисеев, 1999: *Моисеев В. А.* Новые материалы о Ренате // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы второй регион. конф. 22 окт. 1999 г. Барнаул, 1999 (*Moiseyev V. A. Novkiye materialy o Renate // Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya (vzaimodeistviye narodov i kul'tur). Materialy vtoroy region. konf. 22 okt. 1999 g. Barnaul, 1999*).
- Норбо, 1990: *Норбо Ш.* Зая-пандита (материалы к библиографии) / науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста, 1990 (*Norbo Sh. Zaya-pandita (materialy k bibliografii) / nauch. red. V. P. Sanchirov. Elista, 1990*).
- От Алтая до Каспия, 2011: От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана: в 3 т. Т. 2. Алматы, 2011 (*Ot Altaya do Kaspiya. Atlas pamyatnikov i dosto-primechatel'nostey prirody, istorii i kul'tury Kazakhstana: v 3 t. T. 2. Almaty, 2011*).
- Риттер, 1860: *Pumter К.* Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россиею, то есть Китайской империи, независимой Татарию, Персии и Сибири. Т. 3. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и по китайской границе. СПб., 1860 (*Ritter K. Zemlevedeniye Azii. Geografiya stran, nakhodyaschikhsya v neposredstvennykh otno-sheni-yakh s Rissiyeyu, to est' Kitaiskoy imperii, ne-zavisimoy Tatarii, Persii i Sibiri. T. 3. Altaisko-Sayan-skaya gornaya sistema v predelakh Russkoy imperii i po kitaiskoy granitse. SPb., 1860*).
- Рогожинский, 2010: *Рогожинский А. Е.* История изучения и новые исследования культового комплекса Тамгалытас на реке Или // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 474—507 (*Rogozhinskiy A. E. Istoriya izucheniya i noviye issledovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas na reke Ili // Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 474—507*).
- Черников, 1960. *Черников С. С.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории Калмыцкой АССР. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 115—134 (*Chernikov S. S. Pamyatniki arkhitektury oirat-kalmykov // Zapiski Kalmytskogo NII yazyka, literatury i istorii Kalmytskoy ASSR. Vyp. 1. Elista, 1960. S. 115—134*).
- Яхонтова, 2014: *Яхонтова Н. С.* Рукописное наследие ойратов в собрании Института восточных рукописей РАН // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. материалов Междунар. конф., г. Астана, 18—19 ноября 2014 г. Алматы, 2014. С. 179 (*Yakhontova N. S. Rukopisnoye nasledie oiratov v sobranii Instituta vostochnykh rukopisei RAN // Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii, g. Astana, 18—19 noyabrya 2014 g. Almaty, 2014. S. 179*).
- Baddeley, 1919: *Baddeley John F.* Russia, Mongolia, China. Vol. 1. London, 1919. P. CLXVI—CCXVI.
- Müller, 1738: *Müller G. F.* De scriptis tanguticis in Siberia repertis commentatio // Commentarii Academia scientiarum imperialis petropolitanae. T. 1. SPb., 1738. S. 430—451.
- Poppe, 1955: *Poppe N.* Renats Kalmuck maps // Imago mundi. Vol. 12. Stockholm, 1955. P. 157—159.
- Yerofeeva, 2009: *Yerofeeva I.* Lamaist Buddhism in Kazakhstan (Seventeenth to Mid Nineteenth Century) // Kazakhstan. Religions and Society in the History of Central Eurasia / ed. by Gian Luca Bonora, Nicolo Pianciola and Paolo Sartori. Turin; London; Venice; New York: Umberto Altemandi & C, 2009. P. 137—151.

Архивные материалы

- АВПРИ: Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД Российской Федерации (г. Москва) (*Arkhib vneshnei politiki Rossiiskoy imperii Istoriko-dokumental'nogo departamenta MID Rossiiskoy Federatsii* (g. Moskva)).
- АИМК: Архив Института материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) (*Arkhib Instituta material'noi kul'tury RAN* (g. Sankt-Peterburg)).
- АРГО: Архив Русского географического общества (г. Санкт-Петербург) (*Arkhib Russkogo geograficheskogo obschestva* (g. Sankt-Peterburg)).
- Научный отчет, 2008: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2008 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2008 g. // Arkhib KazNII PKNN*).
- Научный отчет, 2009: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2009 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2009 g. // Arkhib KazNII PKNN*).
- Научный отчет, 2010: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2010 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2010 g. // Arkhib KazNII PKNN*).
- Uppsala universitetsbibliotek / Uppsala University Library Sweden. Kart & bildavdelningen / Map & Print Department. Kart-och bildenheten under signum; Kartor, utl. St. form. Renats kartor.

I. V. Yerofeyeva

Buddhist Monasteries of the Oirats in Semirechiye (mid-XVII—mid-XIX cc.)

The paper considers the history of formation and religious activities of the Oirats' Buddhist monasteries in the area of Middle and Upper Ili River and its tributaries during the first half of the XVIII century, as well as of one particular monastery — from the 1740-ies till the middle of the XIX century. Basing on the geographical maps of the XVIII—XX centuries and on the results of the latest field research in Semirechiye, the author for the first time precisely ascertained the past location of those sites, their topography, dimensions and main formal features, and revealed the important role of the Buddhist monastic complexes in the management of religious and cultural life of the nomadic Mongol-speaking population in the Dzungar Khanate.

Key words: Dzungaria, Oirats, Tibetan Buddhism, Gelukpa, monasteries, lamas, mantras.

А. В. Попов

Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях

Объектом исследования в данной статье является монгольский официальный документ XIX в. Он представляет собой служебную депешу, в которой описаны малоизвестные особенности функционирования фискальной системы, созданной властями Империи Цин в Северной (Халха) Монголии. Авторы депеши повествуют о средствах, при помощи которых власти монгольских аймаков и хошунов стремились по возможности свести к минимуму степень участия подведомственного им населения в исполнении государственных повинностей. Взамен мобилизации собственных подданных на государственную пахотную службу халхаские князья и чиновники отдавали предпочтение тому, чтобы переложить бремя ее несения на плечи нанятых на стороне работников. Исследуемый документ до сих пор не подвергался изучению и не использовался в качестве источника, хотя и был опубликован Г. Ц. Цыбиковым в сборнике монгольских официальных бумаг, вышедшем в свет в 1898 г. В статье приведен комментированный перевод текста документа на русский язык и уточнено время его составления.

Ключевые слова: Северная Монголия, Империя Цин, административная система, государственные повинности, казенные пашни, плата работникам, несущим государственную пахотную повинность по найму.

Многочисленные подразделения государственного аппарата, созданного в Монголии властями Империи Цин (1644—1911), оставили после себя исключительно богатое эпистолярное наследие. Львиную его долю занимает служебная переписка, содержащая в себе внушительный объем разнообразных сведений об административной, хозяйственной, духовной, социальной жизни монгольского общества, изучением и регулированием которой *ex-officio* занимались цинские чиновники. Впрочем, несмотря на очевидную ценность многочисленных образцов этой официальной корреспонденции как исторических источников, значительная их часть до сих пор несправедливо обделена вниманием исследователей. Причем речь в данном случае идет не только о документах, хранящихся в малоизученных фондах архивов и библиотек, но и о тех казенных депешах и донесениях, которые были опубликованы в изданиях, ставших библиографической редкостью и ныне почти забытых. К числу таких изданий относится несколько сборников монгольских официальных документов цинского периода, вышедших в свет в России в конце XIX—начале XX в. Они предназначались в качестве учебных пособий по курсам практического монгольского языка, которые читались в Санкт-Петербургском университете и Владивостокском Восточном институте профессором А. М. Позднеевым (1851—1920) и его учеником Г. Ц. Цыбиковым (1873—1930) [Позднеев, 1883; Цыбиков, 1907; 1908]. С академической точки зрения, значение этих публикаций далеко выходит за рамки обычного издания

хрестоматийных материалов. Приведенные в них тексты образцов служебной документации во многом уникальны и единичны. При этом они насыщены многочисленными, зачастую малоизвестными сообщениями об административных, судебных, фискальных, имущественных, семейных отношениях в монгольском обществе в середине XVIII—второй половине XIX в.

В качестве объекта для анализа нами выбран один из документов, вошедших в сборник монгольских официальных бумаг из коллекции А. М. Позднеева. Издателем сборника, в который, помимо исследуемого в данной статье документа, вошли рукописные копии еще 31-го служебного распоряжения, донесения и доклада, выступил Г. Ц. Цыбиков [Цыбиков, 1898]. Сборник издан типолитографским способом в 1898 г., включенные в него документы датированы началом, серединой и концом XIX в. Монгольские их тексты переписаны рукой Г. Ц. Цыбикова. Им же на русском языке составлен раздел «Содержание бумаг» [Цыбиков, 1898. С. 76—77], посвященный краткому описанию содержания каждого документа из вошедших в сборник образцов казенной документации. Ниже приведены латинская транслитерация и комментированный перевод на русский язык текста официальной депеши, которая значится под № XXXII в порядковой нумерации, присвоенной издателем сборника всем включенным в него документам. Содержание этого послания дает представление о том, какими разнообразными и порой малоизученными подробностями повседневной

монгольской жизни была насыщена служебная переписка между подразделениями цинского госаппарата, размещенными в Халхе (Северной Монголии).

Несмотря на то что цинские правила документооборота предполагали обязательную датировку всей официальной корреспонденции, исследуемая нами казенная депеша в том виде, в каком ее текст опубликован Г. Ц. Цыбиковым, не содержит никаких указаний на время ее составления. Попытка обнаружить оригинал депеши в архивных фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, где в основном хранится коллекция монгольских официальных документов, собранная А. М. Позднеевым, оказалась безуспешной. Вместе с тем нет никаких оснований сомневаться в том, что при издании образцов монгольской служебной переписки Г. Ц. Цыбиков во всех случаях обеспечил полное совпадение опубликованных им текстов с теми списками, которыми он располагал. Учитывая изложенное, объяснение отсутствию датировки в нашем случае может состоять в том, что список исследуемого документа попал к Цыбикову не в оригинале, а в виде «отпуска» или рукописной копии, сделанной для А. М. Позднеева во время его путешествий по Монголии. В фондах отдела рукописей и документов ИВР РАН находится несколько сборников подобных копий¹. Что касается интересующей нас депеши, то можно предположить, что монгольский переписчик, копировавший ее текст, по каким-то причинам пропустил дату, которая, согласно цинским правилам, должна быть указана под основным текстом. Впрочем, в равной степени правомерно и предположение о том, что конец рукописи был попросту утрачен.

Но при всех отмеченных обстоятельствах вопрос об установлении времени, когда был составлен рассматриваемый в данной статье документ, отнюдь не относится к числу абсолютно нерешаемых. Как явствует из приведенного ниже комментария к переводу текста депеши (примеч. 1, 5 и 8), в ней упомянуты имена халхаских князей, факты биографии которых указывают на то, что исследуемое служебное письмо следует датировать началом 40-х гг. XIX в. К сожалению, иных хронологических маркеров, позволяющих еще более сузить отмеченный нами временной отрезок, в депеше не содержится. Вместе с тем даже такая, пусть и приблизительная, датировка, как нам кажется, никоим образом не лишает этот образец монгольской официальной корреспонденции качеств вполне надежного исторического источника. Интересующий нас документ характеризуется именно такими свойствами благодаря тому, что его авторы повествуют о малоизвестных сторонах деятельности фискальных учреждений цинского госаппарата, существовавших в Северной Монголии в первой поло-

вине XIX в. В фокусе этого повествования находится описание средств, при помощи которых власти халхаских аймаков и хошунов стремились по возможности свести к минимуму степень участия подведомственного им населения в исполнении многочисленных государственных повинностей, возложенных властями Империи Цин на Северную Монголию. В частности, исследуемый документ показывает, что взамен мобилизации собственных подданных, например, на государственную пахотную службу халхаские князья и чиновники отдавали предпочтение тому, чтобы переложить фискальное бремя на плечи нанятых на стороне работников. Необходимо заметить, что подобные факты описаны не только в интересующем нас источнике, но и в других официальных документах XIX в., хранящихся и в Институте восточных рукописей РАН [sayisiyalту irügelтү-yin yurbaduyar on. Л. 496], и в монгольских архивах [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 5]. В них повторяются сходные по смыслу сообщения, которые свидетельствуют о том, что присутствие в составе контингентов податного населения некоторого количества нанятых за плату исполнителей в XIX в. превратилось в Северной Монголии во вполне обыденную практику. Природу такого рода социальных явлений нельзя считать сколько-нибудь изученной, и в связи с ее интерпретацией возникает целый ряд вопросов. Кем были те довольно многочисленные люди, которые соглашались брать на себя чужие повинности? Какова была плата за несение государственной службы и из каких источников она поступала? Как центральные и региональные власти Империи Цин относились к тому, что монгольские князья и чиновники проявляют очевидную самостоятельность в поисках путей соблюдения «высочайше установленных» фискальных правил? По каким причинам и в каких случаях административные канцелярии халхаских аймаков и хошунов при наборе податных на казенные службы предпочитали иметь дело с наемными работниками, а не с подведомственными им государственным служилыми людьми? Содержание документа, исследуемого в настоящей статье, если и не дает готовых ответов на поставленные вопросы, то, по крайней мере, может способствовать их изучению.

События, которые описаны в интересующем нас официальном послании, разворачивались вокруг государственных пашен, расположенных на западе Внешней Монголии в окрестностях г. Кобдо. Этот город-крепость был основан в 1762 г. вблизи одноименной реки на левом берегу впадавшего в нее притока, именуемого Буянт-гол [Галдан, 2006. С. 239]. Что касается государственных пашен, то целина в этих местах была впервые поднята в 1717 г. Затем, с 1730-х до начала 1760-х гг., во время войн Империи Цин с западномонгольским Джунгарским ханством казенные поля были заброшены. Но с 1762 г. их распашка была возобновлена и продолжалась до 1911 г., т. е. до тех пор, пока Внешняя Монголия не вышла из-под контроля цинских властей

¹ Один из подобных сборников использован в качестве источника при написании данной статьи [sayisiyalту irügelтү-yin yurbaduyar on], а все прочие подробно описаны в каталоге, составленном Л. С. Пучковским [Пучковский, 1957. С. 175—177].

[Гонгор, 1964. С. 62]. Площадь кобдских пахотных угодий была невелика — при всех многократных изменениях она не превышала 150 га. Вместе с тем приносимый ими урожай не только использовался для текущего продовольственного снабжения цинского военно-административного аппарата во Внешней Монголии, но и пополнял хранившиеся здесь долговременные мобилизационные запасы зерна.

И сам город-крепость Кобдо, являвшийся административным центром одноименного округа, и пашни, снабжавшие провиантом воинские гарнизоны и чиновников, представляли собой стратегически важный элемент всей системы военной и админист-

ративной власти Империи Цин на ее северных границах. В подтверждение сказанному сошлемся на историко-географическое сочинение «Описание Их Хурээ» (庫倫誌), автором которого, по мнению современного исследователя У Фэнпэя, являлся известный китайский ученый и государственный деятель У Тинсе (1854—1947). О Кобдо в этом сочинении сказано как о крепости, обладающей общегосударственным значением. Благодаря ей империя получила оборонительный оплот, необходимый как для прикрытия с запада Их Хурээ и Улясутая, так и для защиты с севера Синьцзяна и Ганьсу [Кулунь чжи, 1990. С. 219].

Транслитерация

//72// Qobdu-yin jisiyan-u kereg-i šitgegči jasag rinčinbal nar-un bičig.

tariyan-u čereg-i jakirugči jalan rinčinbal-dur ilegebe. yabu ulqu učir. nidonon jil arban saradu sayin noyan ayima -un jisiyan-u kereg-i šitgegči jasag bumdar nar-un ajarača kurgejü iregsen bičig-dür. yabugulqu učir. edüge tusala či jangjun wang-yin jasag-un tama -a-yin kereg-i šitgegči tusala či čoyido -un ajarača kurgejü iregsen bičig-dür. ulamjilan yabu ulqu qari u iregülkü-yi uyun medegülkü učir edüge či ul an-u daru -a tusala či jangjun nar tan-u ajar-ača tušijan kürčü iregsen bičig-ün dotor-a. jangjun wang-un qoši un-u qoro da san nige ja un düčin nayiman ere-dür u no san učin qoyar erüke-yin alba-i tus ayima -un бүкүй суму ер-е-дү оноulun қубијају. ене он найман сарайин шинейин ниге-дүр қала улқу-бар то та ају медегүлкү yabu ulqu olan ajar-a nige adali yabu ulju tušiya san egün-dür bayiča abasu manu qoši un-du qobdu-yin tariyan-du u no san dangsa alba-yi uul qoši un-ača tatan sa u -a arad güyičed-iyer yada uu bolo san učir-du čöm-i ačo lan keüked degü[ü]ner-ün dolo an yama an-u üne-eče adan-a erüke nigebüri-dü jil tütüm jiran lang mönggö kölösö-yi qobdu-daki pujan-ača abu ad //74// tegüber alban tölögelegülügsed-dü ol oju manu qoši nu-ača egüber uliyasutai-daki pujan-dur öggüdeg bülüge. odo-a qobdu-yin tariyan-ača urban erüke-yi ayima abu san-i u to ta san boljo an-dur no san qoši u qalaју alba küliyegsen boljigem ene jil-ün ačo -yi manu qoši u nigente öggügsen. tula[.] ilegü-

üdekü tabun sarayin ačo -yi tataју manu qoši u egegülün abubasu jokiqu učir бүкүй-йин тuлада. oldobasu erkim jisiyan-a medegülüged el-e učir-i qobdu-yin jisiyan-dur ulamjilan yabu ulu ad tariyan-u erüke-eče qala -daју uban erüke-yi to ta san boljo an-dur qala san ba qala san ügei-yi bayiča al an. kerbe qalaју abu san bolbasu ačo abu čid-du erüke nigebüri-yin ilegüüdeggen kölösö qorin tabun lang bügüde dalan tabun lang mönggö-yi ar abasu jokiqu ajar-uud-ača nige mösön šitgen ar a ulju egegülün ol a ulqu-yi medegülju egün-ü tula ergün ilegebe. kemegsen egün-i qobdu-yin erkim jisiyan-u gung nar tan-dur yabu ulu ad enekü urban erüke tariyan-i alba-ača to ta san boljo an-dur qala san qala san esegsen-i bayiča an. kerbe qalaју //75// abu san bolbasu ačo abu čid-ača ilegüüdeggen kölösö bügüde dalan tabun lang mönggö-yi uul qošiğundur egegülün ol a ulsu ai. egün-ü tula ilegebe. Kemegsen egüni tariyan-u čereg-i jakiru či jalan čebegrašidur yabu ulu ad jangjun wang-un qoči un-u [=qoši un-] tülügeber ačo mönggö abču tariyan-u tabun erüke-yin alba küliyegsen arad-un dotor-ača [=dotor-ača] uul boljo an-dur būrin-e irejü qala san ba ügei. kerbe qala san bolbasu ačoy abču alba küliyegsen arad-un dotor-ača [=dotor-ača] qala da san urban erüke-yin ilegüüdeggen tabun sara-yin kölösö mönggö-yi u medegülügsen to an-u yosu ar buča an abu ulju. ene ča an sara-yin qorin tabun-du manu jisiyan-u ajar-a bičig da u ulun kurgejü iregülüged ulamjilan yabu ulqu-dur sa ad ügei bol asu ai: egün-ü tula ilegebe:

Перевод

Письмо дзасака Ринчинбала¹, исполняющего должность главы департамента государственных служб в Кобдо², и приданных ему в распоряжение прочих чинов.

Настоящим адресуюсь к дзалану³ Цэбэграши, начальствующему над военнообязанными податными, каковые несут пахотную повинность⁴. Причины, коими вызвана необходимость в том, чтобы направить в ваш адрес настоящее служебное отношение, состоят в следующем. В 10-м месяце прошлого года нами была получена депеша из канцелярии дзасака Бумдара⁵, состоящего в должности главы департа-

мента казенных служб Сайннойонханского аймака⁶. В депеше сказано: «Направляю вам данное письмо, руководствуясь нижеследующими обстоятельствами. Нами получен доклад туслагчи⁷ Чойдога, временно исполняющего должность правителя хошуна туслагчи-цзянцзюня ванна⁸. В докладе говорится: „Обращаюсь в подлежащие инстанции с настоящим докладом и с прошением дать на него ответ. Распоряжением, каковое ныне получено нами от их превосходительств старшины сейма и его помощника по военным делам, предписано: между всеми податными мужеска пола, состоящими в данном аймаке,

произвести разверстку казенных повинностей, каковые причитаются к исполнению 32 *податными, обеспеченными собственными хозяйствами*⁹. Названные повинности ранее были возложены на 148 податных, *выбывших из состава населения*¹⁰ хошуна *цзянцзюнь-вана*¹¹. Таковыми правилами надлежит руководствоваться при очередной смене несущих казенные службы податных, каковая должна быть исполнена к 1-му числу 8-го месяца¹² сего года. Всем инстанциям, причастным к рассылке уведомлений о настоящем распоряжении и к его исполнению, приказываем в равной степени следовать содержащимся в нем требованиям¹³. При изучении обстоятельств, открывшихся по принятии данного распоряжения к исполнению, выяснилось следующее. Податные люди, каковые, согласно первоначально установленному порядку, были отправлены для несения возложенных на наш хошун пахотных *реестровых повинностей*¹⁴ в Кобдо, в связи с крайней бедностью пришли в состояние совершенной неспособности к исполнению возложенных на них обязанностей. По сей причине им на замену были наняты работники, кои за плату, равную стоимости 8 голов коз, исполняли на пашнях *сезонные работы*¹⁵. Помимо того наш хошун в *кобдоских торговых лавках*¹⁶ брал займы денежные суммы — *каждому из податных хозяйств по 60 ланов*¹⁷, — предназначенные в порядке ежегодной платы за исполнение пахотной службы. Указанные суммы передавались людям, каковые принимали на себя обязанности по выполнению работ на казенных полях. Затем наш хошун возвращал заимствования улясутайским торговым конторам. Ныне же пахотные повинности в Кобдо, по норме равные трем податным с хозяйствами, *взяты аймаком в свое ведение*¹⁸, и хошун, на каковой прежде установленным порядком было возложено несение сих повинностей, подлежит замене при их исполнении. Однако же наш хошун в нынешнем году уже внес нанятым людям плату, обусловленную договоренностями о том, что они принимают на себя обязанности по исполнению казенных служб. Посему возникла необходимость в том, чтобы излишне внесенную за пять месяцев плату у получивших ее людей изъять и вернуть нашему хошуну. По выяснении всех означенных выше обстоятельств мы обращаемся в высокочтимый департамент казенных служб нашего аймака с уведомлением о необходимости довести настоящее сообщение до сведения кобдоского джисана, дабы последний учинил расследование на предмет того, были или не были на основании установленных правил уволены от несения пахотной службы люди, исполнявшие ее взамен трех податных с хозяйствами, каковые подлежат ис-

ключению из числа несущих казенные повинности. Коли упомянутые люди по освобождении от службы получили плату за ее исполнение, то уполномоченным на то инстанциям надлежит незамедлительно взыскать с них денежную сумму в 75 лан, состоящую из трех сумм по 25 лан, излишне выплаченных им за несение пахотной службы взамен каждого из трех податных. По исполнении сего взысканные деньги благоволите вернуть по первоначальной их принадлежности и донести о сем согласно правилам. В том и состоят причины, побудившие нас обратиться к вам с настоящим служебным отношением. Направляя настоящее послание Вам, милостивый государь-гун¹⁸ и прочим чинам, начальствующим над высокочтимым кобдоским департаментом казенных служб, мы, цзасак-тайджи Бумдар и прочие чины, поставленные во главе джисана Сайннойонханского аймака, просим вас определить, были или не были согласно установленным правилам уволены от несения пахотной повинности три податных с хозяйствами, означенных в направляемой нами депеше. Ежели они были уволены с получением платы за работу на пашнях, то просим вашего соизволения на то, чтобы получившие ее люди были побуждены к возврату излишне полученных ими денег общей суммой в 75 ланов тому хошуну, каковой внес указанную плату. Таковы обстоятельства, сообразуясь с каковыми, мы направили вам настоящую депешу». Мы, начальствующий над кобдоским департаментом казенных служб цзасак-тайджи Ринчинбал и прочие чины, отсылаем данное письмо Вам, цзалану Цэбэграши, состоящему командиром над военнообязанными податными, несущими пахотную повинность. С получением сего Вам надлежит установить, все ли из людей, каковые были наняты хошуном цзянцзюнь-вана для несения возложенных на данный хошун пахотных повинностей, по норме равных пяти податным с хозяйствами, прибыли к месту несения и службы и были ли они уволены от ее исполнения. Ежели уволенным была выдана плата за работу на пашнях, то благоволите взыскать с получивших ее людей, принявших на себя обязанность по исполнению повинностей, и вернуть по изначальной принадлежности деньги в указанной выше сумме, равной излишней плате за несение в течение пяти месяцев пахотной службы, по норме равной трем податным с хозяйствами. Благоволите также к 25-му дню сего первого месяца нового года представить в наш департамент доклад об исполнении данных Вам поручений, дабы не вызвать задержки в отсылке рапортов о произведенных нами действиях в подлежащие сему инстанции. На сей предмет в Ваш адрес и направлено настоящее служебное отношение.

Примечания

¹ Тайджи 1-й степени Ринчинбал состоял в должности хошунного правителя в Дзасактуханском аймаке с 1827 по 1876 г. [Шархүү, 1984. С. 196].

² Департамент государственных служб в Кобдо (монг.: Qobdu-yin jishiyan или Qalq-a- yin jishiyan; кит.: 科布多駐班) был учрежден в 1763 г. как структурное зве-

но в ведомстве здешнего цинского наместника [Насанбалжир, 1964. С. 42]. Иное название департамента, принятое в отечественной монголоведной литературе, Кобдоский джисан (от монгольского *жасаа* — очередная или срочная государственная служба) [Позднеев, 1880. С. 92]. Полномочия этого административного подразделения состояли в надзоре за своевременным, полным и точным исполнением властями халхаских аймаков обязанностей по привлечению подведомственного им населения к службам на казенных пашнях, в караулах, на почтовых станциях и при стадах государственного скота, находившихся в подчинении у цинского наместника в Кобдо. Департамент был обязан контролировать порядок прибытия военно- и трудообязанных монголов к местам несения казенных повинностей, следить за тем, чтобы аймаки и хошуны снабжали направленных ими в Кобдо податных натуральным и денежным довольствием и организовывали их своевременное убытие к местам постоянного жительства по истечении установленных сроков несения службы. Постоянный штат чиновников в кобдоском джисане предусмотрен не был, должности в его аппарате по установленной очереди замещались халхаскими князьями и чиновниками, привлекавшимися к исполнению служебных обязанностей в цинской администрации. Подобный порядок действовал с момента учреждения джисана и распространялся на всю его штатную структуру, начиная с поста главы, на который заступали правители халхаских хошунов. На тех же основаниях в штате департамента государственных служб состояли *дзахирагч дзангин* (помощники хошунных правителей по военно-административной части, монг.: *захирагч занги*; *jakira či janggin*; кит.: 管旗章京 или 都统), каковым был «поручен надзор за беглыми и преступниками и преследование сих последних» [Галдан, 2006. С. 240]. С 1768 г. помимо перечисленных чинов в кобдоском джисане начали служить халхаские *туслагчи-тайджи* (см. примеч. 7). В том же году по указу императора Цяньлуна джисан получил служебную печать, которую следовало изготовить из дерева [Галдан, 2006. С. 250]. Последнее обстоятельство указывает на то, что кобдоский департамент казенных служб относился к низшим звеньям цинской иерархии официальных инстанций. Срок пребывания халхаских князей и чиновников в Кобдо в статусе должностных лиц здешнего джисана был непродолжителен и ограничивался тремя месяцами [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. С 1767 г. к такой ротации начали привлекаться исключительно выходцы из западных аймаков Северной Монголии — Дзасактуханского и Сайннойонханского, расположенных в непосредственной близости от Кобдоского округа [Гонгор, 1964. С. 70]. В официальной переписке кобдоского джисана за 1789 г. читаем: «Несущие службу в нашем департаменте дзасаки (хошунные правители. — А. П.) и чиновники заступают на должности по следующей очереди: зимой и летом — дзасаки от Сайннойонханского и чиновники от Дзасактуханского аймака, весной и осенью — дзасаки от Дзасактуханского и чиновники от Сайннойонханского аймака» [Tngri-yin tetgügsen-ü urbaḍu ar on. Тетр. 2. Л. 13а].

³ *Дзалан* (монг.: *залан*; *jalang*, кит.: 参领) — чиновник хошунного звена цинского госаппарата в Монголии, который начальствовал над 6-ю сомонами (единицами административного деления, состоявшими из 150 «душ» военно- и трудообязанного населения). Впервые эти должности были учреждены в 16-м году правления императора Шуньчжи (1658) в хошунах Южной Монголии [Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 216]. Два года спустя

монгольским хошунным чиновникам, в том числе и дзаланам, были присвоены знаки различия (шарики на головных уборах, пояса и подушки для сидения в присутственных местах), которые в цинской табели о рангах находились на одну ступень ниже, чем у чинов, занимающих аналогичные должности в Восьмизнаменных маньчжурских войсках [Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988. С. 16]. В Халхе ранги дзаланов, как и весь прочий штат чиновников хошунных управ, были установлены в 1691 г. указом императора Канси [Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988. С. 95]. В дальнейшем описанные нами правила, определяющие статус должностных лиц, начальствовавших над 6-ю сомонами, вошли в состав свода законов «Мэнгу люйли» (1789), [Мэнгу люйли, 1988. Цз. 1. Л. 8а; Цз. 2. Л. 46], а также в первое (1817) и последующие издания «Уложения Лифаньюань» — основного цинского кодекса, предназначенного для управления монголами [*qauli jüyil-ün bičig*, 1817. Цз. 6. Л. 24а; *qauli jüyil-ün bičig*, 1989. Т. 1. С. 160]. Что касается службы халхаских дзаланов на кобдоских пашнях, то в 1762 г. с началом возделывания государственных полей на них была возложена ответственность за поддержание «порядка и надлежащего устройства» среди несущих пахотную повинность монгольских податных. Управление же пашнями в то время относилось к прерогативам командования размещенных в Кобдо китайских войск Зеленого знамени [Галдан, 2006. С. 240]. Но после того как в 1806 г. последние были освобождены от участия в формировании государственных зерновых запасов в Западной Монголии, обязанности по обеспечению урожайности казенных полей в Кобдо были переложены на монгольских чиновников, в том числе дзаланов. В III издание «Уложения Лифаньюань» (1842) включена отсутствовавшая в предыдущих редакциях этого свода законов статья, которая гласила: «В случае если на кобдоских пашнях сбор зерна в надлежащей степени кратности не превысит посев, то надлежит поступать следующим образом: при более чем пятикратном превышении состоящих на пашнях чиновников и рядовых *цириков* суду и наказанию не подвергать. При том же, что разница окажется менее чем пятикратной, дела управляющих пашнями монгольских чиновников передать на рассмотрение в Лифаньюань для определения им наказания. Каждому из них сообразно тяжести совершенного проступка назначать наказание от штрафа девятками скота до увольнения с государственной службы. Рядовых же карать битьем ташуrom (бамбуковой палкой с ременной петлей на конце. — А. П.) сообразно решению, каковое полномочна принять канцелярия подлежащего (т. е. кобдоского. — А. П.) наместника» [*qauli jüyil-ün bičig*, 1842. Цз. 44. Л. 33а-б].

⁴ *Военнообязанные податные, несущие пахотную повинность, или пахотные *цирики** (монг.: *tarian-u čereg*; кит.: 屯田兵丁) — термин, принятый в цинской юриспруденции и официальном документообороте для обозначения состоявших в «нижних чинах» монголов, которые были мобилизованы для возделывания казенных пашен. Фискальные правила, установленные центральными властями империи Цин в Монголии, определяли, что каждой из форм государственных повинностей должна соответствовать определенная категория податных, привлекавшихся к ее исполнению. Таких категорий было две: «*erüke čereg*» («обеспеченные собственным хозяйством») и «*bey-e čereg*» («мобилизованные по личной разрядке») [*alba tegsitgesen dangs-a*, 1962. С. 84—87]. К первой категории относились те военно- и трудообязанные совершеннолетние мужчины, кому следовало служить «на свой кошт»,

обеспечивая себя всем необходимым за счет собственного хозяйства и имущества. Среди прочих видов казенных повинностей эти податные несли и пахотную. Монголы, мобилизованные по второй из упомянутых категорий, на пашнях не служили. Из них формировался личный состав пограничных караулов, который получал казенное жалование, но одновременно должен был иметь собственное вооружение и снаряжение. Помимо этого в монгольской административной терминологии цинского периода термином «егүке ёегег» обозначалась условная единица разверстки государственных служб, равная двум военнообязанным «душам мужского пола» [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 6].

В 1762 г. при учреждении государственных пашен в Кобдо к их обработке было привлечено 400 халхаских податных «с хозяйствами» [Галдан, 2006. С. 240]. Половину из них обязан был направить Тушетуханский аймак. Помимо него в комплектовании контингента пахотных цириков участвовали Сайннойонханский и Дзасактуханский аймаки (128 и 72 податных, соответственно) [Насанбалжир, 1964. С. 113]. Сверх того перечисленные аймаки командировали в Кобдо управлявших пашнями чиновников: Тушетуханский и Сайннойонханский — по 1 *дзалану* (см. примеч. 4), 1 сомонному начальнику (или дзангину; монг.: занги; janggín, кит.: 佐領) и 1 уряднику (или хундую; монг.: хүнд бошго; hündüi boš o, кит.: 驍騎校), а Дзасактуханский — дзангина и урядника. По истечении года, проведенного на службе, личный состав пахотных подразделений подлежал замене [Дай Цин хуэйдянь, 1818. Цз. 52. Л. 216]. Что касается четвертого халхаского аймака — Сэцэнханского, то его податное население было освобождено от обременений, связанных с возделыванием кобдоских казенных полей. Подобный фискальный режим был установлен в начале 1760-х гг. в связи с удаленностью этого аймака от Западной Монголии и при условии пропорционального увеличения размеров возложенных на него казенных повинностей в прилегающих к его территории караулах, административных учреждениях и на почтовых станциях [Попов, 1995. С. 132, 133].

В 1806 г. император Цзяцин издал указ о частичном расформировании контингента кобдоских землепашцев в связи с сокращением площади обрабатываемых полей. В места постоянного жительства отправились 150 рядовых цириков (75 из Тушетуханского, 48 из Сайннойонханского и 27 из Дзасактуханского аймака). Помимо этого со службы были уволены по 1 сомонному начальнику из Тушетуханского и Сайннойонханского аймаков и 1 урядник из Тушетуханского аймака [Галдан, 2006. С. 271, 272]. Официальная переписка кобдоского джисана за 1826 г. содержит поименный список 7 чиновников и 250 рядовых, которые занимали должности, оставшиеся на пашнях после сокращения числа прикрепленных к ним податных [törögöreltү-yin jir u adууаг он. Л. 23а—25а]. В 1838 г. при очередном распределении повинностей, исполняемых халхаским податным населением, штатная структура подразделений пахотных цириков, а равно и обязанности аймаков по их комплектованию остались неизменными [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 33]. Впрочем, постепенная деградация государственного земледелия в Кобдо привела к тому, что в 1853 г. численность служивших здесь податных монголов была снижена еще на 50 человек, 25 из которых происходили из Тушетуханского, 16 из Сайннойонханского и 9 из Дзасактуханского аймака [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 37, 38].

⁵ *Дзасак-тайджи 1-й степени Бумдар* — состоял в должности хошунного правителя в Сайннойонханском аймаке с 1840 по 1865 г. [Шархүү, 1984. С. 137].

⁶ *Департамент казенных служб (или джисан) Сайннойонханского аймака* (монг.: Сайннойонхан аймгийн жа-саа, sayin poуan ayima -un jisiyan; кит.: 赛音诺颜部驻班) наряду с подобными ему административными подразделениями, сформированными четырьмя халхаскими аймаками, входил в структуру ведомства цинского генерал-губернатора (или цзянцзюня) в Улясутае. Занимавший эту должность сановник официально именовался «ведующим западным направлением помощником главнокомандующего, водворяющим надлежащее устройство на пограничных территориях» (по-китайски: 乌里雅酥台定边左副将军, по-монгольски: kijayag dakin-i toytayuci jegün eteged-ün tusalayci janggün). Он управлял военно-административными делами во Внешней Монголии и контролировал деятельность властей двух западных аймаков Халхи — Дзасактуханского и Сайннойонханского. В подчинении генерал-губернатора в числе прочих состояли и административные подразделения, которые не имели постоянного штата и комплектовались должностными лицами, командированными на трехмесячный срок из Северной Монголии. Для руководства этими подразделениями в Улясутай для несения служебного дежурства по очереди направлялись *помощники старшин халхаских сеймов, ведавших военно-административными делами* (см. примеч. 8). Под их непосредственным началом находились департаменты казенных служб четырех северомонгольских аймаков, в том числе и интересующий нас *Сайннойонханский джисан*. Описание последнего и подобных ему учреждений цинского госаппарата, рассматриваемых нами в данном комментарии, содержится, в частности, в датированном 1841 г. китайском историко-географическом сочинении «Трактат об установлении границ» (定边纪略), главным составителем которого считается маньчжурский сановник И Сян, служивший в 1839—1843 гг. в ранге улясутайского цзянцзюня: «Первоначально [при основании Улясутая] здесь была учреждена должность помощника старшины сейма, ведающего военно-административными делами, каковая именовалась „фуцзянцзюнь, несущий очередное дежурство“. Сию должность по очереди замещал один из помощников старшин четырех халхаских аймаков по военно-административной части. Место пребывания данного чиновника и расположения его канцелярии было определено вне городской цитадели. Чиновнику было предписано надзирать за ходом всех служебных дел, касающихся четырех халхаских аймаков, и выступать в таких делах промежуточной инстанцией [между улясутайским генерал-губернатором и аймаками]. Каждому халхаскому аймаку для помощи в решении административных дел, касающихся сношений с хошунами, было указано согласно установленной очереди направлять [в Улясутай] по одному хошунному правителю, по одному *помощнику хошунного правителя* (см. примеч. 7. — А. П.), по пять *дзаланов* (см. примеч. 3. — А. П.) и по одному тайджи, служащему в должности курьера. Всех указанных чинов следовало сменять на службе один раз в три месяца» [Дин бянь цзилюэ, 1990. С. 45]. Халхаским чиновникам, находившимся на очередном служебном дежурстве в Улясутае, выплачивалось казенное жалование. В частности, помощник сеймового старшины за три месяца, проведенных на дежурстве, получал 54 лана, хошунный правитель — 28 ланов и 8 цяней, помощник хошунного правителя — 24 лана, дзалан — 18 ланов и 3 цяня, тайджи, исполнявший курьер-

ские обязанности — 15 лан. Денежное и натуральное довольствие полагалось также монгольским рядовым цирикам, состоявшим при дежурных подразделениях в качестве посыльных и охраны [Улясутай чжилуэ, 1990. С. 80]. Что касается всех прочих затрат на содержание джисанов, то имперские власти возложили их бремя на халхаские аймаки. О тяжести этого бремени может свидетельствовать, например, тот факт, что от одного лишь Сэцэнханского аймака обеспечение трехмесячной службы помощника сеймового старшины в Улясутае в 1840 г. потребовало поставки 368 голов овец, 2 юрт, 3 палаток, 54 лошадей, 23 верблюдов, большого количества плиточного чая и т. д. [Содномдагва, 1961. С. 67]. Цинская казна не возмещала несущим служебное дежурство монгольским чиновникам даже канцелярские издержки. Так, в 1789 г. кобдоский амбань распорядился, чтобы хошунный правитель, состоящий при его ведомстве на очередной службе, снесся с вышестоящими инстанциями в Улясутае, где и справился, каким образом впредь изыскивать деньги, необходимые ему на нужды делопроизводства [Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on. Л. 19а].

⁷ *Туслагчи или туслагчи-тайджи* (монг.: tusalayči tayiji; кит.: 协理旗务台吉) — наименование должности помощника правителя хошуна в Монголии цинского периода. В случаях временного отсутствия правителя (как в комментируемом документе) или его неспособности к исполнению своих обязанностей туслагчи обязан был заступить на пост главы хошунной администрации. В административную структуру должности помощников правителей хошунов были включены в 1682 г. указом императора Канси [Дай Цин хуэйдянь цэзли, 1748. Цз. 140. Л. 186]. В дальнейшем содержание указа вошло во все основные сборники цинского законодательства, связанного с управлением Монголией, в частности, в «Уложение Лифаньюань»: «Во всех монгольских аймаках, в каждом хошуне установить должность тайджи, помогающего в делах управления хошуном. Сим тайджи постановляется в обязанность содействовать хошунным правителям в делах управления хошунами. При открытии по данной должности вакансии подлежащему хошунному правителю надлежит избрать двух отличающихся способностями и добродетельностью кандидатов из числа состоящих в его хошуне неслуживших князей рангом от вана до тайджи, так, чтобы кандидатам было по силам справляться с обязанностями по указанной должности. Избрав из кандидатов первого и второго, следует доложить о них старшине подлежащего аймачного сейма, сопроводив доклад аттестацией их способностей и поведения. Сеймовому старшине надлежит препроводить сей доклад в Лифаньюань. Последней же палате постановляется в обязанность, изучив все причастные к делу обстоятельства, вызвать кандидатов в Пекин и представить их назначение на высочайшее благоусмотрение» [qauli jüyil-ün bičig, 1817. Цз. 6. Л. 16а-б].

⁸ *Туслагчи-цзянцзюнь ванн* — речь идет о цзюнь-ване Тугжжаве (монг. Tügjiab), хошунном правителе из Сайнойонханского аймака в конце 1830-х—начале 1840-х гг. Именно этот князь по данным, приведенным Ц. Шархуу [Шархуу, 1984. С. 141], служил в упомянутом аймаке *помощником старшины сейма по военно-административным делам или туслагчи-цзянцзюнем* (монг.: туслагч жанжин, tusalayči jangjun; кит.: 副将军). В Северной Монголии чиновные должности, аналогичные той, что занимал в аймачной администрации цзюнь-ван Тугжжав, были учреждены в 1724 г. указом императора Юнчжэна [Цяньлун чао «Лифаньюань цэзли», 1988. С. 96; Позднеев, 1883а.

С. 312]. Первоначально назначенным на эти должности монгольским князьям было вверено командование войсками аймаков, но только в военное время и только теми контингентами, которые состояли на действительной службе и не находились в резерве. В дальнейшем полномочия аймачных туслагчи-цзянцзюней были существенно расширены. Они были дополнены обязанностями по постоянному контролю за поддержанием боеготовности халхаского ополчения, в котором числилось все служилое население («сомонные люди»; монг.: suman-u arad, кит.: 苏木兵丁), в мирное время пребывавшее в местах постоянного жительства. Основопологающим кодексом цинских законов «Дай Цин хуэйдянь» (大清会典) в редакции, относящейся к временам правления императора Цзяцина (1796—1820), статус интересующей нас чиновной должности был определен следующим образом: «В каждом из четырех халхаских аймаков назначить по одному помощнику старшины сейма по военным делам и к каждому из указанных сановников по одному заместителю (монг.: kebei jangjun; кит.: 参赞). В двух крыльях [западномонгольских. — А. П.] дурбэтов установить по одной должности помощника старшины по военным делам. Для сего представить на высочайшее благоусмотрение списки всех состоящих в вышеупомянутых аймаках и крыльях правителей хошунов, на основании коих испросить императорский указ о назначении из их числа сановников на перечисленные должности. Сим сановникам вменить в обязанность ежегодные проверки состояния войск и воинского оружия в каждом из хошунов. При отсутствии назначенных на должности помощников старшин по военным делам и их заместителей обязанность по проверке состояния войск возложить на сеймовых старшин, а при отсутствии назначенных на должности последних — на правителей подлежащих хошунов» [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. Аймачные туслагчи-цзянцзюни находились в непосредственном подчинении у цинских наместников в Северной Монголии и в военно-административной области имели полномочия, равные по значению правам и обязанностям старшин сеймов. За исполнение обязанностей по основной должности военные помощники сеймовых старшин (как и сами старшины) не получали специального вознаграждения. Жалованье от цинской казны им назначалось сообразно аристократическому титулу наравне с прочими хошунными правителями [Содномдагва, 1961. С. 56, 57]. Впрочем, в отдельных случаях, например, во время очередных служебных командировок в Улясутай, аймачным туслагчи-цзянцзюням полагалось дополнительное денежное содержание (см. примеч. 6).

⁹ В данном случае авторами документа употреблен термин «егүке šегег», комментарий к которому приведен в примеч. 4.

¹⁰ Согласно порядку, введенному цинской администрацией в Северной Монголии начиная с середины XVIII в., обязанности по кадровому и материальному обеспечению государственных служб были возложены на самое многочисленное сословие податного населения, именовавшееся «сомонные люди» (монг.: suman-u arad; кит.: 苏木兵丁). Это сословие делилось на сомоны, сведенные в хошуны или знамена. Сомоны, учрежденные по образцу и подобию нюру (подразделений маньчжурских Восьмизнаменных войск), были впервые введены в Южной Монголии указом императора Шуньчжи в 1658 г. [Дай Цин хуэйдянь цэзли, 1748. Цз. 140. Л. 216]. Согласно этому указу, в каждый сомон следовало зачислять «150 душ совершеннолетних податных мужского пола».

С 1773 г. распределение казенных повинностей между халхаскими аймаками и хошунами производилось соответственно численности сомонного населения в каждом из них [Насанбалжир, 1964. С. 169]. При этом имперские власти, исходя из потребностей размещенных в Северной Монголии военно-административных учреждений, составляли разрядку численности податных, которых следовало отрядить для несения государственных служб. Подобная разрядка в качестве обязательной к неукоснительному исполнению директивы доводилась до сведения сеймовых старшин, возглавлявших администрацию четырех халхаских аймаков. Старшины обязаны были принять согласованное решение о равном распределении бремени казенных повинностей, возложенных на разные аймаки, и составить тому подробные реестры [alba tegsitgesen dangsa-a, 1962. С. 5]. Четкой периодичности уравнивания повинностей в пределах Северной Монголии установлено не было. Сеймовые старшины по большей части производили его в том случае, если обнаруживались какие-либо отклонения от нормы равной разверстки казенных служб, определенной в расчете на численность сомонных податных [Попов, 1995. С. 127]. Вместе с тем известная самостоятельность халхаских властей в принятии решений по вопросам распределения повинностей между аймаками и хошунами существовала в рамках жестких правил об общем объеме фискального обложения, приходящегося на Северную Монголию. Имперскими властями пресекались любые попытки сеймовых старшин сократить численность трудообязанного населения, требовавшегося для службы в военно-административных структурах. Приведем выдержку из циркулярного распоряжения, которое в 1839 г. было направлено в халхаские аймаки Лифаньюань (理藩院) основным подразделением центрального правительственного аппарата империи Цин, надзиравшим за положением дел во Внешней Монголии: «Отныне и впредь, буде в хошунах действительно уменьшится число душ мужского населения, то можно прежним порядком сократить число сомонов. При сем, однако же, запрещается представлять ложные доклады о вымышленном уменьшении численности податного населения, стремясь с помощью Лифаньюань отстраниться от несения повинностей и добиться их распределения между прочими аймаками. Ныне же, если по докладу об уменьшении числа податных наша палата не выносит решения относительно сокращения повинностей, то представивший сей доклад аймак докучает назойливыми жалобами о том, что в нем, дескать, мало людей. Коли сократилось число сомонных душ мужского пола, то пусть внутри аймака изыщут, как найти им замену на казенной службе, и представят свое решение нам на утверждение. Вообще же, в какой бы степени ни сократились сомоны, приходящиеся на них казенные службы никоим образом нельзя перекладывать на другие аймаки за счет перераспределения повинностей» [sayisiyalu iğüeltü-yin yurbaduᠭar on. Л. 35a]. Очевидно, что выраженная таким образом позиция имперских властей определила действия властей Сайннгойханского аймака в ситуации, о которой речь идет в комментируемом документе.

¹¹ Речь вновь идет о *цзюнь-ване Тугжэжаве* (см. примеч. 8).

¹² Цинским законодательством для податных, отбывавших пахотную повинность в Кобдо, в начале XIX в. был установлен *годовой срок пребывания на службе, по истечении которого они подлежали замене* [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. При этом ежегодная процедура ротации личного состава цинских военно-адми-

нистративных органов в Северной Монголии должна была завершаться к началу *8-го месяца по лунному календарю*, т. е. к сроку, означенному в комментируемом документе.

Вместе с тем степень практической действенности приведенных законоположений вряд ли была высокой, о чем свидетельствуют довольно многочисленные сообщения источников. Приведем лишь один пример. Исходящая переписка кобдоского джисана за 1825 г. содержит адресованное властям хошуна тайджи Дондовдоржи (Тушетуханский аймак) уведомление о результатах обследования имущественного положения трех податных, направленных упомянутым хошуном на кобдоские пашни взамен тех, кто выслужил установленные сроки. В уведомлении было указано на то, что вновь прибывшие люди бедны, имеют весьма скудное имущество и мало скота. Двое из них по этой причине не были допущены к пахотной службе, их отправили к месту постоянного жительства. Далее чиновники джисана писали: «Один же рядовой цирик по имени Дашиджав с его хозяйством по бедности последнего был придан в помощь к находящемуся в течение длительного времени на пашнях (подчеркнуто нами. — А. П.) неимущему хозяйству цирика Дандара. Служба, каковая исполняется двумя означенными податными, засчитывается за исполнение повинности по норме, равной одному рядовому цирику с хозяйством» [törö gereltü-yin jir u aduᠭar on. Л. 4a]. Очевидно, что составившие цитированный документ монгольские чиновники открыто позволяли себе игнорировать положения цинского законодательства, требовавшие замены рядовых пахотных цириков по истечении года службы. С одной стороны, подобные вольности в их действиях скорее всего объяснялись тем, что имперские власти пристально следили за дееспособностью и поддержанием стопроцентной комплектности контингента монгольских податных, обрабатывавших казенные поля в Кобдо. Контролю же за строгим соблюдением сроков пахотной службы пекинские, улясуйские и кобдоские административные инстанции уделяли значительно меньшее внимание. С другой стороны, чиновники халхаских аймачных и хошунных управ, вероятно, понимая иерархию вопросов, интересовавших вышестоящее начальство, в первую очередь старались соблюсти разрядку по числу податных, отправленных в Кобдо, и не особенно обременяли себя проблемами их ежегодной замены. Наблюдения за тем, что местные власти предпочитали не сменять и подолгу оставлять на службе подчиненных им аратов, привлеченных к работам на кобдоских пашнях, сделаны Ш. Нацагдоржем [Нацагдорж, 1963. С. 166]. Поводом же, способным побудить монгольских чиновников к тому, чтобы озаботиться вопросами ротации рядовых цириков, пахавших казенные поля, могла быть или нищета и очевидная неспособность к нелегкому земледельческому труду, или (как в случае, о котором речь идет в комментируемом документе) изменение норм раскладки повинностей.

¹³ Содержащийся в тексте документа термин «*реестровые повинности*» (монг.: dangsa alba) обозначает виды государственного фискального обложения, которые были внесены в государственные реестры уравнительного распределения казенных служб между четырьмя халхаскими аймаками соответственно численности податного населения в каждом из них [alba tegsitgesen dangsa-a, 1962. С. 5].

¹⁴ В монгольской административной терминологии цинского периода для обозначения *вспомогательных и сезонных работ на кобдоских пашнях* использовался термин «keüked degüü», что в переводе на русский язык означает «дети и младшие братья». Подобный вид этот термин при-

обрел благодаря своему происхождению. Его появление в официальных документах относится к началу XIX в. За податными монголами, направленными на государственные пашни в Кобдо, нередко следовали их семейства. Младшие родственники монгольских податных мужчин, их дети и младшие братья в числе прочих сезонных работников, направляемых из прилегающих к пашням халхаских и ойратских хошунов, в конце XVIII—начале XIX в. систематически привлекались к уборке урожая. С течением времени это обстоятельство и дало повод к появлению интересующего нас термина [Гонгор, 1964. С. 64]. В 1830 г. ежегодное участие в уборочной страде 120 сезонных работников, официально именуемых *keüked degüü*, было включено в перечень обязательных повинностей, возложенных цинской администрацией на халхаские аймаки. Данный вид казенных служб подлежал уравнительной раскладке на сомонное население так же, как и прочие категории фискального обложения [*alba tegšitgegsen dangs-a*, 1962. С. 5]. Вместе с тем очевидно, что организация систематических командировок податных в Кобдо сроком на месяц (а именно таковой была продолжительность сезонных полевых работ) для большинства аймаков и хошунов в условиях Северной Монголии середины XIX в. была трудновыполнимой задачей. Но дабы все же решить ее и исполнить обязательство перед цинской казной, местные халхаские власти прибегали к упомянутому в комментируемом документе найму сезонных работников. В качестве последних по большей части выступали податные монголы, которые, отбыв казенные повинности, по тем или иным причинам (в основном по бедности и отсутствию скота для ведения собственного хозяйства) не вернулись в родные края и «обретались без дела» в окрестностях Кобдо. В источниках содержится немало подтверждений тому, что довольно многочисленные контингенты такого маргинального населения сформировались вокруг государственных пашен вскоре после их основания. В 1789 г. чиновники кобдоского джисана разослали властям халхаских аймаков циркулярную депешу, в которой, в частности, говорилось: «Поблизости от Кобдо в последние годы стало встречаться много людей, пребывающих здесь без целей, связанных с несением казенной службы. О сем следует известить подчиненные вам надлежащие канцелярии (речь идет об аймачных джисанах в Улясутае. О них см. примеч. 6. — А. П.), дабы от них были направлены чиновники, каковые, изучив все обстоятельства на месте, препроводили бы праздношатающихся к местам их жительства» [*Tngri-yin tetgüsen-ü urbadu ar on*. Тетр. 2. Л. 106]. В реестре исходящих бумаг кобдоского джисана за 1826 г. неоднократно сказано о том, что освобожденные со службы пахотные цирики, не имевшие скота и достаточных средств для возвращения к местам постоянного жительства, постоянно «обретались при пашнях» [*tögö gereltü-yin jir u aduуar on*. Л. 96, 11a, 136]. По справедливому замечанию Д. Гонгора, это были бедняки, которые могли стать лишь обузой для своих хошунов [Гонгор, 1964. С. 67]. В основном именно такие «праздношатающиеся» обездоленные люди за скромную плату и выполняли сезонные работы на кобдоских пашнях вместо «реестровых» цириков, которые по букве закона должны были прибыть из аймаков и хошунов.

¹⁵ Употребленный в комментируемом документе монгольский термин «*puᠵap*» произошел от китайского слова 铺子 ('торговая лавка, магазин'). В то время, когда документ был составлен, этот термин применялся для обозначения китайских коммерческих и ростовщических заведе-

ний и контор, которые распространили свою деятельность на Северную Монголию начиная с середины XVIII в. Хотя цинские законы запрещали жителям Среднего государства свободный въезд на монгольские территории, но для торговцев и ростовщиков был сделан ряд исключений. Им было позволено приобретать официальные патенты на ведение коммерческих и ссудных операций в монгольских аймаках и хошунах. При этом кредитование местного населения на личные, не связанные с государственными интересами нужды не допускалось [*qauli jüyil-ün bičig*, 1817. Цз. 34. Л. 25a; *qauli jüyil-ün bičig*, 1826. Цз. 34. Л. 24a; *qauli jüyil-ün bičig*, 1842. Цз. 34. Л. 24a]. Цель, которую в данном случае преследовали имперские власти, состояла в том, чтобы использовать китайский кредит для оперативного снабжения продовольствием и тяглом монголов, несущих казенные повинности вдалеке от родных мест. Одним из свидетельств, подтверждающих сказанное, выступает комментируемый документ.

Кобдоские пашни (как, впрочем, и иные цинские военно-административные институты в Монголии) в весьма существенной степени зависели от денежных и натуральных ссуд китайских торгово-ростовщических фирм [Попов, 1992. С. 179]. Механизм образования и возврата подобных «казенных» долгов зафиксирован, например, в официальной переписке кобдоского джисана. Осенью 1826 г. его чиновники направили в департамент казенных служб Сайннгойонханского аймака депешу, в которой, в частности, говорилось: «Ныне наступили холода, в продолжение коих следует перевозить казенное зерно к местам хранения. Однако же на пашнях открылся недостаток в тягловом скоте и провианте, от чего возникли изрядные затруднения в исполнении государственных служб. По сей причине, уведомив вышестоящие инстанции, 10-го месяца 12-го дня мы взяли в долг у китайской фирмы *Nasuyin* (китайское ее название Тяньидэ (天义德). — А. П.) тягловый скот и провизию. Ссуда подлежит возврату на установленных условиях ближайшим к вам конторам улясутайской фирмы *Baturun* (по сообщению А. М. Позднеева, это фирма Юхундянь [Позднеев, 1880. С. 74, 75]. — А. П.). К сему прилагаем список с указанием титулов хошунных правителей, имен подведомственных им цириков и количества полученного каждым из последних скота и провианта. Просим довести данное сообщение до сведения подлежащих инстанций. Помимо сего просим выдать фирме *Nasutu* расписки, гарантирующие возврат ссуды» [*tögö gereltü-yin jir u aduуar on*. Л. 186]. Ради примера, характеризующего упомянутые в цитированном документе «установленные условия» кредитования, приведем сообщение А. М. Позднеева о том, что взятый в долг кирпич прессованного чая, который по обменному курсу российской валюты к китайскому лану стоил 1 р. 80 коп., приносил кредитору 1 р. 74 коп. процентов в год [Позднеев, 1880. С. 84]. Отмеченные нами свидетельства источников — всего лишь одно из многих подтверждений тому, что в XIX в. роль основного генератора «казенных» долгов внутри цинского административного аппарата в Монголии играли чиновники джисанов. Именно они, не будучи связаны никакой материальной ответственностью, были вправе получать у китайцев ссуды под грабительские проценты, исходя при этом из ими же сформулированных «интересов государственной службы». Что до возврата задолженностей, то эта обязанность приходилась на долю хошунов, правители которых лишь *post factum* узнавали о заключенных от их имени кредитных соглашениях. Следствием подобного порядка стал неконтролируемый рост

«казенных долгов», неотвратимо приводивших в упадок хозяйство халхаских аймаков и хошунов.

¹⁶ В цинском законодательстве отсутствовали четкие правила регулирования стоимости услуг работников, нанятых халхаскими хошунами для исполнения повинностей на казенных пашнях взамен реестровых податных. Вместе с тем из монгольских источников явствует, что определенные механизмы образования цен на такого рода услуги все же существовали. Цены в данном случае зависели от уровня затрат, которые нанимавшей на стороне рабочую силу хошунной канцелярии пришлось бы понести в случае, если на государственных полях трудились не привлеченные возможностью заработка чужаки, а собственные, подведомственные ей податные. Цинская фискальная система в Северной Монголии XIX в. была устроена таким образом, что исключала для хошунных властей возможность ограничиться лишь ежегодным выполнением разрядки по мобилизации сомонного населения на казенные службы. Сверх того правительственные предписания обязывали местную халхаскую администрацию регулярно оказывать материальную помощь подчиненным ей военно- и трудообязанным простолюдинам, отбывавшим государственные повинности, и тем самым поддерживать среди них определенный минимум материального достатка, которым всякий податной монгольский арат должен был обладать для казенных надобностей [Попов, 1992. С. 174]. Понятно, что именно размеры подобного «вспомоществования» и являлись для хошунных властей главным ориентиром при определении условий найма сторонней рабочей силы.

Нормы и пути снабжения кобдоских пахотных цириков материальной помощью из родных кочевий с течением времени менялись. Первоначально в XVIII в. размер помощи определялся в пересчете на поголовье мясного, молочного и тяглового скота. Затем, с начала XIX в., натуральное снабжение постепенно уступило место денежным выплатам [Попов, 1992. С. 176]. Что касается размера этих выплат, то каждый из хошунных правителей был вправе установить его самостоятельно. Очевидно, что решение о величине субсидий всякий раз формулировалось с учетом зажиточности хошуна и потребностей податных в материальной помощи. Что до определения таких потребностей, то в нем активное участие принимали чиновники кобдоского джисана. Например, в 1826 г., по настоянию управляющих казенными пашнями должностных лиц, хошун гуна-помощника старшины сейма Дзасактуханского аймака взял на себя обязательство ежегодно платить жалованье трем своим рядовым цирикам, отряженным на службу в Кобдо, в размере 45, 50 и 55 ланов в зависимости от уровня их имущественного достатка [tögdö gereltü-yin jir u aduᠭar on. Л. 326]. Для сравнения, гун Цэвээнжав и цзасак-тайджи Гэжэбал, чьи хошуны относились к Сайнойонханскому аймаку, в том же 1826 г. положили каждому из подчиненных им аратов, служивших на казенных пашнях, жалованье в размере, соответственно, 24 лана за каждые три месяца и 50 ланов в год. Различия в размерах

субсидий, очевидные из приведенного примера, в других случаях могли быть и более разительными. Полярными противоположностями в этом смысле выступают два хошуна Дзасактуханского аймака. Правитель одного из них, ван-старшина сейма выделял единственному своему пахотному цирiku по 9 ланов в месяц. Правитель другого, цзасак-тайджи Цэвэгжав в подобной ситуации ограничился лишь 20 ланами в год [törö gereltü-yin jir u aduᠭar on. Л. 16б, 17а, 47а, 53б—54а]. Если обратиться к комментируемому документу, то канцелярия упомянутого в нем хошуна вана Тугжжава при определении платы людям, работавшим на казенных полях, на общем фоне не выделялась ни особой щедростью, ни чрезмерной скупостью.

К сказанному необходимо добавить, что в оказании помощи монгольским податным, несущим пахотную повинность в Кобдо, прежде всего нуждались региональные и центральные цинские власти, а не хошуны. Последние зачастую не отличались пунктуальностью в исполнении обязанностей по обременительному и явно не совпадавшему с их насущными интересами субсидированию имперских военно-административных институтов. По этой причине в систему материального обеспечения государственных пашен были включены *китайские ростовщические компании*, которые значительно более оперативно и эффективно, чем хошунные канцелярии, реагировали на запросы чиновников кобдоского джисана об обеспечении пахотных цириков деньгами, скотом и провиантом (см. примеч. 15).

¹⁷ Переход нормы пахотной повинности, от которой был освобожден хошун вана Тугжжава, в ведение аймака предполагал, что эта норма должна быть распределена между всеми прочими хошунами, входившими в Сайнойонханский сейм, сообразно численности податного населения в каждом из них (см. примеч. 10).

¹⁸ В комментируемом документе содержится подтверждение тому, что ротация кадрового состава департамента казенных служб в Кобдо действительно происходила в соответствии с порядком, описанным в примеч. 2. Авторами интересующего нас официального письма, как видно из его первых строк, являются «дзасак Ринчинбал, исполняющий должность главы департамента государственных служб в Кобдо, и состоящие под его началом прочие чины». Хотя в опубликованном Г. Ц. Цыбиковым тексте отсутствуют указания на точную дату составления письма, но из заключительного его фрагмента явствует, что оно было написано вскоре после наступления Нового года (по лунному календарю). Вместе с тем в официальной депеше дзасак-тайджи Бумдара, составленной до Нового года (в 10-м лунном месяце), на которую ссылаются авторы комментируемого документа, главой кобдоского департамента казенных служб значится не дзасак Ринчинбал, а иной не названный по имени халхаский князь с титулом *гун*. Очевидно, что последний, выслужив установленный срок, с наступлением новогодних праздников убыл в свои кочевья, а вместо него на чиновный пост заступил дзасак-тайджи Ринчинбал.

Использованные источники

Галдан, 2006: Галдан. Эрдэнийн эрх хэмээх түүх болой. Монгол бичгээс хөрвүүлж, эхүүдийг харьцуулан тулгаж, оршил бичин, тайлбар хийсэн доктор Ж. Гэрэлбадрах, Д. Будсүрэн, П. Бямбахорол (Галдан. Историческое сочинение, именуемое «Драгоценные четки» / Транслитерация, сводный текст, предисловие и ком-

ментарий Ж. Гэрэлбадрах, Д. Будсүрэн, П. Бямбахорол). Улаанбаатар, 2006 (Galdan. Erdeniyn erikh khemeekh tuukh boloyi. Mongol bichgees khorvuulj, ekhuudiyg khar'tsuulan tuulgaj, orshil bichin, tayilbar khiysen doctor J. Gerelbadrakh, D. Budusuren, P. Byambakhorol. Ulaanbaatar, 2006).

- Дай Цин хуэйдянь, 1818: 钦定大清会典 [Высочайше утвержденный свод узаконений Великой империи Цин]. [Б. м.], 1818. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Xyl F-42 (Qingding Dai Qing huidian. 1818. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Chinese Manuscripts and Xylographs. Xyl F-42).
- Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748: 钦定大清会典则例 (Высочайше утвержденное собрание узаконений к своду законов Великой империи Цин). [Б. м.], 1748. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд китайских рукописей ксилографов. Xyl F-40 (Qingding Dai Qing huidian zeli. 1748. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Chinese Manuscripts and Xylographs. Xyl F-40).
- Дин бянь цзюлюэ, 1990: 定边纪略 // 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Трактат об установлении границ // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Ding bian jilüe // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Кулунь чжи, 1990: 库伦志 // 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Описание Их Хурээ // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Kulun zhi // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Мэнгу люйли, 1988: 蒙古律例 // 蒙古律例 回疆则例 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Монгольское уложение // Монгольское уложение. Собрание узаконений относительно Синьцзяна // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / ред. Люй Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Menggu lüli // Menggu lüli. Huizang zeli // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- Позднеев, 1883: Позднеев А. Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883 (Pozdneev A. Ofitsial'niye bumagi mongol'skovo grazhdanskovo i ugolovonovo deloproizvodstva. SPb., 1883).
- Улясутай чжилуэ, 1990: 乌里雅台志略 // 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Описание Улясутай // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Wuliyasutai zhilüe // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988: 嘉庆朝 «大清会典» 中的理藩院资料 // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Цзяцина // Сб. материалов Лифаньюань, относящихся к временам правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / ред. Люй Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Jiaqing chao «Dai Qing huidian» zhongde Lifanyuan ziliao. Qing dai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- Цыбилов, 1898: Монгольские официальные бумаги, собранные ординарным профессором А. М. Позднеевым. Издал студент Г. Цыбилов. СПб., 1898 (Mongol'skiye ofitsial'niye bumagi, sobrannyye ordinarnym professorom A. M. Pozdneevym. Izdal student G. Tsybikov. SPb., 1898).
- Цыбилов, 1907: Цыбилов Г. Ц. Пособие для практического изучения монгольского языка. Владивосток, 1907 (Tsybikov G. Ts. Posobiye di'ya prakticheskovo izucheniya mongol'skovo yazyka. Vladivostok, 1907).
- Цыбилов, 1908: Цыбилов Г. Ц. Монгольские тексты: образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения 3-го курса Восточного ин-та. Владивосток, 1908 (Tsybikov G. Ts. Mongol'skiye teksty: obraztsy sloga i orfodrafii sovremennovo deloproizvodstva dl'ia chteniya 3-go kursa Vostochnovo in-ta. Vladivostok, 1908).
- Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988: 乾隆朝内府抄本 «理藩院则例» // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Свод копий императорских указов, исполненный Государственной канцелярией во времена правления под девизом Цяньлун и предназначенный для составления «Уложений Лифаньюань» // Сб. материалов Лифаньюань, относящихся к временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / ред. Лю Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Qianlong chao Neiwufu chaoben «Lifanyuan zeli» // Qing dai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- alba tegsitgesen dangs-a, 1962: *dörben ayimay-un alba tegsitgesen dangs-a*. Хэвлэлд бэлтгэгсэн Ц. Насанбалжир (Реестры, содержащие записи решений относительно уравнивания повинностей по четырем аймакам Халхи. Подготовил к изданию Ц. Насанбалжир) // Monumenta historica, T. IV. Fasc. 2. Улаанбаатар, 1962 (*dörben ayimay-un alba tegsitgesen dangs-a* // Monumenta historica. T. IV, fasc. 2. Ulaanbaatar, 1962).
- qauli jüyil-ün bičig, 1817: *Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1817. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-1 (*Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig*. 1817. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University.

- Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong B-1).
- qauli jüyil-ün bičig, 1826: *Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1826. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-2 (*Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig*. 1826. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong B-2).
- qauli jüyil-ün bičig, 1842: *Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1842. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-4 (*Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig*. 1842. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong C-4).
- qauli jüyil-ün bičig, 1989: *yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* nayiralту altanor-gil yaḡayulju tayilburilyaba (Уложение Лифаньюань или Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии / Издано под ред. Н. Алтаноргила). Хайлар, 1989 (*yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* nayiralту altanor-gil yaḡayulju tayilburilyaba. Hayilar, 1989).
- sayisiyaltu irügeltü-yin yurbaduyar on: [начало:] *sayisiyaltu irügeltü-yin yurbaduyar on-dur...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 3-м году правления под девизом Цзяцин...» Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.). [Б. м., б. г.]. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-223. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 175, 176]. ([the beginning:] *sayisiyaltu irügeltü-yin yurbaduyar on-dur...* Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-223).
- Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on: Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on-u ča da -a čereg-ün tusala či ba tüşimed: qoyar ja un čereg-ün kün-ü urban sar-a-yin adan-a ilegü sara-tai dürben sarayin čaling-un mönggö buda -a-yi ol a ulqu ergükü quwaming dangsa (Ведомость с указанием имен туслагчи, чиновников и двухсот караульных цириков на получение причитающихся им в порядке жалования денег и пшена за три месяца и сверх того за еще один добавочный месяц, а всего за четыре месяца 53-го года правления императора Цяньлуна). Собрание копий монгольских официальных документов, датированных 1789 г. [Б. м., б. г.]. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-403. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 178, 179] (Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on-u ča da -a čereg-ün tusala či ba tüşimed: qoyar ja un čereg-ün kün-ü urban sar-a-yin adan-a ilegü sara-tai dürben sarayin čaling-un mönggö buda -a-yi ol a ulqu ergükü quwaming dangsa. Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from 1789. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-403).
- törö gereltü-yin jir u aduyar on: [начало:] *törö gereltü-yin jir u aduyar on...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 6-м году правления под девизом Даогуан...» Собрание рукописных копий монгольских официальных документов). Б. м., 1826. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-405. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 180]. ([the beginning:] *törö gereltü-yin jir u aduyar on...* Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-405).

Использованная литература

- Гонгор, 1964: Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх (Краткая история города Кобдо) // *Studia historica*. Т. III, fasc. 10. Улаанбаатар, 1964 (*Gongor D. Qobdyn quraangui tuukh*. Ulaanbaatar, 1964).
- Насанбалжир, 1964: Насанбалжир Ц. Ар Монголоос Манж Чин улсад залгуулж байсан алба (Налоги и повинности, установленные империей Цин в Северной Монголии). Улан-Батор, 1964 (*Nasanbaljir C. Ar Mongoloos Manj Chin ulsad zalguulj baisan alba*. Ulaanbaatar, 1964).
- Нацагдорж, 1963: Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх. 1691—1911 (Краткая история Халхи в период маньчжурского господства). Улаанбаатар, 1963 (*Natsagdorj Sh. Manjiyn erhsheeld bayisan ueiyn Qalqyn quraangui tuukh*. Ulaanbaatar, 1963).
- Позднеев, 1880: Позднеев А. М. Города Северной Монголии. СПб., 1880 (*Pozdneev A. M. Goroda Severnoy Mongolii*. SPb., 1880).
- Позднеев 1883а: Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883 (*Pozdneev A. M. Mongol'skaya letopis' «Erdeniyn erihe»*. Podlinnyi tekst s perevodom i poyasneniyami, zakliyucha-yushimi w sebe istoriyu Qaiqi s 1636 g. po 1736 g. SPb., 1883).
- Попов, 1992: Попов А. В. Проблема собственности маньчжурских властей на земли казенных пашен в Халха-Монголии в XVIII—XIX вв. // *Источниковедение и историография истории стран Азии и Африки*. Вып. XIV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992 (*Popov A. V. Problema sobstvennosti manjurskih vlastei na zemli kazennyh*

- pashen v Severnoi Mongolii // *Istocnikovedeniye i istoriografia istorii stran Azii i Afriki*. Vyp. XIV. SPb., 1992).
- Попов, 1995: *Попов А. В.* Принципы организации цинского податного механизма в Северной Монголии в XVIII—XIX вв. // *Источниковедение и историография истории стран Азии и Африки: межвузовский сборник*. Вып. XV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995 (*Popov A. V.* Printsipy organizatsii tsinskovo podatnovo mehanizma v Severnoi Mongolii v XVIII—XIX vv. // *Istocnikovedeniye i istoriografia istorii stran Azii i Afriki*. Vyp. XV. SPb., 1995).
- Пучковский, 1957: *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. Л., 1957 (*Puchkovskiy L. S.* Mongol'skiye buriyat-mongol'skiye i oyiratskiye rukopisi i ksilografy Instituta vostokovedeniya. L., 1957).
- Содномдагва, 1961: *Содномдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691—1911) (Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства (1691—1911)). Улан-Батор, 1961 (*Sodnomdagva C.* Manjiin zakhirgaand bayisan ueiin Ar Mongolyn zasag zahirgaany zokhion baiguulalt (1691—1911). Ulaanbaatar, 1961).
- Шархуу, 1984: *Шархуу Ц.* Дөрвөн аймгийн засаг ноёдын товч шастир (Краткий свод родословных списков князей — правителей хошунов четырех аймаков Халхи) // *Mongoru Kenkü*. Vol. 7. Osaka, 1984 (*Sharkhuu Ts.* Dörvön ayimgiyn noyodyn товч shastyr // *Mongoru Kenkü*. Vol. 7. Osaka, 1984).

A. V. Popov

Mongolian official Document dated back from the XIX century about the Employees hired for a fee in the Qing state-owned Croplands

The object of research in this article is the Mongolian official letter of the XIX century, which represents some little known characteristics of the fiscal system established by the Qing Empire in the North (Halha) Mongolia. The authors of this letter describe the means which the Mongolian local authorities tried to find in order to reduce the fiscal burden that fell upon the population subordinate to them. Namely, instead of mobilizing their subjects to serve as cultivators of state military fields, the Mongolian princes and officials gave preference to shift the burden of carrying the public duties on the workers employed for a fee. The reviewed document has still not been subjected to any research, although it was published in 1898 by G. Ts. Tsybikov in the collection of the Mongolian official papers. This article presents a commented translation of the document on Russian and specifies the time when it was written.

Key words: North Mongolia, Russia, the Qing Empire, administrative system, public service, state-owned croplands, the fee paid to the workers hired to serve as cultivators of state military fields.

Л. С. Дампилова

Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН¹

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН совместно с фольклорными и этнографическими материалами хранятся шаманские обрядовые тексты. В шаманские материалы, в основном собранные в конце XIX—начале XX в., входят описания обрядовых действий, ритуальных предметов, биографические сведения об известных шаманах и шаманах-улигершинах. Особый интерес представляют шаманские поэтические тексты-призывания, записанные в разных районах этнической Бурятии. Отдельно выделяются шаманские мифы, составляющие основу картины мира в эпосе и сказках. Не менее значимы предания и легенды, как основанные на исторических событиях, так и имеющие мифологические корни.

Ключевые слова: шаманизм, материалы, традиция, текст, фольклор, этнография, ритуал, обряд, миф.

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН совместно с фольклорными и этнографическими материалами хранятся шаманские обрядовые тексты. Шаманские материалы содержатся в общих архивных и личных фондах М. Н. Хангалова, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Барадина, Г. Цыбикова, К. Хадахнэ, П. П. Баторова, Н. Н. Поппе, Ф. М. Шулунова, П. П. Хороших, Г. Н. Румянцева, И. Н. Мадасона, А. Шадаева, С. П. Балдаева, Т. К. Алексеевой, Т. М. Болдоновой, М. П. Хоимонова, Т. М. Михайлова, К. М. Герасимовой, Г. Р. Галдановой и других этнографов и фольклористов.

Благодаря первым бурятским ученым мы имеем богатый материал по шаманизму. М. Н. Хангалов записывал по Иркутской области, В. Юмсунов собирал материалы по шаманизму хори-бурят. Фольклорные и этнографические материалы Ц. Жамцарано собраны в 1903—1913 гг. В фонде Ц. Жамцарано (№ 6) хранятся материалы по шаманизму хоринских и иркутских бурят. Ценность представляют не только его фольклорные тексты, но и дневники экспедиций, официальные документы. Владея научными приемами и методами записи произведений устного народного творчества, Ц. Жамцарано в естественных условиях исполнения сумел записать тексты с высокой филологической точностью. Академическая русская транскрипция, которой пользовался ученый-

фольклорист, предельно точно передает диалектные особенности бурятских и монгольских говоров и сегодня наиболее доступна для изучения его архивных материалов.

Интересным фактом представляется общий архивный фонд № 753, в котором хранятся материалы Т. К. Алексеевой. Материалы по шаманизму записаны в 1945 г. у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича (70 лет, улус Онгой-Кутанка). Вторые варианты записаны у Болдырева Илаксы там же. Всего 5700 стихотворных строк. Тексты соответствуют записям (с небольшими грамматическими отклонениями) Ц. Ж. Жамцарано из архива Института востоковедения (СПб., ф. 62). Также эти тексты в этой же последовательности изданы в 1961 г. академиком Б. Ринченем в Висбадене. Сборник «Les matériaux pour L'étude du shamanisme Mongol / B. Rintchen // Asiatische Forschungen II: Textes shamanistes Bouriates» (Wiesbaden, 1961. Bd 8) состоит из 56 поэтических текстов, разделенных на песнопения западных и восточных бурят. Материалы напечатаны без паспортных данных и ссылок на номер фонда.

В фонде Н. Н. Поппе (№ 15) хранится работа «Шаманская мифология западных бурят» (по материалам В. А. Михайлова). «В. А. Михайлов (1882—1925) — бурятский ученый, исследователь истории, этнографии, традиционного мировоззрения бурят. В научном наследии В. А. Михайлова содержатся материалы и исследования, отражающие вопросы шаманской мифологии, обрядов коллективного и частного жертвоприношений, школы посвящения шаманов и шаманской иерархии, социальной роли шама-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

низма» [Аннотированное описание, 2011. С. 51]. Материалы В. А. Михайлова, собранные в годы его студенчества в 1910-х гг. у западных бурят, преимущественно кудинских, т. е. эхирит-булагатов, хранятся в архиве РАН в Санкт-Петербурге, в именном фонде академика Л. Я. Штернберга. Н. Н. Поппе во вводной части работы обосновал необходимость изучения шаманских материалов, привел историографическую справку по данной теме. Он выбрал из рукописи самые ценные материалы, сохранив авторскую композицию, и подготовил эту работу к печати [Поппе. Ф. 15. Оп. 1. Д. 18, старый инв. № 771. Л. 1а—57а]. В 1996 г. монография В. А. Михайлова «Религиозная мифология» напечатана с введением, примечаниями Г. Р. Галдановой и А. З. Хамарханова в Улан-Удэ.

В фонде фольклориста и поэта И. Н. Мадасона (№ 18) хранятся шаманские материалы, собранные в Иркутской области и Бурятии. Особенно интересны тексты призываний, записанные от сказителя Аполлона Тороева. В общем архивном фонде, где хранятся записи А. Шадаева (№ 776), ценность представляют поэтические цельные тексты, записанные от большого знатока шаманизма сказителя и шамана Пёохона Петрова. Шаманские материалы, записанные К. Хадахнэ в 1920-х гг. у кахинских, бильчирских бурят, хранятся в общем архивном фонде № 120—122.

В фонде П. П. Баторова (№ 14) присутствуют материалы по генеалогии, шаманизму северобайкальских бурят: аларских, кудинских, тункинских, куда входят хонгдорские, хангинские, харанутские роды. В отдельной папке содержится описание 16 онгонов: 1. Хан Шаргай нойон онгон; 2. Нолонгото үбэгэн Тунхэй Галзуу; 3. Зуракта онгон, состоящий из 27 шаманов — калек в сане *жодоото бөө*; 4. онгону Анда-бар сойоты молятся как урянхайскому шаману, а аларцы — уйгурскому; 5. Скотский онгон (Боронхи онгон) существует только у аларских бурят; 6. Две хоринские девицы (дуулаашан — найгуурай заяан); 7. Хүл үзүүри онгон — онгон, находящийся у ног, лежащих на кровати; 8. Кукше-гутэ, или букотская бабушка по имени Хан Хото; 9. Булгата онгон привезли в Аларь из Монголии; 10. Онгон Уетэ и Хунэртэ, корни тоже из Монголии; 11. Шандагата онгон, или Эдирхэн Алхансаев; 12. Деревянная голова Буртэ убугуна, привезенная из Монголии хангинским родом; 13. Тулодэн дахабари бохолдон онгон, также называют нохойто онгон; 14. Ехэ онгон состоит из 58 небесных и земных духов; 15. Пятнадцать нарисованных горных онгонов кудинских бурят; 16. Телячий, или изынууши онгон.

По сведениям П. П. Баторова, онгоны чаще делают для умилоствления духа шаманов, умерших насильственной смертью, их задабривают подношениями и почётом после смерти. Онгоны могут принадлежать только одному роду, племени, населенному пункту или всем желающим. Онгоны бывают нарисованные и сделанные из разных тканей, мехов, предметов. Их передают по наследству или делают

по частному случаю и уничтожают после обряда. Бывают дорогостоящие для содержания и дешевые онгоны, также выделяются онгоны только женские и делают их сами женщины. К онгонам чаще относятся уважительно как к божествам-хранителям, но редко есть и такие, как прислуга. Например, телячий онгоны наказывают, если посчитают, что они не охраняют телят.

ЦВРК ИМБТ СО РАН обладает крупнейшей коллекцией исторических, этнографических, фольклорных материалов, собранных С. П. Балдаевым по всей этнической Бурятии за весь период его творческой деятельности. Фонд С. П. Балдаева (№ 36) ценен тем, что ученый впервые собрал и систематизировал огромный материал, записал разные версии одного и того же вербального текста от разных информантов, выявил их вариативность и повторяемость. Наряду с записями текстов собиратель дает комментарии устаревших лексем, шаманских обрядовых предметов и специальных терминов. Во многих текстах содержатся расшифровки топонимов, теонимов, переводы некоторых песнопений, предварительное описание событий. Единственным недостатком можно считать сохранившиеся в архиве записи преданий и легенд на русском языке, не хватает оригинального текста для анализа и изучения языка.

В фонде С. П. Балдаева перечисляются имена западных и восточных высших небожителей (*тэнгри*) с описанием родственных связей, деятельности и особенностей небесных героев, например: Абарга Саган тэнгри является тестем Ата Улан тэнгри; Хухэ Мунгэн тэнгри считается покровителем борцов и силачей. Собиратель записал различные варианты мифов об одном и том же небожителе, настоящие и прошлые их функции, предания и легенды о небожителях, например, о борьбе Хана Хюрмаса и Атай Улана [Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1012].

Кроме того, он собрал интересные сведения о небожителях-первопредках: Хасар тэнгри имеет сына Худар Мэргэн и дочь — Хобоши гохан, именно на ней женился Хорёдой Мэргэн, и отсюда их одиннадцать сыновей. Шара Хасар является покровителем града, а сын и дочь — покровителями одиннадцати хоринских родов, а также западно-бурятских родов — шарат и хангин. Оёр Саган тэнгри покровительствует онговым родам и их шаманам, они приносили ему жертвоприношения при посвящении в шаманы и на похоронах. Хухэ нойон тэнгри охраняет белых хурдутов, а Хэлин Хара тэнгри — черных хурдутов и их шаманов. В фонде Балдаева указано 53 теонима западных тэнгриев и 50 восточных, в общем 103 теонима тэнгриев [Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1012. Л. 2—6].

С. П. Балдаев планомерно собрал материалы о детях небожителей — хатах, легенды и предания о них: перечислены 99 западных хатов, их жен, функций, указаны места дислокаций на земле. Записал развернутое песнопение о западных хатах от известного улигершина Папы Тушемилова, многочисленные варианты текстов об особо почитаемых хатах —

Буха нойоне, его дочери Эрхэ Суйбэн, Шаргай нойоне, северных 13 нойонах, Шубуун нойоне, хозяине острова Ольхон, писарях хозяина Ольхона и т. д. Отдельно созданы папки по генеалогии шаманов и шаманок. Уникальны материалы о знаменитом улигершине Пёохоне Петрове и его родословная (хангинский род). От П. Петрова записаны призывания хозяев местности, песнопения о заянах, нойонах.

В фонде С. П. Балдаева представлены записи по отдельным местностям, племенам и родам, как, например, записи о шаманстве унгинских, улейских, баргузинских бурят, история репрессированных баргузинских шаманов, призывание предков алагуева рода. С. П. Балдаев не только записал историю жизни и борьбы между собой таких известных шаманских родов, как тарасинские и обусинские страцы, но и собрал многочисленные варианты песнопений, посвященных всем старцам, отдельным шаманам этого рода и их дочерям. Среди шаманских историй интересна легенда о первом бурятском шамане Мэргэн хара.

Им даны исторические сведения о таких обрядах в шаманизме, как хождение «найгур», о времени и причине происхождения культа заянов, приведены их достоверные биографические данные. Представлены легенды и предания, развернутые поэтические тексты о таких известных заянках, как хоринские две девицы. Только им записаны история жизни и предание о *забаһарай заян* ‘двуполом заяне’, дается два варианта рассказа [Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1—3]. Не менее ценна большая «поэма» о заяне Алхансае Эдирхэнове, к которой прилагается история жизни и генеалогическое древо его рода. Огромный материал собран по реальной и мифологической истории исторических личностей Ажарай Бухэ и Харамцай Мэргэн, возведенных в сан почитаемых шаманских божеств и именуемых «черными всадниками». С. П. Балдаев записал множество вариантов песнопений, посвященных этим божествам.

Ценность для исследователей представляют материалы о культе гор, скал с отверстиями, пещер, о рисунках и надписях на горах и камнях, описанные им обряды жертвоприношения спустившимся с неба камням (буумал дүшэ, буумал шулуун). Поэтапно им записаны обряды, посвященные писаницам хана Шаргай нойона, Шаргай Боро, рисункам на горах Хашхай, Сахюрта. Также он собрал по районам семейные, хозяйственные, охотничьи, рыболовецкие обряды, есть записи о культе животных, об истории тайлганов, о женских тайлганах (*түхэрээн*). К семейным обрядам относятся обряды поклонения огню, обряды для деторождения (суд старух, Эрхэ Суйбэн тайжа, Аля бэргэн и др.). Им даны описания многочисленных онгонов, записаны обряды и песнопения, посвященные им. Отдельно рассмотрены низшие демонологические существа. Ни один исследователь и собиратель не объездил так героически всю этническую Бурятию по несколько раз. С. П. Балдаев собрал богатейший материал, который сегодня является бесценным источником для анализа прозаических и поэтических текстов, уточнения шаманских обрядов, ритуальных событий.

Также существует общий фонд шаманских материалов, собранных сотрудниками БИОН, ИМБТ СО РАН по всем районам этнической Бурятии.

Таким образом, в наиболее ценные шаманские материалы, в основном собранные в конце XIX—начале XX в., входят описания обрядовых действий, ритуальных предметов, биографические сведения об известных шаманах и шаманах-улигершинах. Особый интерес представляют шаманские поэтические тексты-призывания, записанные в разных районах этнической Бурятии. Отдельно выделяются шаманские мифы, составляющие основу картины мира в эпосе и сказках. Не менее значимы предания и легенды, как основанные на исторических событиях, так и имеющие мифологические корни.

Источники и литература

- Алексеева, № 753: Алексеева Т. К. Материалы по шаманизму: записаны у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, 1945 г. Вторые варианты записаны у Болдырева Илакся там же. Всего 5700 стихотворных строк // ЦБPK ИМБТ СО РАН. Общий архивный фонд, № 753 (*Alekseeva T. K. Materialy po shamanizmu: zapisany u shamana Shobonova Morhonoya Alsagarovicha, 70 let, ulus Ongoi-Kutanka, 1945 g. Vtorye varianty zapisany u Boldyreva Ilaksaya tam zhe. Vsego 5700 stihotvornykh strok // CVRK IMBT SO RAN. Obshiy arhivnyi fond, № 753*).
- Аннотированное описание, 2011: Аннотированное описание архива Н. Н. Поппе / Авт.-сост. Д. В. Дашибалова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 114 с. (*Annotirovannoe opisanie arhiva N. N. Poppe / Avt.-sost. D. V. Dashibalova. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. 114 s.*)
- Аннотированный каталог, 2009: Аннотированный каталог архивных материалов по бурятскому шаманизму ЦБPK ИМБТ СО РАН / Авт.-сост. О. А. Шагланова. Осака: Национальный музей этнологии, 2009. 332 с. с илл. (*Annotirovannyi katalog arhivnykh materialov po buryatskomu shamanizmu CVRK IMBT SO RAN / Avt.-sost. O. A. Shaglanova. Osaka: Nacional'nyi muzei etnologii, 2009. 332 s. s ill.*).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 337: Мифы, легенды и предания бурятского народа // ЦБPK ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 337. 116 л. (*Mify, legendy i predaniya buryatskogo naroda // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 337. 116 l.*).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1012: Шаманство бурят 1913—1940 гг. // ЦБPK ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1012 (*Shamanstvo buryat 1913—1940 gg. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1012*).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1013: Шаманские ритуалы и обряды // ЦБPK ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1013 (*Shamanskii ritualy i obryady // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1013*).

- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1165: Ухан хаадууд = [Водяные хаты]: записано от П. Петрова, 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1165. 16 л. (Uhan haaduud = [Vodyanye haty]: zapisano ot P. Petrova, 1940 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1165. 16 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1225: Шара тэхэ Манжилай тэлээшэ бурхан = [Желтый козел Манжилай, срединное божество]: записано в 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1225. 7 л. (Shara tehe Manzhilai teleeshe burhan = [Zheltiy kozel Manzhilai, sredinnoe bozhestvo]: zapisano v 1940 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1225. 7 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1189: Хориин хоёр басагад = [Култ заянов и заянок в шаманстве бурят: Хоринские две зайнки] / пер. С. П. Балдаева // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1189. Л. 64—103 (Horiin hoer basagad = [Kul't zayanov i zayank v shamanstve buryat: Horinskie dve zayanki] / Per. S. P. Baldaeva // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1189. L. 64—103).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1275: Писаница на горе Хашхай. Улус Хашхай, сортолов род, Унгинское ведомство, Балаганский уезд, Иркутская обл., 1910 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1275. 11 л. (Pisanica na gore Hashhai. Ulus Hashhai, sortolov rod, Unginskoe vedomstvo, Balaganskii uезд, Irkutskaya obl., 1910 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1275. 11 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1154: Алхансайн мараа хара Эдирхэн: [Заян Эдирхэн Алханцаев]: записано от Тунтигара Дабаева, 3 готоволов род, Хохорский улус, Боханское ведомство, Балаганский уезд, декабрь 1909 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1154. Л. 1—32 (Alhansain maraa hara Edirhen: [Zayan Edirhen Alhancayev]: zapisano ot Tuntigara Dabaeva, 3 gotolov rod, Hohorskii ulus, Bohanskoe vedomstvo, Balaganskii uезд, dekabr' 1909 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1154. L. 1—32).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1161: Западные хаты: записано от П. Петрова, с. Хадахан, Аларский р-н, 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1161 (Zapadnye haty: zapisano ot P. Petrova, s. Hadahan, Alarskii r-n, 1940 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1161).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1196: Култ спустившихся камней у бурят. Буумал шулуунай эзэнэй дурдалга = [Призывание хозяина спустившегося камня]: записано от Прокопия Буреева, 52 г., готоволова I рода, улус Шаралта Боханского аймака // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1196 (Kul't spustivshihsy kamnei u buryat. Buumal shuluunai ezenei duralga = [Prizyvanie hozyaina spustivshegosya kamnya]: zapisano ot Prokopiya Bureeva, 52 g., gotolova I roda, ulus Sharalta Bohanskogo aimaka // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1196).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1268: Тарсын бөөнуудэй удха = [Родословная тарасинских шаманов]: записано от Тосона Петухова, Боханский район, 1912 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1268. 21 л. (Tarsyn boonyudei udha = [Rodoslovnaya tarasinskih shamanov]: zapisano ot Tosona Petuhova, Bohanskii raion, 1912 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1268. 21 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1228: Охотничьи обряды аларских бурят, 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1228. 9 л. (Ohotnich'i obryady alarskih buryat, 1940 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1228. 9 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1272: Писаница хана Шаргайнойна: записано от Бата Зурбанова, 72 г., улус Б/Аларь Аларского аймака, 1942 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1272. 12 л. (Pisanica hana Shargai noiona: zapisano ot Bata Zurbanova, 72 g., ulus B/Alar' Alarskogo aimaka, 1942 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1272. 12 l.).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1190: Култ животных // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1190 (Kul't zhivotnyh // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1190).
- Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1079: Шаманство баргузинских бурят, 1955 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балдаева С. П. № 36. Оп. 1. Д. 1079 (Shamanstvo barguzinskih buryat, 1955 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Baldaeva S. P. № 36. Op. 1. D. 1079).
- Мадасон. Ф. 18. Оп. 1. Д. 187: Сэргэйн эжэн = [Хозяин коновязи]: записано от Александра Балдаханова в Улее, 1940 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Мадасона И. Н. № 18. Оп. 1. Д. 187. Л. 2 (Sergein ezhen = [Hozyain konovyazi]: zapisano ot Aleksandra Baldahanova v Ulee, 1940 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 187. L. 2).
- Мадасон. Ф. 18. Оп. 1. Д. 188: Яасанхайн бурхан = [Богиня Ясанхай]: записано от А. Тороева в улусе Шунта в 1932 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Мадасона И. Н. № 18. Оп. 1. Д. 188. Л. 4, 13 (Yaasanhai burhan = [Boginya Yasanhai]: zapisano ot A. Toroeva v uluse Shunta v 1932 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 188. L. 4, 13).
- Мадасон. Ф. 18. Оп. 1. Д. 188: Найгуур (Пидоохы Егоры тухай) Найгур = [Про Егора, сына Федота]: записано от А. Тороева в улусе Бохан в 1932 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Мадасона И. Н. № 18. Оп. 1. Д. 188. Л. 14—18 (Naiguur (Pidoohy Egori tuhai) Naigur = [Pro Egora, syna Fedota]: zapisano ot A. Toroeva v uluse Bohan v 1932 g. // CVRK IMBT SO RAN. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 188. L. 14—18).
- Мадасон. Ф. 18. Оп. 1. Д. 189: Хурдууд хунэй удха = [Родословная хурдутского рода] // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Мадасона И. Н. № 18. Оп. 1. Д. 189. Л. 6—9 (Hurdyud hynei udha = [Rodoslovnaya hurdutского рода] // CVRK IMBT SO RAN. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 189. L. 6—9).
- Общий фонд, № 2635: Посвящение в шаманы. Агинский национальный округ, Читинская обл. Июнь 2002 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, о. а. ф. № 2635 (Posvyashenie v shamany. Aginskiy nacional'nyi okrug, Chitinskaya obl. Iyun' 2002 g. // CVRK IMBT SO RAN, o. a. f. № 2635).
- Поппе. Ф. 15. Оп. 1. Д. 18: Понне Н. Н. Шаманская мифология западных бурят: по материалам В. А. Михайлова // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Поппе Н. Н. № 15. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—57 (Poppe N. N. Shamanskaya mifologiya zapadnyh buryat: po materialam V. A. Mihailova // CVRK IMBT SO RAN. F. Poppe N. N. № 15. Op. 1. D. 18. L. 1—57).
- Хадахнэ, № 120, тетр. № 2: Хадахнэ К. Призывание кудинских шаманов // ЦВРК ИМБТ СО РАН, о. а. ф. № 120, тетр. № 2. Л. 5 (Hadahne K. Prizyvanie kudinских shamanov // CVRK IMBT SO RAN, o. a. f. № 120, tetr. № 2. L. 5).

manov // CVRK IMBT SO RAN, o. a. f. № 120, tetr. № 2. L. 5).
 Шадаев, № 777 (1120): *Шадаев А.* Хаадууд = [Хаты]: записано от П. Петрова в 1946 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН,

o. a. ф. № 777 (1120) (*Shadaev A.* Haaduud = [Haty]: zapisano ot P. Petrova v 1946 g. // CVRK IMBT SO RAN, o. a. f. № 777 (1120)).

L. S. Dampilova

Shaman Materials in Funds of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy

Shaman ceremonial texts are stored in funds of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences together with folklore and ethnographic materials. The shaman materials which were generally collected at the end of XIX—the beginning of the XX centuries, include descriptions of ceremonial actions, ritual subjects, biographic data on famous shamans and shamans-*uligershins*. Shaman poetic texts which were written down in different regions of ethnic Buryatia are of special interest. The shaman myths making a world picture basis in the epos and fairy tales are separately allocated. The legends based as on historical events, and the having mythological roots play significant role.

Key words: shamanism, materials, tradition, text, folklore, ethnographic, ritual ceremony, myths.

А. В. Зорин

Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН *

Статья представляет некоторые итоги изучения связки листов Tib.970 на тибетском языке, которая была впервые зафиксирована в собрании Библиотеки Петербургской академии наук в 1798 г. и впоследствии оказалась в коллекции Азиатского музея (ныне ИВР РАН). Основная часть листов в связке происходит из калмыцких степей, на что, в частности, указывает наличие на них надписей на «ясном письме». Некоторые другие листы, скорее всего, были добавлены к ним уже в Санкт-Петербурге: не исключено, что одна из рукописей может восходить к поступлению 1727 г. (от Д. Г. Мессершмидта). Российское (или европейское) происхождение бумаги подтверждается наличием филигранных. В статье содержится классификация имеющихся листов, как правило, фрагментов рукописей, с точки зрения содержащихся в них текстов. Представленный далее обзор основных палеографических и манускриптологических особенностей рукописей может быть важен для выявления характерных черт калмыцкой письменной культуры XVIII в. (применительно к тибетоязычным рукописям).

Ключевые слова: калмыцкие рукописи, тибетоязычные рукописи, буддийские сочинения, коллекция ИВР РАН, палеография, манускриптология.

В процессе инвентаризации Тибетского фонда ИВР РАН в 2014—2015 гг. автором этих строк были выявлены некоторые материалы, имевшиеся в собрании Библиотеки Санкт-Петербургской академии наук в конце XVIII в. и впоследствии переданные в Азиатский музей. Среди них выделяются, разумеется, рукописи из Семи Палат и Аблай-хита. Менее известны довольно многочисленные поступления из Калмыкии, которые, на мой взгляд, заслуживают тщательного изучения хотя бы потому, что дают представление об особенностях тибетоязычных рукописей у калмыков в XVIII в. Образцов таких рукописей дошло до нас не так много, и значительная их часть хранится ныне в ИВР РАН.

Данная статья подводит первые итоги изучению одной из связок таких рукописных листов на тибетском языке, происходящих из Калмыкии.

1

Связке был присвоен шифр Tib.970, а входящие в нее тексты (как правило, фрагменты рукописей) получили отдельные номера внутри данного шифра (Tib.970, No. 1—Tib.970, No. 117). Связка завернута

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Опыт комплексного изучения фрагментов тибетских буддийских текстов на русской бумаге XVIII в. в собрании ИВР РАН», проект № 16-06-00382.

в лист бумаги, на котором с лицевой стороны написано по-немецки: «19. Einzelne tübätische blätter» («19. Отдельные тибетские листы»). По указанному здесь номеру можно идентифицировать эту связку листов с записью в Дополнении (*Anhang*) к первому перечню тибетско-монгольских письменных материалов в собрании Санкт-Петербургской академии наук И. Иерига, который включил в него только часть имевшихся в наличии текстов. Дополнение было составлено И. Буссе в 1798 г. и состоит из 35 пунктов. Под интересующим нас номером значится: «19. Ein Gebinde mit fast einzelnen Blättern tübätischer Schrift» («19. Связка почти отдельных листов с тибетскими письменами»). Эта характеристика, хотя и не совпадает полностью с надписью на обертке, но очень близка. Полагаю, у нас нет причин сомневаться, что именно рассматриваемая связка так обозначена Буссе в его Дополнении и что она, следовательно, находилась в академическом собрании в конце XVIII в.¹

До инвентаризации связки в 2015 г. в ней имелось 329 листов, из них десять были переданы в Монгольский фонд ИВР РАН как содержащие преимущественно ойратские тексты, в составе Тибетского фонда под шифром Tib.970 были инвентаризованы 319 листов (включая обертку, 8 пустых листов и один лист с немецкой надписью, о котором будет сказано ниже), составившие 118 инвентарных номе-

¹ Подробнее о Дополнении И. Буссе см.: [Walravens, Zorin, 2016].

ров: Tib.970, No. 1—Tib.970, No. 118 (далее я буду указывать только номера, не повторяя шифр)².

В ряде случаев требуется специальный анализ бумаги, чтобы установить ее происхождение: возможно, в связке есть листы на восточной бумаге. Но подавляющее большинство листов в связке, включая обертку, сделаны из бумаги российских и европейских фабрик XVIII в., о чем свидетельствуют многочисленные филигрны. Полный анализ их еще предстоит выполнить, но некоторые из них уже удалось идентифицировать, например филигрань, представленная в каталоге Лихачева под номером 3566(б) («фабрики Гончаровых, в Медынском уезде Калуж-

ской губернии, осн. 1718 г.» [Лихачев, 1899: Ч. 2. С. 387; прорисовка — Ч. 3: Т. CDLXXXI]), имеется на л. 3 под номером 54 (Рис. 1). Некоторые другие пока не обнаружены в имеющихся каталогах, но могут встречаться близкие аналоги, например иностранная филигрань, представленная в каталоге С. А. Клепикова под номером 937 (1712 г., без пояснения датировки и наименования фабрики [Клепиков, 1959. С. 254]), очень похожа на ту, что имеется на л. 3 под номером 64 (сюжет практически идентичен, но отличаются буквы, вписанные в два нижних круга).

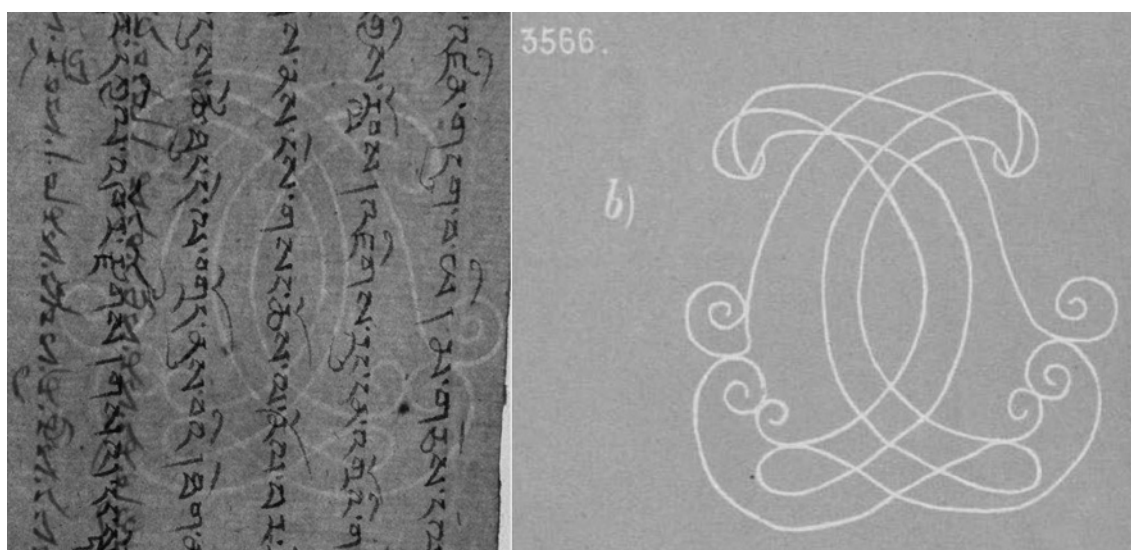

Рис. 1. Филигрань фабрики Гончаровых, XVIII в.: Tib.970, No. 54, л. 3 и прорисовка в каталоге Н. П. Лихачева

На то, что большая часть листов в связке происходит не из Бурятии, а из калмыцких степей, недвусмысленно указывает использование в них ойратской письменности: помимо упомянутых выше листов, переданных в Монгольский фонд, можно указать на несколько единиц хранения с ойратской фолиацией (при том что весь текст тибетский), в одном случае на титульном листе вместо тибетского заглавия дан ойратский перевод, встречаются и другие окказиональные случаи использования ойратского письма в тех единицах хранения, которые остались в Тибетском фонде.

В то же время в данную связку, очевидно, были добавлены некоторые листы уже в Санкт-Петербурге. На это указывает упомянутый выше лист с надписью на немецком языке (очевидно, карточка к этнографическому материалу из Бурятии): «Ein in Riemen geschnittenes Leder /: Irjekei :/, an deßen Riemen die Burretten Pfoten und Klauen von Rehen, Wie-

selfelle, Haarschnüre von geweihten Pferden hingen» («Нарезанная на ремни кожа (Ирекей)³, к каковым ремням буряты подвешивают лапы и копыта косуль, шкурки ласки, шнуры из волос освященных лошадей»)⁴.

Кроме того, на внешней (пустой) стороне начального листа одной из тибетских рукописей (написанной особой разновидностью письма *умэ*) содержится загадочная надпись, авторство которой, очевидно, принадлежит европейскому ученому: слева написано «Schar šatoo» (вместо знака параграфа можно было бы прочесть букву *z*, но в таком прочтении нет никакого смысла; последняя буква написана нечетко и допускает разные прочтения; вариант с *e* согласуется с тем, что написано далее на иврите), затем следует тибетская буква *ka* (в данном случае, вероятно, выступающая в роли буквенного обозначения номера 1) и, наконец, надпись на иврите в две строки «Моше / Аарон» — и с отходящим от буквы *алеф* во

² Две пары инвентарных номеров (No. 57 и 103, 56 и 106) при ближайшем рассмотрении оказались принадлежащими двум текстам.

³ Данный термин, вероятно, восходит к п.-монг. *erekü*, совр. монг. *эрэх*, бур. *эрэхэ* 'закручивать, перетягивать, скручивать'. Я благодарен за эту информацию Ж. Б. Бадагарову.

⁴ Прочтение этой надписи стало возможным благодаря коллегам из Германии А. Штахе-Вайске и Х. Вальравенсу. Я также признателен Э. Лейтану за некоторые замечания в связи с русским переводом надписи с немецкого.

второй строке столбцом с различными вариантами огласовок для данной буквы вплоть до огласовки *e* (Рис. 2). Если эта надпись не является просто упражнением в письме, а имеет тот смысл, который я в ней предполагаю, тогда она отсылает к попыткам сопоставления различных восточных алфавитов с хорошо известными европейским ученым письменными системами, предпринимавшимся некоторыми исследователями XVIII в. Этот интерес разделял, в частности, член Петербургской академии наук Г. З. Байер (1694—1738)¹; весьма возможно, именно он был автором надписи. В этом случае лист, на который она нанесена, должен вместе с еще одним листом из той же рукописи относиться к тем текстам на тибетском языке, которые привез в Петербург в 1727 г. Д. Г. Мессершмидт (1685—1735) из своего путешествия в Сибирь, поскольку Байер работал именно с этими текстами². Если данная гипотеза справедлива, тогда в связке могли оказаться и некоторые другие листы из этого поступления. К ним, например, могут относиться несколько ксилографических листов, имеющих в связке и очень напоминающих по своему виду бурятские ксилографы. Но точно установить это пока не представляется возможным³.

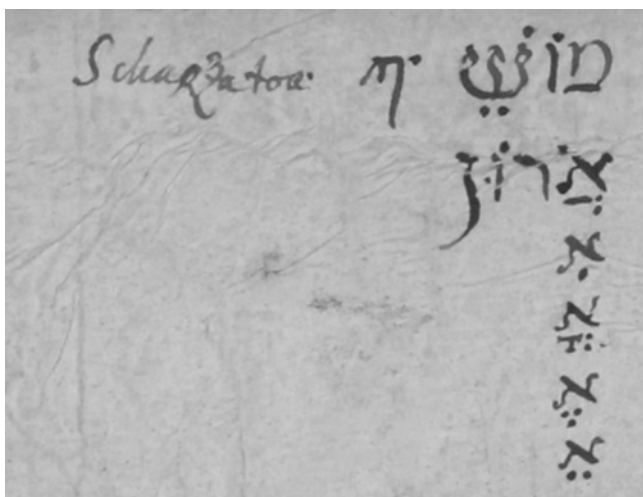

Рис. 2. Tib. 970, No. 106, л. 1a

Мы не можем определенно судить и о том, каков был изначальный вид данной связки: изменения в

¹ В его архиве хранятся таблицы таких сопоставлений [СПбФ РАН]. См. также известный труд А. А. Джорджи (1711—1797) [Giorgi, 1762], содержащий многочисленные спекуляции на тему сравнения тибетских слов с еврейскими.

² См.: [Bayer, 1732].

³ Когда статья уже была сдана в печать, мне стало известно, что небольшая черная печать с двуглавым орлом, имеющаяся на четырех рукописях внутри данной связки (№ 5, 43, 56, 108), свидетельствует о поступлении данной единицы хранения в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. (идентификацией печати я обязан Н. П. Копаневой (МАЭ РАН)). Следовательно, в данной связке определенно есть некоторые листы из коллекции Д. Г. Мессершмидта, которые были смешаны с другими поступлениями, преимущественно из Калмыкии.

ней могли происходить на протяжении всего периода хранения ее в стенах библиотеки Петербургской академии наук и затем Азиатского музея и Института востоковедения.

Тем не менее стоит еще раз подчеркнуть, что основная часть листов связки имеет калмыцкое происхождение: однородный характер этих *собранных вместе* рукописных материалов (внешний вид, русская/европейская бумага, особенности палеографии) указывает на единый источник происхождения; использование же ойратского письма — на то, что этим источником были именно калмыцкие степи. Скорее всего, поступление разрозненных рукописных материалов из этой части тогдашней Российской империи во второй половине XVIII в. было связано с откочкой в 1771 г. около 170 тысяч калмыков во главе с Убаши-ханом в Джунгарию под покровительство китайского императора Цяньлуна династии Цинь⁴.

Содержание связки, а именно бессистемный набор текстов, зачастую даже не целых, а фрагментов, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что листы могли быть извлечены из одного или нескольких сакральных объектов, таких как ступы, молитвенные барабаны и т. д., куда, как хорошо известно, могут вкладываться листы с дхарани и другими сочинениями специального защитного характера, а также и просто старые, пришедшие в негодность или по другой причине ставшие ненужными тексты. Массовый уход калмыков, безусловно, мог быть причиной извлечения текстов из сакральных объектов или иного обнаружения оставшихся без попечения рукописей с последующей передачей их в Библиотеку академии наук.

2

Изучение текстов, представленных в связке, позволило идентифицировать часть из них и распределить их по нескольким группам:

- 1) канонические тексты;
- 2) тексты из канонических сборников типа «Доманг» и «Сунгдуй»;
- 3) идентифицированные тексты тибетских авторов;
- 4) неидентифицированные тексты, не входящие в тибетский буддийский канон;
- 5) разное: астрологические таблицы (No. 9, 17, 58, 59, 107), ксилографические листы с мантрами (No. 15—16), иллюстративные материалы (No. 80—82, 112)⁵ и два листа с бессвязными надписями (No. 60, 87).

⁴ К этому обстоятельству мое внимание любезно привлек В. Л. Успенский.

⁵ В связке имеются следующие материалы иллюстративного характера: фрагмент листа с изображениями на обеих сторонах, которые трудно идентифицировать из-за малого размера фрагмента: с одной стороны — защитный амулет, или *линга* — символическое изображение демона или неприятеля, на обезвреживание которого направлена защитная магия, с другой стороны — некая защитная диаграмма (No. 80), изображение *линги*, чрезвычайно лапи-

Первые две группы можно было бы объединить в одну по той причине, что подавляющее большинство канонических текстов из первой группы входят и в репертуар сборников «Доманг» и «Сунгдуй»; разделение вызвано только тем обстоятельством, что далеко не все тексты из второй группы представлены в каноне. В то же время один из фрагментов такого знаменитого канонического текста, как «Ваджраччхедика» (No. 25), имеет в качестве маргиналии буквенный номер *dza*, отсылающий к структуре «Доманга» в редакции монастыря Кумбум. Это означает, что данный список восходит к одному из экземпляров или рукописных копий последнего⁶. Другой фрагмент «Ваджраччхедики» в связке не имеет буквенной нумерации. Также не в одном экземпляре представлены тексты «Молитва-обет Майтреи» (No. 27, 36) и апокрифический «Малый Юм» (No. 12, 91, 102). Из других известных текстов назовем «Гимн Таре в двадцати одной хвале» (один лист бурятского? ксилографа, No. 41), «Дхарани расширения мудрости и ума благодаря Манджушри» (No. 11), «Хридая-сутру» (No. 96, а также в составе некоего сборника — No. 28), «Царя молитв-обетов о чистоте поведения» (No. 92), «Дхарани Махамаюри» (No. 57 и 103 — части одного текста), апокрифическую «Дхарани Чернозонтичной богини» (No. 47, 49), «приглашенную» из Китая «Сутру о восьми светилах небес и земли» (No. 105). Имеется также фрагмент сборника с текстами из «Доманга» или «Сунгдуя» (No. 4).

Из прочих канонических текстов представлены небезызвестное «Письмо другу» Нагарджуны (No. 24) и, по всей видимости, фрагмент комментария Праджня-караматы к «Вхождению в деяния бодхисаттв» Шантидевы (No. 45).

Часть канонических текстов легко опознаваема без дополнительных технических средств, цели идентификации других прекрасно служит поисковая система онлайн-библиотеки TBRC (Tibetan Buddhist Research Center). Так как она охватывает не только весь буддийский канон, но и некоторое количество оригинальной тибетской литературы, в частности *сумбумы* наиболее выдающихся авторов, то среди прочих текстов и фрагментов, представленных в рассматриваемой связке листов, мне удалось идентифицировать около двадцати различных текстов, в том числе из *сумбумов* Гэдун Друпы (No. 64), Рэндава Шонну Лодоя (No. 86), Далай-ламы V (No. 54, 95, 71, 77, 104), Чонэ Дракпа Шедрупа (No. 1, 40; 106 и 56 — части одного текста). Часть фрагментов обнаруживается в сборниках текстов, таких как «Собра-

дарное, с вписанной в него дхарани (No. 81), лист с изображением двух звезд и одного шестиугольника, в одну из звезд и в шестиугольник вписан слог ОМ, в первом случае тибетским письмом, во втором — письмом *ланьча* (No. 82), фрагмент астрологической диаграммы с черепашьей *сипахо*, на оборотной стороне содержится благопожелательный текст (No. 112).

⁶ Подробнее о «Доманге» см.: [Зорин, Макарова, 2016].

ние садхан» («Sgrub thabs kun btus») [TBRC-1] (No. 52, 63, 85, 90, 113; 99 и 23 — части одного текста). Один из трех текстов в связке, представленных достаточно большим количеством листов (в данном случае 14 из исходных 15), частично совпадает с текстом «Последовательность трехчастного [подношения] тормы» («Gtor ma cha gsum gyi rim pa»), опубликованным в сборнике ритуальных текстов традиции тэрма [TBRC-2]. Другой текст (имеется 14 листов, из них последний по номеру — 26, исходное количество листов в тексте неизвестно), представляющий собой садхану Шестируккого Джняна-Махакалы, находится в составе сборника «Сокровищница наставлений» («Gdams ngag mdzod») [TBRC-3].

Четыре текста, авторство которых пока не удалось идентифицировать, имеют титульные листы с названиями: «Садхана Разноцветного Гаруды Знания, Лунный кристалл, изгоняющий яды сверху до низу» («Ye shes khyung khra'i sgrub thabs steng 'og gi nang kyi gdung sel ba'i zla shel»; No. 5), «Садхана [мандалы] из тринадцати божеств Бхагавана Ваджрабхайравы» («Bcom ldan 'das rdo rje 'jigs byed lha bcu gsum ma'i sgrubs pa'i thabs»; No. 32; это самая обширная по объему единица в составе связки, состоящая из 29 листов, без лакун), «Молитва о бардо⁷» («Bar do'i gsol 'debs»; No. 39), «Упрочение связи с *парками*⁸» («Spar kha'i 'brel pa rgyas pa»; No. 109).

Более двадцати неидентифицированных текстов и фрагментов имеют начальный лист, но не имеют заглавия; в подавляющем большинстве эти номера состоят из 1—2 листов. Еще около двадцати номеров — это фрагменты, по объему не превышающие трех листов. Содержание всех текстов в связке, насколько можно судить при пока не самом углубленном их изучении, — буддийское.

3

Тибетская палеография и манускриптология (иногда используется термин «кодиология»⁹) до недавнего времени оставались сферой малоизученной, но в последние годы наблюдается бурный рост интере-

⁷ Бардо — промежуточное состояние, в котором сознание существ пребывает до обретения нового рождения.

⁸ В тибетской религиозной культуре *парками* называются божества восьми триграмм, заимствованных из китайской астрологии.

⁹ Этот термин вызывает некоторые сомнения по той причине, что тибетские книги (за исключением некоторых типов, таких как тетради или книги-«гармоники») сложно назвать кодексами. С другой стороны, очень многие тибетские книги являются ксилографами, т. е. старопечатными, а не рукописными книгами, поэтому термин «манускриптология» также может быть признан не вполне подходящим. Тем не менее если выбирать между двумя терминами, то я бы предпочел именно его, поскольку ксилографы создаются на базе рукописных образцов.

са к ней. В этом отношении изучение региональных вариантов книг на тибетском языке — одна из наиболее актуальных задач. Для России она тем более актуальна, что речь идет о письменных традициях народов, исторически проживающих на ее территории и обладающих большим культурным наследием. В случае с калмыцким народом, сильно пострадавшим в XX в. и в годы гражданской войны, а также в годы гонений на религию, когда в результате сталинской депортации, в частности, было утрачено множество книг и других предметов религиозной культуры, особенно важным представляется изучение и введение в научный и культурный оборот вновь выявленных рукописей.

Поскольку в рассматриваемой связке представлена весьма большая (и, очевидно, во многом случай-

ная) выборка различных текстов и фрагментов текстов, это предоставляет исследователю возможность выявить некоторые особенности и тенденции в области создания и оформления калмыцких рукописей (по крайней мере, в XVIII в.). Наиболее существенными мне кажутся следующие наблюдения в отношении тех текстов, которые, по моему мнению, относятся именно к калмыцким поступлениям внутри данной связки.

1. В нашем распоряжении находятся главным образом тексты малого размера, практически все они имеют формат потхи¹⁰, что совсем не удивительно; однако обращает на себя внимание тенденция к удлинению листов с сопутствующим уменьшением количества строк текста на них (Рис. 3).

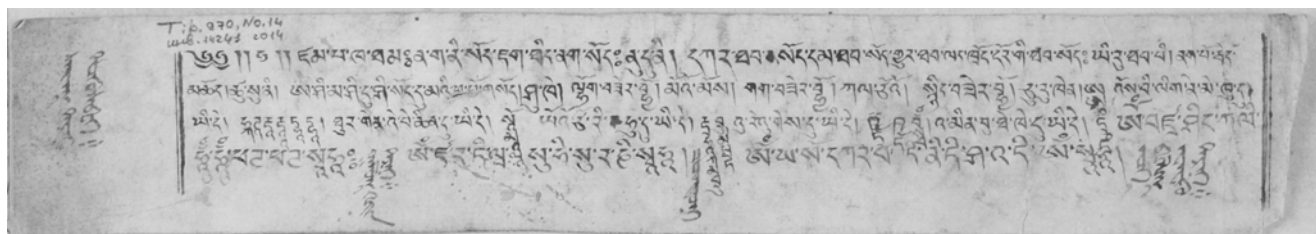

Рис. 3. Tib.970, No. 14, л. 1а: лист потхи удлиненного формата, с вкраплениями ойратского письма и с двумя парами вертикальных черт, помечающих пространство для текста

2. В ряде случаев, как уже упоминалось выше, в качестве маргинальной нумерации листов используются ойратские числительные; в других случаях используются тибетские числительные, иногда встречается нумерация тибетскими цифрами (оба последних варианта — стандартные).

3. Очевидна тенденция либо к полному отсутствию рамки вокруг пространства с текстом (т. н. «зеркала»), либо к оформлению ее в виде одной или пары вертикальных черт слева и справа от текста; полноценные рамки встречаются иногда на первых страницах рукописи, при этом последующие страницы могут не иметь рамки вообще; в этом смысле довольно показателен пример No. 96 («Хридая-сутра»), где л. 1b имеет полную рамку с дополнительной ячейкой слева (для маргиналии), л. 2а—4а — простую полную рамку, л. 4b — по вертикальной черте слева и справа от текста, л. 5а—6b — без рамки (последние один или два листа списка отсутствуют, но можно предположить, что на них также не было рамки).

4. В целом декоративные элементы чрезвычайно скудны:

— отсутствуют какие-либо миниатюры на первых страницах рукописей (правда, для книг-потхи малого формата это нормально);

— текст в подавляющем большинстве случаев написан черной тушью, лишь изредка встречается использование красной туши, самым выдающимся в этом отношении является No. 74, где на каждой странице ею написаны отдельные фрагменты, а на л. 2b эти фрагменты складываются в своего рода декоративную полосу (стоит отметить, что в конце текста здесь обнаруживается дополнительное украшение — благопожелание @|dge'o legs so|, написанное нарочито удлиненным шрифтом);

— для украшения иногда используется цветная бумага: желтая (No. 7, 64—68) и голубая (No. 109), в последнем случае для пометки отдельных мест в рукописи использована аппликация маленьких прямоугольников из розовой бумаги.

5. Практически отсутствуют краткие названия текстов в маргиналиях, последние в основном сводятся к фолиации (лишь изредка встречаются буквенные номера, как упомянутый выше номер *dza* одного из списков «Ваджраччхеидики»).

Требуется специальная большая работа по изучению почерков, представленных в рукописях из рассматриваемой связки, — не исключено, что в результате этой работы можно будет выделить региональную специфику именно калмыцких переписчиков. На данный момент можно сформулировать лишь

¹⁰ Если не брать во внимание астрологические таблицы и листы с иллюстративными материалами, только одна рукопись имеет иной формат, нежели потхи, а именно No. 43, это нижняя часть (половина?) листа, который был сложен в несколько раз — имеющаяся у нас часть сложена вчетверо, на каждой складке содержится по две строки (на последней текст написан мельче и в три строки). Текст представляет собой *солдэл* (хвалу) ламам одной из линий преемственности.

два наблюдения, касающиеся скорее особенностей орфографии, чем почерков.

1. Обращает на себя внимание довольно часто встречающееся «усредненное» или прямо ошибочное написание букв *ta* и *da*¹¹ в сочетании с надписными *ra* и *sa* (Рис. 4), особо часто *rdo rje*, причем в

этом случае нередко без разделяющего знака *цзк*. Конечно, ничуть не реже встречается и правильное написание этих букв, а сама отмеченная особенность может идти от нечетко пропечатанных слогов в ксилографах, но все же частота, с которой она встречается, требует внимательного к себе отношения.

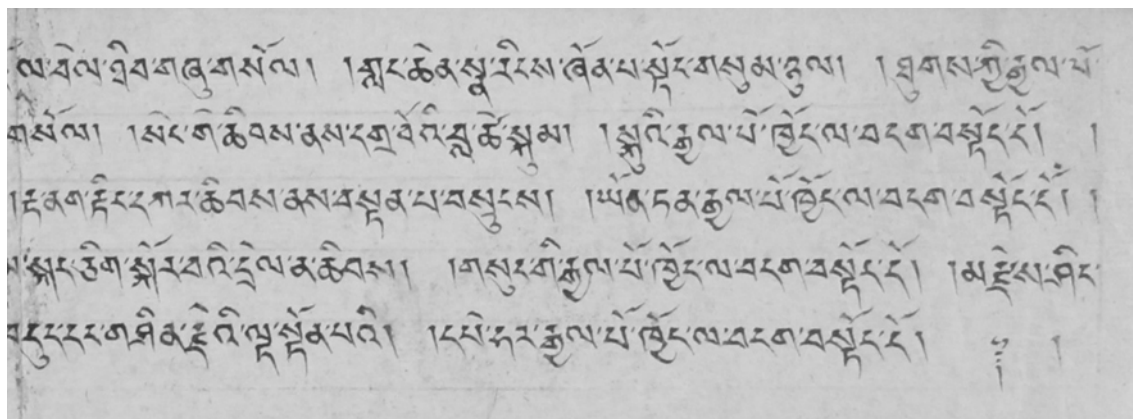

Рис. 4. Tib.970, No. 13, л. 1b: обратите внимание на написание слогов *stong*, *bstod*, *rta*, *bstan*, *ston*

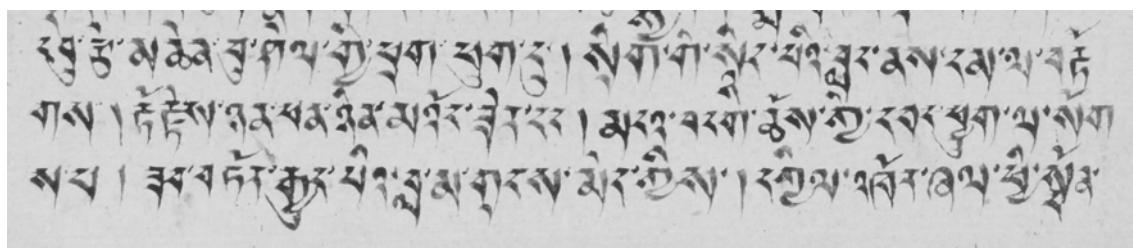

Рис. 5. Tib.970, No. 5, л. 6b: обратите внимание на перенос приписных букв в слогах *brtogs* и *sogs* на другую строку, а также на написание слова *rdo rje*

2. Такого же отношения, на мой взгляд, требует другая особенность, иногда встречающаяся в калмыцких рукописях, а именно написание целого слога в две части, например, часть слога может быть перенесена на другую строку (Рис. 5). Такие переносы (в том числе и внутри одной строки) мне известны в таких группах письменных памятников на тибетском языке, как древние рукописи из Дуньхуана; листы аблайхитского (т. е. джунгарского) Кагьюра (XVII в.); фрагменты калмыцких списков «Доманга» начала XIX в., хранящиеся в Саратовском областном музее краеведения. Сложно сказать, можно ли проследить какую-либо связь с Дуньхуаном в этом вопросе, но определенная тенденция в письменной культуре джунгаров/ойратов/калмыков тут, очевидно, просматривается, хотя это, конечно, требует дополнительных изысканий.

Осталось сказать несколько слов о видах тибетского письма, представленных в рукописях из рассматриваемой связки. В основном мы имеем дело с уставным письмом *учен*. Однако некоторые рукописи написаны вариантами письма *умэ*. В одном случае (No. 5) текст рукописи начинается с уставного письма, а потом на строках 1—2 л. 3b переходит на *умэ* (Рис. 6). Возможно, это связано с тем, что написанная так часть текста содержит описание призывания божества, в данном случае Разноцветного Гаруды, к исполнению желаемых действий, и переписчик хотел затруднить доступ к содержанию тайного текста.

Той же цели, вероятно, служит использование сжатых написаний слов (*bskun yig*, *bsdus yig*) и в этом тексте, и в других образцах тантрических текстов, написанных на *умэ*, имеющих в данной связке (No. 94, 106, 108, 109¹²). Такие сжатые написания

¹¹ В первом случае речь идет о написании, при котором загиб нижнего элемента находится в своего рода полупозиции, так что можно прочесть и *ta*, и *da*.

¹² Выше было упомянуто, что после того, как статья была сдана в печать, в рассматриваемой связке были выявлены некоторые рукописи (в том числе представленная на рис. 6), маркированные характерной печатью, использовавшейся в Библиотеке АН до сер. XVIII в. Все они содержат образцы вариантов письма *умэ*. Таким образом, по крайней мере в данной связке, все или почти все рукописи, которые можно атрибутировать как ойратские, написаны уставным письмом *учен*.

порой представляют собой настоящие головоломки и сильно напоминают распространенные в среде электронных коммуникаций практики записи слов с замысловатыми сокращениями, использованием цифр и других символов.

Единственный случай использования курсивного письма (в своей простой форме) зафиксирован в

No. 1: на одной из сторон находится начало ритуального текста по культу Амитабхи из сумбума Чонэ Дракпа Шедрупа (текст написан стандартным *умэ*), на другой же стороне — изящным курсивом написан тибетский алфавит и под ним образец письма (пятистишие), причем также с использованием сокращенных написаний слов (Рис. 7).

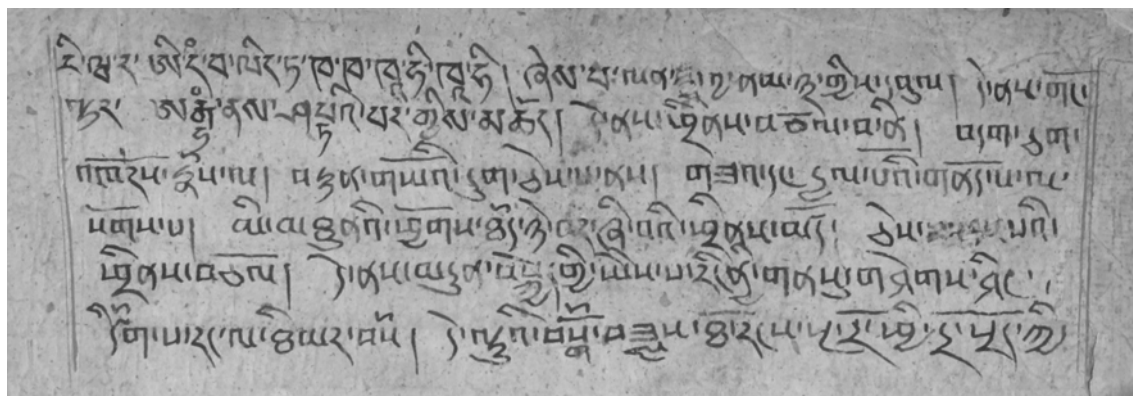

Рис. 6. Tib.970, No. 5, л. 3b: переход с уставного письма на *умэ* на стк. 1—2

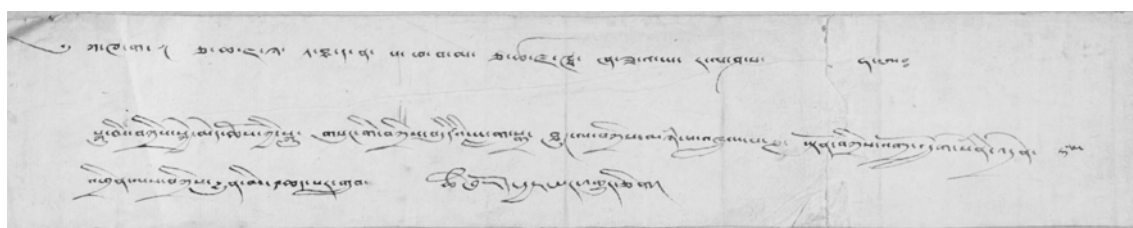

Рис. 7. Tib.970, No. 1: стк. 1 — тибетский алфавит курсивным письмом; стк. 2—3 — образец курсивного письма, благопожелательное пятистишие: *sku'i bkr-is* (= *bkra shis*) *skye med chos kyi sku* __ *gsung gi bkr-is bdu-tsi'i* (= *bdud rtsi'i*) *y-lag* (= *yan lag*) *sgra* __ *thuṭ* (= *thugs*) *la bkr-is mnyam pa* ' *khrul pa ph.ng* (= *phang*) __ *yo-tan* (= *yon tan*) *bkr-is* ' *gro drug sem-n* (= *sems can*) ' *dren* __ *ha ya* (эти две буквы, очевидно, не относятся к пятистишию) // ' *phrin las bkr-is rgyun mi* ' *chad par grub* __ *tshe phos s-rgyas* (= *sangs rgyas*) *par gyur cig*

Представленный выше обзор одной из хранящихся в ИВР РАН связок тибетоязычных листов, большая часть которых предположительно поступила в Санкт-Петербург во второй половине XVIII в. из Калмыкии, может служить отправной точкой для дальнейших исследований калмыцких рукописей на

тибетском языке XVIII—XIX вв., отложившихся в собрании ИВР РАН и других книгохранилищах. Можно надеяться, что отдельные тезисы, которые здесь были высказаны гипотетически или только намечены, получат проверку на более широком круге источников.

Использованная литература

- Зорин, Макарова, 2016: Зорин А. В., Макарова Ю. С. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения // Монголика-XVII. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. С. 52—60 (Zorin A. V., Makarova Yu. S. Dva kalmytskikh spiska tibetskogo sbornika «Domang» iz kollektzii Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia // Mongolica-XVII. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2016. P. 52—60).
- Клепиков, 1959: Клепиков С. А. Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959 (Klepikov S. A. Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII—XX vv. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi Knizhnoi palaty, 1959).
- Лихачев, 1899: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1—3. СПб.: Типография «В. С. Балашев и К», 1899 (Likhachev N. P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodianykh znakov. Pts. 1—3. St. Petersburg: Tipografiia «V. S. Balashev i K», 1899).
- Bayer, 1732: Bayer G. S. Elementa literaturae brahmanicae, tangutanae, mungolicae // Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. Ad Annum 1728. SPb., 1732. T. 3. P. 399—432.
- Giorgi, 1762: Giorgi A. A. Alphabetum Tibetanum missionum apostolicarum commodo editum. Romae: typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1762.
- Walravens, Zorin, 2016: Walravens H., Zorin A. Two Archival Documents on the Tibetan and Mongolian Texts Preserved

at the St. Petersburg Academy of Sciences by the End of the 18th Century and Not Included in J. Jählig's Catalogue // *Zentralasiatische Studien*. 2016. 45.

Архивные материалы

СПбФ АРАН: Ф. 784. Оп. 1. Ед. хр. 44: (Архив Г. 3. Байера.) Таблицы печатные восточных алфавитов.

Электронные ресурсы

TBRC-1: *Sgrub thabs kun btus*. A Collection of Sadhanas and Related Texts of the Vajrayana Traditions of Tibet. Repro-

duced by Photomechanical Process from Sde-dge Xylograph Edition of 1902. Vols. 1—14. Delhi: Indo-Tibetan Buddhist Literature Publisher and Dzongsar Institute for Advanced Studies of Buddhist Philosophy and Research. URL: <https://www.tbrc.org/#!/rid=W23681> [13.12.2016]

TBRC-2: *Mdos chog nyer mkho phyogs bsdus dgos 'dod kun 'byung* (Gto 'bum: a Collection of Various gto and mdos Rituals). Thimphu: Kunsang Topgay, 1978. URL: <https://www.tbrc.org/#!/rid=W27411> [13.12.2016]

TBRC-3: *Gdams ngag rin po che'i mdzod* / The Treasury of Spiritual Instructions. Vols. 1—18. Delhi: Shechen Publications, 1999. URL: <https://www.tbrc.org/#!/rid=W23605> [13.12.2016]

A. V. Zorin

A Bundle of Manuscripts in Tibetan from Kalmykia on the 18th century Russian Paper kept at the IOM RAS

This paper presents some results of the study of a bundle of folios in Tibetan, *Tib.970*, first attested as belonging to the Library of the St. Petersburg Academy of Sciences in 1798 and then passed to the Asiatic Museum, now IOM RAS. The main part of the folios in this bundle was originated from the Kalmykian Steppes, numerous inscriptions in the Clear Script witnessing it. Several folios were probably added to them in St. Petersburg - it is not unlikely that one of the manuscripts can be even traced to the acquisition of 1727, from D. G. Messerschmidt. Russian, or European, origin of paper of the majority of manuscripts is ascertained with watermarks found on many of them. The classification of the folios which are mostly fragments of Buddhist manuscripts is provided in regard of their contents. It is followed with the survey of major paleographic and manuscriptological features of the manuscripts that may prove important for the reconstruction of characteristics of the 18th century Kalmykian culture of producing manuscripts in Tibetan.

Key words: Kalmykian manuscripts, manuscripts in Tibetan, Buddhist texts, the IOM RAS collection, paleography, manuscriptology.

И. В. Кульганек

К вопросу о монгольских паремиях

В статье рассматриваются различные подходы современной мировой науки к изучению афоризмов и паремий. Эти подходы, считает автор, могут быть применены к исследованию монгольских пословиц и поговорок. Автор полагает, что монгольские пословицы и поговорки являются афористическим жанром устного народно-поэтического творчества, что они представляют собой краткие ритмизованные изречения, которые несут обобщённую мысль или выводы морально-этического опыта народа, часто иносказательно отсылающие к поведенческим нормам. Автора интересуют проблемы структуры, стиля, семантики монгольских паремий, а также их бытование, характеристика функций и образной системы. Сформированный стиль пословиц и поговорок стал вневременным, традиционным, одним из жанрообразующих признаков пословиц и поговорок. В статье высказывается точка зрения, что афоризмы могут быть двух типов — литературными (называемыми собственно афоризмами) и фольклорными (они представлены пословицами и поговорками). Пословицы, в свою очередь, различаются в зависимости от тематики, построения, цели, типа коммуникации, образности и т. д. По пословицам можно составить художественную картину мира монгольского народа.

Ключевые слова: паремии, афоризмы, пословицы, поговорки, триады, катрены, монгольский, структура, художественные особенности, язык, источники.

В культуре каждого народа есть вечные духовные ценности, сохраняющиеся на протяжении многих веков и постоянно прирастающие новыми образцами. Для монголов фольклор, возникший в глубокой древности, всегда был и до настоящего времени остается целительным источником, который дает им силы оставаться самобытным и сильным в духовном плане народом. Особенное место в монгольском народном поэтическом творчестве занимают афористические жанры: меткие выражения, пословицы, поговорки, загадки, присказки и так называемые триады и катрены, представляющие собой особую форму трехстиший и четверостиший.

На протяжении многих веков они формировали этническое сознание народа, глубинные составляющие его менталитета, и в итоге — поэтическую картину мира. Понять ее помогает исследование народных представлений, традиционной культуры, обыденного сознания народа и в первую очередь — изучение афористических жанров фольклора.

Пословицы и поговорки относятся к малым формам народного поэтического творчества. Они являются краткими ритмизованными изречениями, несущими обобщённую мысль, и могут представлять собой выводы морально-этического опыта народа или иносказание, отсылающее к поведенческим нормам, часто имеют дидактический уклон. Производимый пословицами эффект достигается благодаря ряду используемых художественных приемов (параллелизм, аллитерация, ассонанс, рифма и др). Использование синтаксических приемов и выбор оп-

ределенной лексики соединились таким образом, что высказывания стали восприниматься как типичные, т. е. как характерные, общие. Сформированный стиль пословиц и поговорок стал вневременным, традиционным, одним из жанрообразующих признаков пословиц и поговорок. Все они являются краткими образными вербальными выражениями, в которых сосредоточены традиционные ценности, основанные на жизненном опыте людей. Они представляют собой небольшие по объёму произведения (из одной-трех фраз) или законченные, обобщенные изречения и по этим характеристикам подходят под определение «афоризм»¹. Русские афоризмы² изучены значительно лучше, чем монгольские. Среди них были выделены: максимы (афоризмы морального содержания); сентенции (афоризмы без имени автора); апофтегмы (афоризмы, приписываемые определенному автору); хрии (афоризмы определенного лица в определенных условиях, употребляемые в начале диспута, «общие места»); гномы (нравоучительные изречения в стихах, особенно популярные в Древней Греции и восточных культурах).

¹ Свое греческое название этот термин получил в западном мире после труда Гиппократов «О лечении болезней», в котором медицинские предписания были записаны краткими фразами.

² См.: К. Смиттен. Афоризмы, или избранные мысли разных писателей (1816); М. П. Погодин. Исторические афоризмы (1827); П. Я. Чаадаев. Отрывки и афоризмы (1836). См. также работы В. О. Ключевского, Л. И. Шестова, В. В. Розанова.

Существует несколько десятков толкований понятия «афоризм»³. Однако в них отсутствуют точные определения его формальных и содержательных признаков. Все определения признают лишь, что афоризм — это краткое изречение, в котором в лаконичной, художественно заостренной форме излагается обобщенная мысль.

Как литературный жанр афоризм оформляется в XVI—XVII вв. и наполняется философским и политико-моралистическим смыслом⁴. В афоризмах кратко, четко и образно говорится о важных вещах. Они чрезвычайно разнообразны.

Таким образом, афоризмы могут быть двух типов — литературными (называемыми собственно афоризмами) и фольклорными (представленными пословицами и поговорками). Пословицы, в свою очередь, различаются в зависимости от тематики, построения, цели, типа коммуникации, образности и т. д.

Характер монгольской традиции является в основе своей устно-фольклорным, поэтому в монгольской культуре получили большее распространение так называемые фольклорные формы афоризмов, которыми являются пословицы и поговорки, в отличие от литературных, тяготеющих к сентенциям, записанным заповедям.

В российской и западной филологии есть традиция называть фольклорные афоризмы паремиями⁵ и понимать под ними устойчивые фразеологические единицы, представляющие собой предложение дидактического характера.

Монгольские паремии появились на такой ступени развития общества, когда владение словом дало человеку возможность обобщить мысль в краткой форме и выразить минимальными средствами суждение о предмете, явлении или их взаимоотношении.

³ См.: [Даль, 1956. С. 30; Михельсон, 1994. С. 34; Толковый словарь, 1935. С. 32; Тимофеев, Венгеров, 1963. С. 19; Квятковский, 1966. С. 54; Розенталь, Теленкова, 1972. С. 29; Словарь литературоведческих терминов, 1974. С. 23; Словарь русского языка, 1981. С. 52; Ожегов, 1989. С. 38; Советский энциклопедический словарь, 1984. С. 91; Энциклопедический словарь-справочник, 2005. С. 64—65; Немер, 1969. С. 172; Литературный энциклопедический словарь, 1987. С. 43].

⁴ В русской афористике преобладают религиозные символы, эмблемы, аллегории. Широко представлены афоризмы с моралистически-назидательным характером, а также афоризмы-парадоксы, афоризмы-каламбуры, суть которых не в констатации незыблемых законов, а в эффектно их опровержении, столкновении противоположных суждений, стирании грани между добром и злом, правдой и ложью, серьезностью и шуткой, реальностью и игрой.

⁵ Паремия (от греч. παροιμία — поговорка, пословица, притча). Паремиями считаются пословицы, состоящие из целостного предложения, и поговорки, являющиеся фрагментами предложений. Паремиями называют также речевые клише, близкие по образности и афористичности крылатым словам. Отличие от последних заключается в их анонимности. См. о паремиях: [Пермяков, 1978; Беликов, 1994; Королькова, 2005].

Они выражают или называют определенную мысль. Первые из них — логико-синтаксические, законченные, вторые — не имеют законченности. Паремии первого типа называются пословицами, второго — поговорками или крылатыми словами.

То обстоятельство, что монгольские фольклорные афоризмы или паремии имеют устную традицию создания и бытования, привносит в их структуру, лексику, образность ряд особенностей. Прежде всего, они несут житейско-практический характер, образность их связана с общеупотребительной лексикой простого народа, касающейся быта и природы. Монгольские пословицы выявляют типическое и общее, в них отсутствует связь с индивидуальным и особенным, смысл их опирается на суждение, апеллирует к мысли человека. В задачи пословицы и поговорки не входит выразить событие, предмет, явление. Суждения, выраженные в фольклорных афоризмах, отличны от научных постулатов, логических силлогизмов. Они основаны на духовном опыте и чужды аналитическому анализу, логической аргументации. Истина в них доказана не логическими построениями, а жизнью многих поколений людей. Сама логика присутствует в контексте, она подразумевается как итог многовекового опыта народа. Суждения в них строятся на сумме многочисленных отдельных переживаний человека и представляют собой их результат. Они свободны от конкретных эмоций, ситуаций, образов, что позволяет назвать их внеэмоциональными или надэмоциональными высказываниями. Фольклорные афоризмы имеют дело с явлениями, а не с конкретными образами, они несут общечеловеческий смысл.

Монгольские пословицы и поговорки рождались из наблюдений над реальной жизнью. Для монголов — это кочевое хозяйство. Ряд пословиц пришли к монголам из иностранной переводной и национальной литературы. Буддизм также оказал влияние на пословичный жанр. Помимо буддийских пословиц имеются так называемые дошаманские пословицы, которые отражают анимистические представления монголов об окружающем мире. Древний человек считал, что мир заселен духами-покровителями, защитниками местностей, оберегавшими их от природных напастей и от неприятеля.

Выявление исторических корней, места и времени появления той или иной пословицы часто вызывает затруднения. Установить время возникновения того или иного изречения позволяет наличие в нем наименований административных должностей, статуса, звания человека, религиозных реалий, лексики, связанной с теми или иными традициями, обычаями и культурными феноменами Монголии.

Одна из основных особенностей пословиц и поговорок состоит в том, что, появившись на определенном историческом этапе, они продолжали существовать после прихода новой эпохи с иными представлениями и ценностными ориентирами. Под давлением новых условий они меняли свой лексический

состав, звуковое оформление, наполнялись иным социальным содержанием.

Фиксируя нормы поведения человека в обществе и ценностные ориентации самого общества, пословицы четко определяют принадлежность человека к монгольской культуре. Они играют большую роль в передаче коллективной мудрости из поколения в поколение, помогают наладить адекватную коммуникацию между членами коллектива. Язык монгольских паремий, их стилистика и семантика передают художественную картину мира народа.

Что касается большинства монгольских пословиц, то они появились в среде простых аратов и выражают идеологию кочевника, жившего по строгим законам своего рода и племени, следовавшего всем правилам коллективного разума. Появление любого афоризма связано с конкретными социально-историческими причинами, которые побуждали к активизации определенных нравственных, философские и мировоззренческие концепции. Монгольские пословицы вырастали на почве обычного права, регулируемого вековыми родовыми традициями. Основой таких пословиц стало понимание устойчивости, неизблемости мировых законов. Так, пословицы, проникнутые буддийской идеологией, пронизаны осознанием необходимости подчинения своей карме, смирения перед полученной в этом мире судьбой. Ряд пословиц представляют собой регламентацию устройства жизни: лаконичные правила ведения хозяйства, законы, предписания. Есть пословицы, в которых дана оценка аратами своего благосостояния, показано отношение к власти, отражено понимание социальных и исторических процессов.

До настоящего времени нет однозначного и ясного понимания сущности монгольских паремий: не

определены границы возможных размеров, не дана характеристика структуры, не выявлены стилистические особенности, не исследована семантика. Нет также исследований, разбирающих монгольские пословицы с точки зрения исторического изменения этических или психологических норм общества. Не было сделано попыток выстроить их по рубрикам государственного, семейного, уголовного права, трудовой деятельности, имущественного состояния, которые могли бы дать ориентиры для понимания социальной природы пословиц. Монгольская паремия недостаточно изучена и в социально-историческом плане. Собиратели распределяли паремии по условным рубрикам — о семье, коне, религии и т. д. Художественная их сторона известна еще меньше. Некоторые авторы подчас не видели в них даже художественного образа, полагая, что в афоризмах главное — мысль, раскрывающая некоторую относительность общепринятых истин, и что мысль в пословицах прежде всего должна иметь всеобщий смысл, быть противоречивой, парадоксальной, не зависеть от контекста, в котором бытует, и что она лишь иллюстрирует переживания персонажа. Подобные проблемы стоят не только перед исследователями монгольской афористической поэзии, но и перед учеными, занимающимися паремиями других народов. Исследователи, рассматривающие монгольские пословицы и поговорки как афористический жанр устного народно-поэтического творчества, интересуются проблемами структуры, стиля, семантики и художественных особенностей фольклорных образцов, а также описанием их бытования, характеристикой функций и образной системы, чтобы в итоге составить художественную картину мира монгольского народа.

Использованная литература

- Беликов, 1994: *Беликов В. И.* Паремииологические заметки // Знак: сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М., 1994 (*Belikov V. I.* Paremiologicheskie zametki // Znak: Sbornik statei po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A. N. Zhurinskogo. M., 1994).
- Даль, 1956: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. 1956 (*Dal' V.* Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1. 1956).
- Квятковский, 1966: *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966 (*Kvyatkovskiy A. P.* Poeticheskii slovar'. M., 1966).
- Королькова, 2005: *Королькова А. В.* Русская афористика в контексте фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2005 (*Korol'kova A. V.* Russkaya aforistika v kontekste frazeologii: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Smolensk, 2005).
- Литературный энциклопедический словарь, 1987: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987 (*Literaturnyi entsiklopedicheskiy slovar'*. M., 1987).
- Михельсон, 1994: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 34 (*Mihel'son M. I.* Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii: sb. obraznyh slov i inoskazaniy: v 2 t. T. 1. M., 1994. S. 34).
- Немер, 1969: *Немер В. И.* О лексическом своеобразии афоризмов М. Горького // Вопросы лексикологии: сб. работ кафедры русского языка. Днепропетровск, 1969 (*Nemer V. I.* O leksicheskom svoebrazii aforizmov M. Gor'kogo // Voprosy leksikologii. Sbornik rabot kafedry russkogo yazyka. Dnepropetrovsk, 1969).
- Ожегов, 1989: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М., 1989 (*Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo yazyka / pod red. chl.-kor. AN SSSR N. Yu. Shvedovoi. M., 1989).
- Пермяков, 1978: *Пермяков Г. Л.* Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978 (*Permyakov G. L.* Paremiologicheskii sbornik. Poslovica. Zagadka (struktura, smysl, tekst). M.: Nauka, 1978).
- Розенталь, Теленкова, 1972: *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Справочник лингвистических терминов. М., 1972 (*Rozental' D. E., Telenkova M. A.* Spravochnik lingvisticheskikh terminov. M., 1972).
- Словарь литературоведческих терминов, 1974: Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 23 (*Slovar' literaturovedcheskikh terminov*. M., 1974. S. 23).

- edcheskih terminov / red.-sost. L. I. Timofeev i S. V. Turaev. M., 1974).
- Словарь русского языка, 1981: Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981 (Slovar' russkogo yazyka. T. 1. M., 1981).
- Советский энциклопедический словарь, 1984: Советский энциклопедический словарь. М., 1984 (Sovetskiy enciklopedicheskiy slovar'. M., 1984).
- Тимофеев, Венгеров, 1963: *Тимофеев Л. Н., Венгеров М. П.* Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1963 (*Timofeev L. N., Vengerov M. P. Kratkii slovar' literaturovedcheskih terminov.* M., 1963).
- Толковый словарь, 1935: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935 (Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. T. 1. M., 1935).
- Энциклопедический словарь-справочник, 2005: Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005 (Enciklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrzitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety. M., 2005).

Irina V. Kulganek On the Question of the Mongolian Paremiias

This article discusses the different approaches of the modern world of science to the study of aphorisms and paremiias. These approaches, according to the author, can be applied to the study of Mongolian proverbs and sayings. The author believes that the Mongolian proverbs are aphoristic genre of oral folk poetry, that they are concise rhythmical sayings that are thought or generalized conclusions moral and ethical experience of the people, often euphemistically referring to the behavioral norms. Author interested in the problems of structure, style, semantics Mongolian proverbs, as well as of their existence, the characteristic features and imagery. Formed style proverbs became timeless, traditional, one of the genre characteristics of proverbs and sayings. The article expressed the view that aphorisms are of two types - the literature (actually called aphorisms) and folklore (which presents proverbs and sayings). Proverbs, in turn, vary depending on the subject, creation, purpose, such as communications, imagery, etc. According to the proverb, you can create an artistic picture of the Mongolian people in the world.

Key words: paremiias, aphorisms, proverbs, sayings, triads, quatrains, Mongolian, structure, artistic features, language, sources.

О. А. Сапожникова

Литературная сказка С. Буяннэмэха

В статье дается анализ одного из первых прозаических произведений современной монгольской литературы под названием «Сказка про золотых рыбок, устремившихся вдаль», которая принадлежит известному монгольскому писателю С. Буяннэмэху. Его сказка стала большим достижением монгольской словесности 20—30-х гг. XX в. и подарила монгольским читателям нового литературного героя.

Ключевые слова: современная монгольская литература, литературная сказка, революция, новый литературный герой.

Традиции устного народного творчества и монгольской литературы XIII—конца XIX в. определили процесс становления современной монгольской литературы XX в., которая родилась и сформировалась на лучших образцах словесности прошлых лет.

Фольклорные жанры повлияли на произведения современной монгольской литературы. Сохраняя привычную форму и полюбившиеся художественные приемы, традиционные жанры меняли лишь свое содержание, воспевая революционные идеалы. Простота сюжетов и обращенность к обычному читателю, запоминающиеся образы, дидактичность — все это было необходимо произведениям новой монгольской литературы, поставившей перед собой просветительские цели.

Одной из самых ярких, талантливых фигур среди родоначальников современной монгольской словесности был С. Буяннэмэх (1902—1937) — поэт, прозаик, драматург, литературовед, публицист, общественный деятель. Получил домашнее образование. С 1921 г. вел активную общественную жизнь, являлся членом партии, занимал различные должности в партийных и государственных органах. Литературным творчеством начал заниматься с 1921 г., с равным успехом работал в поэзии, прозе, драматургии и публицистике. Обратился к теории литературы, был участником первого альманаха новой монгольской литературы под названием «Свод изящных слов» («*Уран угсийн чуулган*», 1929). С. Буяннэмэх также стремился дать теоретическое обоснование новой нарождающейся литературной традиции. Помимо регулярных публикаций на эту тему в печати, в 1935 г. он написал монографию о национальной поэтике «Врата литературы» («*Утга зохиолын үүд*»).

С. Буяннэмэх стал выразителем всех успехов и трудностей современной ему монгольской литературы, которая отражала революционные перемены: «новая действительность определила основные качества новой литературы, призванной показывать ре-

волюционные процессы, то новое, что рождалось и укреплялось в жизни, нового человека, новую мораль» [Время. Пафос. Стиль, 1965. С. 16]. С первых лет становления современной монгольской литературы начались не только поиски художественных форм, способных выразить и наиболее достоверно передать революционную действительность, но и поиски героя, воплощающего в себе смысл времени. Эти творческие поиски возглавлял С. Буяннэмэх, он понимал, что литература должна показывать этапы формирования «нового человека», помогать в сложных процессах преодоления старой морали и утверждения гуманизма в рамках революционного романтизма.

В своих прозаических произведениях С. Буяннэмэх обращается к человеку, живущему на рубеже революционных перемен, познающему все сложности на пути построения нового общества. Монгольский писатель не только рассказывает о революции, произошедшей в стране, но и воспитывает читателя, просвещает, подсказывает.

1927 годом датируется одно из самых значимых прозаических произведений монгольского писателя — «Сказка про золотых рыбок, устремившихся вдаль» («*Алсыг зорьсон алтан загасны үлгэр*»). Это произведение хорошо отражает состояние монгольской прозы к концу 20-х гг. XX в.: наполненная просветительскими идеями, проза формально оставалась в это время сказочно-аллегорической и дидактической, что объясняется долгой традицией. На протяжении нескольких веков монгольская литература художественно обогащалась буддийскими (тибетскими и индийскими) притчами, легендами, сказками, баснями, впитывая в себя поэтику клерикальной литературы.

Сказка С. Буяннэмэха — явная аллегория, в ней легко отыскать скрытый смысл, но нелегко почувствовать позицию автора. Сюжет сказки прост: одна маленькая золотая рыбка Цул, услышав, что где-то

очень далеко существует волшебная страна, решила отправиться в путешествие и предложила своему другу Гилу составить ей компанию: «А я вот слышала, что на этом свете существует далекая страна — держава Океания. Там живут самые большие представители нашего рыбьего роду-племени. Они достигли высочайшего, почти непостижимого уровня культуры, образования, просвещения, у них полны удивительных прекрасных достижений» [Сказка про золотых рыбок, 1990. С. 3]. И Цул поставила перед собой непростую задачу, она решила стать просветителем: «Вот бы побывать там, поглядеть на диковинную страну. Тогда уж могла бы сказать, что не зря я прожила век золотой рыбкой. А может быть, и наша маленькая речная страна почерпнула бы что-то полезное из достижений Океанской науки и культуры» [Сказка про золотых рыбок, 1990. С. 3].

Композиционно сказка С. Буяннэмэха выдерживает все фольклорные каноны. Герои отправляются в далекую неизведанную страну с важной задачей: получить новые знания, которые помогут их родине стать лучше. Пространство сказки делится на «свое» и «чужое». «Свое» — это устье монгольской реки Толы, «чужое» — неизведанная страна Океания. Интересно описывается место обитания главных героев: «С величественного хребта Хан-Хентий, одной из воспетых в фольклоре гор Монголии, берет свой исток река Тола. Она начинается множеством родников и источников и, вливаясь на пути в различные реки, завершает свое течение в далеком океане» [Сказка про золотых рыбок, 1990. С. 3]. Горный хребет и река — два важных символа, неразрывно связанных в национальном сознании монголов. Гора — издревле сакральное место проведения обрядов, церемоний, похорон. Горы для монголов также важные географические точки отсчета, «единицы измерения» пространства. Реки в представлении монголов являются артериями жизни, около рек кочевники всегда делали стоянки.

Откуда же маленькие рыбки, живущие пусть и в устье крупной реки, узнали о далекой стране Океании? Представление о культурной и образованной Океании Цул получила от отца и деда. Значит, не одно поколение рыбок мечтало увидеть далекую страну, но только Цул решилась на путешествие.

Храбрые рыбки, влекомые жаждой познания, отправились в непростое путешествие и повстречали на своем пути немало препятствий: злые рыбы-пограничники, морские чудовища, суровые начальники разных рек, рыбаки.

Каждая из рыбок наделена определенными чертами характера, которые проявляются не только во взаимоотношениях друг с другом, но и в реакциях на различные «происшествия». Цул — смелая, безрасудная. На протяжении всего непростого путешествия ее мало заботили переживания Гила, не пугали ее и недобрые пограничники. Цул всегда рвалась вперед, не беспокоясь о своей жизни и о жизни Гила. Но, может быть, таким и должен быть первооткрыватель? Ведь у Цул высокая и благородная цель.

Гил — робкий по характеру, но настоящий друг и верный товарищ: ради Цул он боролся со своими страхами, отважно продолжал путешествие, заботился о своей подруге, пытаясь каждый раз предупредить ее о надвигающейся опасности.

Наградой за смелость для рыбок стала страна Океания. Цул и Гил не только добрались до далекой страны, но и провели в ней несколько дней. Жители Океании, узнав о благородной цели путешественников, тепло их приняли, устроили настоящую экскурсию по достопримечательностям страны. Океания является олицетворением «старшего брата» Монголии — России. В рассказе об Океании автор сказки не жалеет ярких красок. Вот как, в частности, он описывает ботанический сад: «Затем, следуя за Сумбэ, они дошли до двери, сплошь покрытой вьющимися растениями. Когда открыли ее, навстречу хлынул изумительный зеленый свет. Это изумрудное сияние становилось все более прозрачным, пока дошли до огромной цветочной клумбы, раскинувшейся на обширнейшем пространстве. Восемь разноцветных потоков света освещали ее. На клумбе пышным ковром стелилось неисчислимое множество всевозможных цветов. А подле клумбы грудились, густели, пушились, покрывая землю, развесистые алые цветы, ветвящиеся, будто деревья или кустарники» [Сказка про золотых рыбок, 1990. С. 5].

Аллегорическая авторская сказка близка монгольскому народу. Подобные сказки были популярны в XIX в. Например, сочинение Гэндэн Мэйрэна «Сказка о собачке, кошке и мышке» («Хав муур, хулгана гурвын үлгэр»). В сказке автор высмеивает нечестивого ламу и нечестного чиновника. Главные герои собачка, мышка и кошка живут в монастыре, каждый из героев обладает определенными чертами характера. Мышь слаба и зависима ото всех, кошка часто мучает мышь, вонзая в нее свои когти, собака умна и справедлива. Собаку автор наделяет мудростью, в её слова он вкладывает буддийскую проповедь. Традиционные образы ламы и чиновника: лама, который проповедует отказ от земных благ, накопления богатств, но не соблюдает данного им обета, и чиновник, который не может скрыть своей радости от преподнесенной ему взятки. Как и многие другие сочинения этого типа, «Сказка о собачке, кошке и мышке» утверждает буддийское понимание добра и зла.

Как видно, сказка С. Буяннэмэха отличается от своих предшественников. Образы, созданные им, трудно назвать однозначно положительными или отрицательными. Живые, не лишённые достоинств и недостатков, главные герои заставляют читателей не только сопереживать, но и задуматься над своими поступками. Здесь рано говорить о психологизме, но автор показывает мотивацию поступков своих героев, что является настоящим достижением для монгольской литературы этого времени.

Неоднозначна и концовка сказки С. Буяннэмэха. Во время путешествия по Океании Цул и Гил угодили в круговорот, не в силах сопротивляться большим

волнам, рыбки потеряли сознание. Когда Цул пришла в себя, она поняла, что оказалась дома, в родном устье реки. Она встретила знакомых, которым начала рассказывать о чудесной Океании, и только спустя некоторое время поняла, что Гила нет рядом.

Цул вернулась домой одна, потеряв верного друга. Стоило ли ее путешествие такой цены? И почему просвещение требует таких жертв?

Араты, которым недоступно образование, — прообразы маленьких рыбок. С. Буяннэмэх мягко подчеркивает и незнание своих героев: они не видели больших рыб, ничего не знали о рыбаках, чудны для них и многие растения. Например, пароход рыбки приняли за «огромное невиданное животное, выпускающее вверх черный дым, расходящийся тучами над ними». Автор сочувствует своим героям и горячо любит их, ведь они не виноваты в том, что там, где они родились, нет места образованию. С. Буяннэмэх восхищается смелостью рыбок, в его глазах они настоящие герои. Чувствуется и сожаление автора о таком устройстве мира, о нынешнем положении дел, о недоступности образования.

До этого произведения С. Буяннэмэха монгольская литература не знала столь ярких картин, живых образов, созданных мастерством автора, силой художественного вымысла. Стоит отметить и точность географии путешествия рыбок, что важно для литературы этого времени, для которой одной из самых важных задач была задача просветительская.

В сказке есть и наставления читателю: «Только сильные духом преодолевают различные препятствия и трудности, достигают цели и помогают другим».

Стоит добавить, что до сих пор «Сказка про золотых рыбок» с ее аллегорическим содержанием вызывает споры среди литературоведов Монголии, предлагающих разную трактовку ее сюжета. Существует мнение и о якобы зашифрованной в сказке критике поклонения перед Советским Союзом [Цэнджав, 2012. С. 204].

Монгольский писатель сделал первые и потому самые важные и сложные шаги к прозе в современной монгольской литературе. Его произведения стали классикой революционной литературы Монголии.

Использованная литература

Время. Пафос. Стил, 1965: Время. Пафос. Стил. Художественные течения в современной советской литературе. М.; Л., 1965 (Vremya. Pafos. Stil'. Khudozhestvennue techeniya v sovetskoi literature. M.; Leningrad, 1965).
Сказка про золотых рыбок, 1990: Сказка про золотых рыбок, устремившихся вдаль // Моя собака Банхар и другие повести для детей. Улан-Батор, 1990 (Skazka pro

solotykh rybok, ustremivshis'ia v dal'// Moya sobaka Bankhar i drugie povesti dlya detei. Ulan-Bator, 1990).
Цэнджав, 2012: Цэнджав Д. С. Буяннэмэхийн далд болоод далд утгат нэгэн туужийн тухайд. Улаанбаатар, 2012 (Цэнджав Д. О тайнах С. Буяннэмэха и о смысле одной повести. Улан-Батор, 2012) (Tsendszhav D. O tainakh S. Buyannemekha i o smucle odnoi povesti. Ulan-Bator, 2012).

O. A. Sapozhnikova Literary Tale by S. Buyannemekh

Author characterizes one of the first prosaic works of modern Mongolian literature. It is called «The tale about golden fishes, which are rushing into the distance» written by famous Mongolian author S. Buyannemekh. This work became the big achievement of Mongolian literature of 20—30 years of XXth century and gave Mongolian readers new literary hero.

Key words: modern Mongolian literature, literary tale, revolution, new literary hero.

Т. И. Юсупова

«Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР¹

В статье рассказывается о событиях, предшествовавших созданию Комиссии СНК СССР по научному изучению Монголии в марте 1925 г. Особое внимание уделено специальной правительственной Комиссии по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова. На заседании Комиссии было принято решение об организации широкомасштабного изучения Монголии Российской академией наук/Академией наук СССР. В качестве приложения приводится стенограмма дискуссионной части этого заседания, которая позволяет понять мотивации научного сообщества и правительства при принятии решения об исследовании Монголии.

Ключевые слова: изучение Монголии, правительственная Комиссия, С. Ф. Ольденбург, Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова, Н. П. Горбунов.

Широко известна важная роль Монгольской комиссии АН СССР (1927—1953) в исследовании Монголии, в развитии советско-монгольского научного сотрудничества. Предшественницей академической комиссии была Монгольская комиссия СНК СССР, организованная в марте 1925 г. в ходе широкого обсуждения деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова на заседании специально для этого созданной особой правительственной Комиссии. Это событие стало результатом большой работы, которая была проведена руководством Российской академии наук, прежде всего С. Ф. Ольденбургом, и рядом других авторитетных академиков и ученых, чтобы привлечь внимание правительства к вопросу о необходимости широкомасштабного изучения Монголии, что было вызвано потребностью самого академического сообщества в продолжении исследования соседней страны, начатого еще в дореволюционный период, и просьбами Ученого комитета Монголии.

Ситуация осложнялась тем, что в первой половине 1920-х гг. Академии наук, до признания ее «высшим всесоюзным ученым учреждением»², приходилось прикладывать немало усилий для «встраивания» в новые социальные сети, поиска путей взаимо-

действия с новой советской властью. Чтобы получить финансирование для своих исследовательских программ, в том числе в Монголии, Академия наук вступала в конкуренцию с другими исследовательскими учреждениями Наркомпроса и прочих ведомств. В данном случае — с Русским географическим обществом, интересы которого и представляла экспедиция Козлова, организованная по его инициативе. В диалоге с правительственными структурами ученые прибегали к актуальной для данного момента и понятной властям риторике, чтобы продемонстрировать «нужность» своих «ученых услуг» для решения конкретных государственных задач. В данном случае, как демонстрирует стенограмма этого заседания, выступавшие аргументировали важность расширения исследования Монголии не только научной, но и экономической и политической целесообразностью как для Монголии, так и для СССР.

Напомним кратко, как развивались события, предопределившие создание правительственной Монгольской комиссии.

В 1923—1926 гг. в Монголии работала Монголо-Тибетская экспедиция Русского географического общества (РГО) под руководством известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова (1863—1935). Ее деятельность, как известно, ознаменовалась крупным археологическим открытием. При раскопках погребений хунну времени китайской династии Хань в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) экспедицией были обнаружены уникальные предметы (войлочные ковры с орнаментами, шерстяные и шелковые ткани, золотые украшения, деревянные и металлические изделия, образцы керамики и др.), характеризующие культуру, верования, хозяйство

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-03-00475а.

² Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. РАН была признана «высшим ученым учреждением Союза ССР», переименована в Академию наук СССР и из Комиссариата по народному образованию (Наркомпросу) переведена в непосредственное подчинение СНК СССР.

хунну, их международные связи. Ноин-улинские находки дали мощный импульс для развития изучения истории хунну. В то же время, это археологическое открытие в начале 1925 г. предоставило научному сообществу уникальную возможность привлечь внимание советского правительства к решению вопроса об оказании Монгольскому Ученому комитету помощи в исследовании страны и о привлечении к этим работам ученых Российской академии наук.

Известие о начатых Монголо-Тибетской экспедицией раскопках заставило неопровержимого секретаря Академии наук (АН) академика С. Ф. Ольденбурга (1863—1935) обратиться к управляющему делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунову (1892—1938), правительственному куратору экспедиции, с предложением направить в экспедицию профессиональных археологов С. А. Теплоухова (1888—1934) и Г. И. Боровку (1894—1941). Одновременно ему удалось получить разрешение послать в Монголию еще двух ученых — почвовед Б. Б. Польшова (1877—1952) и минералога В. И. Крыжановского (1881—1947). Их командировка была вызвана просьбами ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц. Ж. Жамцарано (1880—1942) оказать помощь в исследовании почв и минеральных ресурсов страны.

Широкий научный и общественный резонанс, вызванный очередным археологическим открытием П. К. Козлова³, интерес к ним за рубежом, а также отчеты прибывших из Монголии академических сотрудников и их достаточно противоречивые отзывы о работе Монголо-Тибетской экспедиции стали поводом для С. Ф. Ольденбурга инициировать обсуждение исследовательской работы российских ученых в Монголии на правительственном уровне [Юсупова, 2016. С. 450—458]. Н. П. Горбунов его поддержал, и с этой целью 8 января 1925 г. была создана специальная Комиссия СНК СССР по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов. Возглавил Комиссию Н. П. Горбунов. В ее состав вошли академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман (1883—1945), В. Л. Комаров (1869—1945), президент РГО Ю. М. Шокальский (1856—1940), директор Зоологического музея А. А. Бялыницкий-Бируля (1864—1937), проф. Горного института А. А. Борисьяк (1872—1944), сотрудник Геологического музея Академии наук И. П. Рачковский (1878—1961), сотрудник Азиатского музея АН проф. Б. Я. Владимирцов (1884—1931), полпред СССР в Монголии А. Н. Васильев (1878—1941), а также представители НКВД (Л. Е. Берлин (1897—1974) и

Г. Е. Вайнштейн (1880—1940)) и заведующий Главнаукой Наркомпроса⁴ Ф. Н. Петров (1876—1973).

Первое заседание Комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде. Оно привлекло большое внимание научной общественности, заинтересованной в результатах уже проведенных в Монголии работ и их продолжении. Были заслушаны доклады П. К. Козлова, сотрудника его экспедиции ботаника Н. В. Павлова (1893—1971), С. А. Теплоухова, И. Г. Боровки, Б. Б. Польшова, В. И. Крыжановского, а также И. П. Рачковского — руководителя Монголо-Урянхайской экспедиции Геологического музея АН, которая работала в Западной Монголии в 1922—1924 гг., и А. А. Бялыницкого-Бирули.

Работу Комиссии можно условно разделить на две части: заслушивание докладов о проделанной в Монголии работе и обсуждение методов и направлений дальнейшего ее изучения. Практически все прозвучавшие доклады были опубликованы [Краткие отчеты экспедиций, 1925]. Поэтому мы отметим лишь некоторые их особенности.

П. К. Козлов в большом и обстоятельном докладе дал общий обзор деятельности экспедиции в 1923—1924 гг., представил «картину работ археологических» и географических, а также «исследование живой природы» — собрание гербария и «тех животных форм, которые населяют Монголию». Он выразил признательность С. Ф. Ольденбургу, который прислал в Монголию академических специалистов. Их приезд был важен и для экспедиции, и для Ученого комитета Монголии. П. К. Козлов отметил, что, по его наблюдениям, «Монголия проснулась и идет довольно спешными шагами по пути прогресса», развивает собственные исследования. В этой связи работа и лекции прибывших российских ученых повысили «интерес монголов к своей стране». Монгольское правительство обратилось к П. К. Козлову с предложением оставить после окончания экспедиции часть ее сотрудников для работы в Монголии. По словам путешественника, «это будут те учителя, которые поведут Монголию по пути цивилизации»⁵.

П. К. Козлов также подчеркнул в своем выступлении, что получить разрешение на раскопки было нелегко, поскольку в Монголии был издан закон, регулирующий доступ иностранных экспедиций к их проведению⁶. Однако монгольское правительство пошло навстречу экспедиции из советской России и предоставило ей исключительное право производить работы, а также пользоваться жилищами и машинами.

Н. В. Павлов обратил внимание присутствующих на практическую значимость своих исследований

³ В 1908—1909 гг. при раскопках в засыпанном песками Южной Гоби средневековом городе Хара-Хото Монголо-Сычуаньская экспедиция обнаружила прекрасно сохранившиеся предметы буддийского культа и многочисленные рукописи и книги. Эти материалы позволили восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся (892—1227), находившегося на территории современного Северного Китая.

⁴ Главнаука — Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата народного образования (Наркомпроса).

⁵ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 107.

⁶ 5 сентября 1924 г. в Монголии был принят закон «Об охране памятников старины», который регламентировал работу иностранных экспедиций на территории страны.

для прикладного описания растительности Западной Монголии как кормовой площади. Заинтересованность в этой работе, по его словам, выразили и сами монголы⁷.

Академик А. Е. Ферсман рассказал о результатах обследования В. И. Крыжановским месторождений самоцветов и минералов в районе р. Горихо. При этом именитый академик подчеркнул, что минералогические исследования, и уже сделанные по его поручению В. И. Крыжановским, и будущие имеют важное практическое значение для развития производительных сил Монголии⁸.

Проведенные Б. Б. Полыновым почвенные изыскания в Ургинском районе дали богатый материал для составления почвенной карты Монголии, которая, по мнению Б. Б. Полынова, будет представлять собой интерес «как с точки зрения чисто научной, так и с практической». Практические цели, в свою очередь, отметил докладчик, «обусловлены, с одной стороны, интересами монгольского хозяйства, с другой — интересами сношений СССР с Монголией»⁹.

Кроме того, Б. Б. Полынов в своем докладе обратил внимание на ряд острых вопросов в «монгольском хозяйстве», которые требуют принятия быстрых мер. Так, обследование лесов показало, что они «беспоощадно вырубаются, расхищаются и лесная площадь сильно сократилась», что может вызвать в ближайшем будущем лесной и топливный кризис, «так как отпуск дров будет сильно сокращен». Этот факт побудил монгольское правительство в экстренном порядке издать закон о сохранении лесов. Б. Б. Полынов был уверен, что это обстоятельство тесно связано с проблемой лесоразведения, которая требует «строго научного подхода» и, в частности, расширения почвенных исследований. Другой острый вопрос, который, по его мнению, может «обнаружиться в ближайшем будущем», это нерациональные способы орошения лучших степных почв. Для выработки рекомендаций по изменению системы орошения также нужны почвенные исследования. Понимая их значимость, Ученый комитет предложил Полынову совместно со своим сотрудником В. И. Лисовским продолжить работы в этом направлении на средства Учкома¹⁰.

Доклады С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки были посвящены археологическим раскопкам в Ноин-Уле и характеристике находок. Оценивая сделанные Монголо-Тибетской экспедицией находки, С. А. Теплоухов указал на важность продолжения начатых работ, что «даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири»¹¹. Г. И. Боровка рассмотрел культурно-исторические проблемы, на которые археологические коллекции из Ноин-Улы

проливают, по мнению исследователя, «новый, яркий и иногда даже неожиданный свет». В первую очередь это касалось вопроса распространения греческого влияния на скифско-сибирскую культурную традицию¹².

А. А. Бялыницкий-Бируля, говоря о поступивших в музей зоологических коллекциях, собранных экспедицией П. К. Козлова, отметил самую, с его точки зрения, важную особенность работы экспедиции — стационарный характер, в отличие от маршрутных рекогносцировок предыдущих путешествий. Это обстоятельство положительно сказалось на собранном материале, его полноте и разнообразии. А. А. Бялыницкий-Бируля также придерживался мнения о важности дальнейшего углубленного изучения природы Монголии и именно стационарным методом¹³.

Следующим выступил И. П. Рачковский. Он напомнил присутствующим о разработанном Геологическим музеем АН плане геологического исследования Монголии. Первым шагом к осуществлению запланированных исследований стала организация Монголо-Урянхайской экспедиции. При последующем «движении на восток», при наличии финансовых средств, можно будет охватить другие районы, что даст «возможность быстро составить схему геологического строения Монголии». Важность развертывания российских геологических исследований в Монголии, подчеркнул, И. П. Рачковский, возрастает в связи с работой американской экспедиции Музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса. Если срочно не продолжить начатые изучения, считал российский геолог, то Академия наук может уступить исследовательский приоритет в Монголии американским ученым¹⁴.

После заслушивания отчетов о сделанной работе Козлов представил подробный план дальнейших работ Монголо-Тибетской экспедиции. Завершив раскопки в Ноин-Уле, он планировал двинуться в Монгольский Алтай, а затем в Хара-Хото, чтобы забрать оставленные там в 1909 г. крупные статуи и произвести дополнительные раскопки. После этого экспедиция направится в Цайдам, где обустроит наблюдательную станцию и займется стационарными исследованиями «природы и человека». Но для изучения Цайдама необходимы серьезные финансовые средства, а потому эта часть экспедиционного маршрута зависела от решения правительства¹⁵.

В ходе обсуждения докладов, как и предполагалось, завязалась полемика, суть которой сводилась к вопросу, как будет продолжаться изучение Монголии — будут ли это большие экстенсивно-описательные экспедиции РГО или узкоспециальные исследования Академии наук?

⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 102.

⁸ Там же. Л. 101.

⁹ Там же. Л. 97.

¹⁰ Там же. Л. 97—96.

¹¹ См.: [Краткие отчеты экспедиций, 1925. С. 22].

¹² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 89.

¹³ Там же. Л. 82.

¹⁴ Там же. Л. 80; СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1—1925. Д. 1. Л. 78—79.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 74—78.

В поддержку маршрутных экспедиций выступили руководители Географического общества Ю. М. Шокальский (председатель) и В. Л. Комаров (ученый секретарь), а также Н. И. Вавилов (1887—1943). Они считали, что «рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты», а «стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя дома, так как у нас есть области еще совершенно не исследованные»¹⁶.

В то же время, прозвучавшие на заседании доклады демонстрировали высокую результативность именно узкоспециальных исследований в Монголии, а также большую заинтересованность и готовность специалистов Академии наук различного профиля продолжать начатые работы. Аргументы академического сообщества оказались более весомыми. Комиссия постановила, что исследование Монголии должна вести Академия наук. С. Ф. Ольденбург сообщил также, что Ц. Ж. Жамцарано неоднократно писал ему о привлечении монголов к исследованию своей страны и убеждал его, что монголы определенно тянутся к русским и желают связать свою работу с ними. Монгольское правительство не только просит продолжить начатые в 1924 г. работы, но даже выделяет на часть этих работ (почвенные и геологические исследования) средства¹⁷.

Говоря об организации работы в Монголии, С. Ф. Ольденбург отметил необходимость иметь в Урге связанный с Академией наук постоянный центр научно-исследовательского характера, который координировал бы работу российских исследователей. Мысль о российском научном центре в Урге поддерживал и А. Е. Ферсман, поскольку, как он считал, «настало время для Монголии работать новыми методами». Монголия сама ставит конкретные задачи «строительства своей собственной жизни и своего хозяйства», что связано прежде всего с вопросом изучения производительных сил, «той базы, на которой мы строим народное хозяйство». Все это, по мнению А. Е. Ферсмана, говорит о том, что «намечается большая совместная работа с Монголией»¹⁸.

Н. П. Горбунов как председатель Комиссии подвел итоги заседания, главным из которых было решение продолжить исследовательскую работу в Монголии «для закрепления дружеских отношений с монголами и тех результатов, которые проделаны». Таким образом, Академии наук предстояло начать организацию изучения Монголии силами своих специалистов.

Конкретные вопросы по организации стационарного изучения Монголии обсуждались уже в рабочем порядке. Подготовленный инициативной группой, в которую вошли Б. Б. Полюнов, Б. Я. Владимирцов, В. И. Крыжановский, Г. И. Боровка, почвовед Л. И. Прасолов (1875—1954), И. П. Рачковский, А. А. Бялыницкий-Бируля, проф. Ленинградского

университета, географ А. А. Григорьев (1883—1968), этнограф Л. Я. Штернберг (1961—1927), проект Института изучения Монголии был представлен на заседании комиссии, состоявшемся 7 февраля 1925 г. О серьезных намерениях советского правительства в реализации этого проекта говорит направленная монгольскому правительству нота НКВД, в которой, наряду с выражением благодарности за помощь в работе экспедиции П. К. Козлова, отмечена целесообразность скорейшей организации в Монголии для систематического и всестороннего изучения и содействия развитию научно-исследовательских учреждений МНР такого исследовательского института¹⁹.

Но особое внимание, уделяемое СССР этому региону во внешней политике, потребовало правительственного контроля и за научной работой в Монголии. Поэтому по итогам доклада Н. П. Горбунова о работе Комиссии по рассмотрению предварительных итогов деятельности экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов 31 марта 1925 г. СНК принял постановление, в котором говорилось о завершении работы вышеуказанной комиссии, а для организации всестороннего изучения Монголии учреждалась специальная Комиссия СНК по научному изучению Монголии под председательством опять же Н. П. Горбунова²⁰.

В состав Комиссии по научному изучению Монголии или Монгольской комиссии, как ее вскоре стали называть, вошли: заместители председателя С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, члены Комиссии академики Н. Я. Марр (1865—1934) и В. Л. Комаров, П. К. Козлов, А. А. Бялыницкий-Бируля, Б. А. Владимирцов, Б. Б. Полюнов, А. А. Григорьев, И. П. Рачковский, В. И. Крыжановский, С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка, Ю. М. Шокальский, директор Всесоюзного института прикладной ботаники Н. И. Вавилов, геолог проф. Московской горной академии В. А. Обручев, представители Наркоминдел и Главнауки Наркомпроса РСФСР. Монгольская комиссия СНК СССР за неполные два года своего существования организовала за два полевых сезона 15 экспедиционных отрядов, которые проделали огромную работу по изучению геологии, географии, почв, флоры и фауны, провели минералогические, археологические, этнолого-лингвистические и прочие исследования.

Отрывок из стенограммы заседания, его второй части, дискуссионной, является, как нам представляется, ценным документом для понимания мотивации ученых и правительства в организации этого уникального в международной деятельности Академии наук проекта — Монгольской комиссии. Одновременно этот документ — свидетельство позитивного взаимодействия ученых и государства, когда каждая из сторон смогла использовать сложившуюся ситуа-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 71—70.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Там же. Л. 72.

¹⁹ Нота НКВД полпреду Монголии А. Данзану, 4 марта 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 256—257.

²⁰ Выписка из протокола заседания СНК СССР, 31 марта 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1924. Д. 23. Л. 195.

цию с выгодой для себя: государство — усилить свое идеолого-политическое влияние в Монголии, научное сообщество — получить правительственный заказ и таким образом финансирование для одного из направлений своей исследовательской деятельности.

Приложение

Стенограмма заседания Комиссии СНК СССР по рассмотрению предварительных отчетов экспедиции П. К. Козлова и ее дальнейших планов, 31 января 1925 г.²¹

С. Ф. Ольденбург. Сегодняшнее наше заседание дало нам два чрезвычайно важных и ценных указания для дальнейшего детального исследования Монголии. Нам было здесь указано, что и как должно быть сделано в будущем. Те телеграммы, которые я получил на днях от Ученого комитета Монголии, идут по той же линии. Представитель этого Комитета нам писал неоднократно, что сам желает привлечь к этим исследованиям своих работников и доказывает, что монголы определенно тянутся к нам и желают связать свою работу с нами. Он просит о том, чтобы была дана возможность продолжить в этом году работу, указывая на то, что монгольское правительство ассигновало известную сумму для работ на месте с тем условием, чтобы мы с нашей стороны послали бы известные научные силы, на которые будут ассигнованы средства. Мы слышали от П. К. Козлова примерный план дальнейших работ.

Таким образом, рисуется картина очень широкая и очень важная, и я хотел бы указать на то, что мне особенно важно и ценно было то, как сам Петр Кузьмич представляет в настоящее время ведение экспедиционных работ. Петр Кузьмич — один из немногих оставшихся в живых из того большого поколения путешественников по Средней Азии, которые проложили путь в дотолее неизведанные места. То было время, когда всякая экспедиция велась маршрутным способом, тогда это был единственный возможный способ. Это был способ путешествий от Пржевальского до Козлова. И теперь сам Козлов, оставшийся в живых от этого поколения, говорит, что этот способ отжил век и что мы должны вести экспедиции другим путем, прежде всего путем стационарным.

Кроме того, была указана наиважность дробления [экспедиций] по известным специальностям. Мы здесь видели, насколько этот способ является действительно плодотворным. Мне кажется, эти два пункта более или менее предreshают вопрос о том, как

[мы] должны вести работу. Тут указывали на важность и на необходимость иметь постоянный центр научно-исследовательского характера в Урге, создать такой центр, связанный с научным центром здесь, у нас, где бы известное количество лиц могло постоянно вести работу. Таким образом, все экспедиции, которые будут идти в Монголию, имели бы [там] постоянную твердую научную базу. Мне представляется, что все эти достижения на сегодняшнем заседании освещены крайне глубоко, особенно в гуманитарных докладах, дающих исчерпывающую картину древнего общения народов, в отношении чего экспедиция Петра Кузьмича дала нам богатейший материал. Мне кажется, теперь нам следовало бы обдумать, как мы поведем нашу дальнейшую работу [в Монголии].

А. Е. Ферсман. В последнем номере журнала «Востоковедение»²² мы читаем весьма любопытную заметку геолога В. А. Обручева о способе ведения экспедиций²³. Может быть, автор вспомнил о тех ошибках, которые он делал, [когда], участвуя в экспедиции Г. Н. Потанина, не мог вести свои работы по собиранию коллекций и таким образом пропустил очень важное открытие²⁴. Я думаю, что он вспомнил именно это, когда писал, что «настало время для Монголии работать новыми методами». Мы видим, что в этом направлении жизнь ставит совершенно определенные задачи и проблемы, которые Монголия сама выдвигает в деле строительства своей общественной жизни и своего хозяйства. Этого общего подхода [и] ждут от нас, работников, на местах. Это вопрос нового хозяйства, следовательно, он связан с вопросом изучения производительных сил, той базы, на которой мы и строим народное хозяйство. С этой точки зрения мы неизбежно подходим к той постановке вопроса, которую подчеркнул П. К. Козлов: о необходимости внесения планомерности в изучение тех районов [Монголии], которые уже были предварительно освещены самим Козловым. Поэтому, я думаю, задача [изучения Монголии] неизменно распадается на две части. Одна будет касаться только отдаленных районов, где не изжиты старые, марш-

²² Здесь ошибка. Журнал называется «Новый Восток». Речь идет о статье: *Обручев В. А.* Очередные задачи исследования Монголии // *Новый Восток*. 1924. № 6. С. 287—290.

²³ В своей статье В. А. Обручев писал о продолжении изучения Монголии не большими, а специализированными экспедициями, которые решали задачи конкретных научных направлений.

²⁴ В. А. Обручев в 1892—1894 гг. совершил путешествие по Центральной Азии. В одной из впадин Гоби (Кульджин-Гоби) по пути из Урги в Калган он нашел осколки челюсти третичного носорога (бронтотерия), которые стали первой зарегистрированной окаменелостью из Монголии. Однако он не смог продолжить исследования в этом направлении, и честь первооткрывателей уникальных палеонтологических находок в Монголии принадлежит американской экспедиции Музея естественной истории в Нью-Йорке под руководством Р. Ч. Эндрюса.

²¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 66—110. Обратная пагинация. Публикуемый отрывок: Л. 66—74. Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении его стилистики, с корректировкой согласования времени и склонения в словосочетаниях.

рутного характера [исследования], а с другой стороны — намечается большая совместная работа с Монголией.

Заведующий Главнаукой Ф. Н. Петров. Здесь уже указывали, что дальнейшую работу придется направить в другое русло. Я думаю, что нам придется разрешить несколько вопросов. Во-первых, изменится ли первоначальное направление экспедиции [П. К. Козлова]? Затем, мы должны будем перестроить работу экспедиции и перейти на комплексный метод. Здесь следует указать, что кроме геологических и археологических исследований и общих исследований флоры и фауны, несомненно, следует уделить внимание экономическому исследованию Монголии. Для нас это чрезвычайно важный факт. И у меня лично возникла мысль, что, несомненно, нам придется в этом отношении пойти навстречу монгольскому правительству, создавая, быть может, пока один, а затем несколько исследовательских центров, которые будут «собирать» исследовательские работы. Я лично думаю, что, несомненно, сейчас будет более правильным перейти на стационарные работы, но обязательно привлечь к этим работам монгольское население, без непосредственного участия которого нам, несомненно, будет труднее вести работу. Изучение вопроса <...> организации научного центра, который бы явился базой для ряда работ, и его разработку считаю необходимым дать Главнауке.

Н. И. Вавилов. Мне определенно известно то обстоятельство, что прямой путь на Лхасу выявлен. Исходя из возможности прямого движения я позволю себе оспаривать выдвигающееся здесь предложение. Надо сказать, что когда отправляется экспедиция из СССР в Среднюю Азию или в другие страны, то, во всяком случае, мы не можем поставить те задачи, которые были здесь поставлены Монгольской экспедиции [П. К. Козлова]. Ясно, конечно, что обследовано еще очень мало. Мы имеем области, которые представляют собой не меньший интерес, чем, например, район Урги. Я думаю, что стационарный метод на Кавказе, так же как и в Грузии даст не меньшие результаты, так как эти области чрезвычайно мало исследованы. Во всяком случае, этот вопрос спорный. Нужно сказать, что с разных точек зрения, и с точки зрения прикладной, рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты. Я могу сейчас определенно сказать, что в дальних странах рекогносцировки должны быть выдвинуты на первое место, ибо для нас гораздо важнее направить нашу энергию, наши силы на изучение родной страны. До сих пор интересной практической деталью являлось то направление, которое вначале приняла экспедиция [Козлова]²⁵. Как известно, около Тибета находится очаг старого земледелия. Полученный материал представляет исключительный интерес. Я говорю это как географ. В настоящее время в смысле общего изучения Азии необходимо затронуть и земледелие. И в этом отношении следует пока

рекогносцировочный метод поставить на первую очередь.

Нам остается пожелать, чтобы экспедиция П. К. Козлова, мы это решим большинством голосов, носила бы стационарный характер, уделяя в то же время некоторое внимание рекогносцировкам. Может быть, она могла бы выделить 2—3 лица, которые могли бы достигнуть той желанной цели, которая привлекает общее внимание, и не ставить преждевременно крест на работе, которая намечалась в этой области. Работа английской экспедиции была очень односторонней, и исследования англичан нас не удовлетворили²⁶. Этот вопрос следует решить в положительном смысле, если можно двигаться в этом направлении, и наше горячее пожелание, чтобы это было выполнено. Я лично держусь того мнения, что стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя дома, так как у нас есть области еще совершенно не исследованные.

В. Л. Комаров. Мы здесь запутались в двух совершенно разных задачах. Я скажу, алмазами не мостят улицы, и такую большую величину, как П. К. Козлов не держат на веревке. Его метод работ показывает, что его главная задача состоит в том, чтобы на нашей географической карте не было больше белых мест. Мы прекрасно знаем, где что сделано и где что нужно сделать.

И я скажу, что все сказанное здесь, на заседании, относится к работе стационарной, под руководством опытных специалистов. Но у нас есть еще такие неисследованные места, где еще никто не был и откуда мы потом будем чрезвычайно рады получать сведения.

На эту экспедицию были отпущены весьма скромные средства, а Козлов привез нам массу предметов, обогативших наши русские музеи, и в то же время каждая вещь стоила несколько копеек²⁷. [Если] мы посылаем квалифицированных ученых, привыкших к культурной, художественной жизни, то мы должны будем обеспечить их всем необходимым.

Перед нами стоят две задачи. Одна научно-исследовательского характера, а другая политическая. Что нам дать Урге? Урга просит от нас помощи и требует от нас руководства. <...> Мы должны детально исследовать окрестности Урги. Конечно, посылать на такую работу такого человека, как Петр Кузьмич, не следует; его нужно посылать вглубь страны.

Представитель Наркоминдела Г. Е. Вайнштейн. Я не специалист, но уверен, что результаты достижений П. К. Козлова нужно во всяком случае закрепить. Это закрепление должно быть совершено по возможности немедленно. Выразится ли это в форме новых дополнений к экспедиции или в какой-нибудь другой форме, опять-таки здесь на собрании в настоящий момент [решить] невозможно. Я поэтому

²⁶ Не удалось определить, о какой английской экспедиции говорил Н. И. Вавилов.

²⁷ Имеется в виду, что затраты на производство археологических раскопок были очень незначительными.

²⁵ Здесь имеется в виду Тибет.

поддерживаю предложение Ф. Н. Петрова назначить подкомиссию, которая рассмотрела бы все то, что было изложено в настоящем заседании для закрепления в той или иной форме достижений товарища Козлова. Я повторяю, что здесь не исключена возможность других экспедиций, но эта экспедиция будет стоять первой в повестке дня. Во всяком случае, в настоящем собрании спорить о дальнейших методах работы представляется мне безрезультатной и бесцельной тратой времени.

С. А. Теплоухов. Здесь говорилось об исследовании Монголии, но абсолютно не говорилось об этнографических и антропологических исследованиях. Мне было поручено составление, сметы и я хотел бы подчеркнуть важность исследований в этом отношении.

Ю. М. Шокальский. Прежде всего я должен присоединиться к тому, что сказал академик В. Л. Комаров. По моему мнению, все, что говорилось, очень характерно. Петр Кузьмич Козлов видел широко свою задачу, понимал совершенно справедливо все значение своих открытий. План работ, который он представил, является чрезвычайно важным, ибо такого рода работами вызывается мировое уважение к стране. Что это так, я могу доказать тем, что вчера получил письмо от известного путешественника, который меня уведомляет, что только что окончен перевод на немецкий язык в Берлине описания предыдущего путешествия П. К. Козлова²⁸, и, следовательно, это доказывает, что такого рода работы имеют мировое значение и что все эти исследования необходимо производить, и я подтверждаю, что другого такого человека, как Козлов, нет, его нельзя произвести, он может создаться только работами целого ряда лет. Мы должны его использовать. У него есть еще достаточно сил и энергии. Нельзя тратить его силы непроизводительно. Он может произвести целый ряд исследований, которые другие произвести не могут. Первые исследования центральных частей Азии были сделаны русскими людьми, следовательно, чрезвычайно важно продолжать это исследование.

Н. П. Горбунов. Я думаю, что можно будет подытожить сегодняшние прения.

Ф. Н. Петров. Я думаю, что академик В. Л. Комаров не понял те предложения, которые здесь делались, и в этом отношении Главнаука против экспедиции как таковой ничего не имеет. Мы говорили только в отношении Монголии. Что же касается продвижения в неизвестные страны, то в этом отношении Главнаука не возражает [против экспедиции Козлова] и горячие дебаты, которые были направлены против нее, совершенно излишни.

²⁸ Речь идет о немецком путешественнике, исследователе Центральной Азии и Антарктиды В. Фильхнере, который инициировал перевод на немецкий язык книги П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (Пг., 1923): *Kozlow P. K. Zur Toten Stadt: Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1925.*

П. К. Козлов. Я скажу два слова по поводу предложения С. А. Теплоухова. Когда мы говорим о географических исследованиях, то сюда входят и этнографические задачи. И я уже сказал, что экспедиция располагает этнографом С. А. Кондратьевым. Работа экспедиции в этнографическом отношении идет вперед.

Н. П. Горбунов. Я думаю, что, в сущности, все сказано и все вопросы исчерпаны. Я полагаю, что все сказанное можно подытожить в двух направлениях: все то, что уже сделано, и второе — все то, что предстоит сделать. Я думаю, что комиссия должна осветить результаты всей той работы, которая была проделана в Монголии. Я думаю, что самое лучшее будет поручить произвести эту научную оценку Академии наук, а с другой стороны, Географическому обществу, чтобы эта оценка была бы дана совместно. После чего мы представим наш доклад правительству. Это первое.

Теперь нужно произвести политическую оценку работы экспедиции. Здесь я буду просить представителя НКВД взять ее на себя, чтобы мы могли и эту политическую оценку представить правительству.

Нам нужно отдельно выяснить вопрос, связанный с коллекциями²⁹. Вот уже сейчас я выяснил, что существует две точки зрения относительно нахождения археологических коллекций. Географическое общество придерживается той точки зрения, чтобы сдать эти коллекции в Русский музей, а Эрмитаж просит, чтобы эти коллекции были предоставлены ему. Этот вопрос, я думаю, должен быть разрешен подкомиссией.

Затем мы должны просить Петра Кузьмича в нашу подкомиссию представить финансовый отчет экспедиции с тем балансом средств и материалов, которые сейчас имеются. Таким образом, у нас будет некоторая база, чтобы судить о бюджете экспедиции. Это относится к той работе, которая уже проделана. Теперь о будущей работе.

Совершенно очевидно, что для закрепления дружеских отношений с монголами и тех результатов, которые получены, эту работу нужно продолжить, тем более что мы здесь имеем детально разработанный план. Работы там непочатый край. Правда, что территория СССР не исследована стационарно во всех отношениях, но тем не менее для закрепления связи для проникновения в Монголию нашего политического влияния это стационарная работа нам необходима. Нужно использовать инициативы, чтобы устроить научную базу. Я думаю, что советское правительство пойдет навстречу монгольскому правительству и выделит специальных исследователей и средства для оборудования там станции — органа Академии наук, опираясь на которую, можно было бы развернуть работу.

Но все-таки вопрос относительно подхода к Тибету остался открытым. Здесь нам невозможно об-

²⁹ Речь идет о ноин-улинских археологических коллекциях Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.

суждать этот вопрос. Он требует обсуждения и указания НКВД. Конечно, придется расширить средства, и если эта работа невозможна, то я думаю, что следует выдвигать работу по Цайдану, которая не требует больших средств. Таким образом, мне кажется, что следует несколько изменить состав экспедиции. В этих словах я очертил те вопросы, которые ставились.

[Для дальнейшей работы] я бы предложил создать подкомиссию и выдвинуть в состав: П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, П. К. Комарова, Ф. Н. Петрова и А. Е. Ферсмана. Я думаю, что эта комиссия придет к единогласному решению и если не будет больших разногласий, то пленума мы созывать не будем, а представим докладную записку [правительству], причем в докладной записке сообщим намеченный план дальнейших работ.

А. А. Борисяк. Я предложил бы добавить в комиссию геолога.

Н. П. Горбунов. Если мы создадим большую комиссию, то она не сможет работать. Я думаю, что план работы в Монголии нам представит Академия наук, и эта работа затем будет согласована с Главнаукой. Я думаю, что не следует очень расширять эту комиссию, так как это затруднило бы работу комиссии.

С места. Я думаю, что следовало бы сюда включить представителя НКВД.

Н. П. Горбунов. Давайте включим представителя от НКВД. Кроме того, нам нужно согласовать с Географическим обществом и этой комиссии поручить вопрос о передаче коллекций и добытых материалов. На этом разрешите считать собрание закрытым.

Литература

Краткие отчеты экспедиций, 1925: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925 (*Kratkie otchety ekspedicii po issledovaniyu Severnoi Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoi ekspeditsiei P. K. Kozlova. L.: Izd-vo AN SSSR, 1925*).

Юсупова, 2016: *Юсупова Т. И.* С. Ф. Ольденбург и организация изучения Монголии Российской академией на-

ук // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / ред.-сост. И. Ф. Попова. М.: Наука; Восточная литература, 2016. С. 450—458 (*Yusupova T. I. S. F. Ol'denburg i organizatsiya izucheniya Mongolii Rossiiskoi akademiei nauk // Sergei Fedorovich Ol'denburg — uchenyi i organizator nauki / Red.-sost. I. F. Popova. M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2016. S. 450—458*).

T. I. Yusupova

«A big Collaboration with Mongolia is planned»: to the History of the Foundation of the Mongolian Commission under the USSR's Government

The article describes the events that preceded the foundation of the Commission for the scientific study of Mongolia under the patronage of the Council of the People's Commissars of the USSR in March, 1925. Particular attention is paid to the special government Commission for the review of preliminary reports of P. K. Kozlov's expedition that decided at its meeting to organize a large-scale study of Mongolia by the Russian Academy of Sciences / USSR Academy of Sciences. A verbatim report of this session's discussion part, which allows to understand the motivation of the scientific community and the government in deciding on the study of Mongolia, is included as an appendix.

Key words: study of Mongolia, a government commission, S. F. Oldenburg, P. K. Kozlov's Mongolian-Tibetan expedition, N. P. Gorbunov.

В. Ю. Жуков. Рец. на: **З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября 2015 г. Санкт-Петербург (СПб.: Улан-Батор, 2016)**

Изданный сборник представляет собой публикацию материалов прошедшей в конце 2015 г. в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге международной научной конференции, которая была посвящена известному российскому монголоведу кандидату филологических наук, Почетному профессору Монголии Зое Кононовне Касьяненко — лингвисту, талантливому исследователю буддийской канонической литературы, преподавателю монгольского языка, более полувека проработавшей на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Эта конференция и подготовленный по ее итогам сборник научных работ — дань уважения и признательности Ученому и Учителю.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер высшей награды Монголии — ордена «Полярная Звезда», З. К. Касьяненко — автор учебного пособия «Современный монгольский язык» (1968; 2-е изд.: 2002), «Монгольского рукописного Ганджура» (1977) и составитель «Каталога петербургского рукописного „Ганджура“» (1993), автор многих работ по грамматике монгольского языка и по истории изучения Монголии в России, которые получили широкое признание, составив большой вклад в развитие монголоведения, буддологии и религиоведения.

Зоя Кононовна, которая в ноябре 2015 г. отметила свое 90-летие, пользуется заслуженным уважением и любовью учеников и коллег как человек, ученый, педагог и замечательный наставник, воспитавший не одно поколение исследователей в области монголистики, работающих ныне в различных монгоloedных центрах России и за рубежом. Они с гордостью могут сказать, что принадлежат к школе З. К. Касьяненко.

Рецензируемый сборник подготовлен двумя авторитетными востоковедными научными центрами — Институтом восточных рукописей РАН и Институтом языка и литературы МАН под эгидой двух академий наук — Российской и Монгольской и готовится к изданию на средства Правительства Монголии.

В нем нашли отражение основные проблемы, рассматривавшиеся на конференции, — лингвистика, литература, текстология, филологическое описание архивных документов, источниковедение, история и культура монгольских народов, буддийская

скульптура и живопись и др. Продемонстрированы современные подходы к изучению актуальных вопросов монголистики и новые методы научного исследования.

В сборнике приняли участие около 20 российских исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Элисты (Калмыкия), Сыктывкара (Республики Коми) и зарубежные ученые из Улан-Батора (Монголия), представляющие ведущие центры современного монголоведения и другие научные учреждения: Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва); Институт восточных рукописей РАН; Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); Институт языка и литературы МАН (Улан-Батор, Монголия); Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар); Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста); Монгольский международный университет (Улан-Батор); Научный центр монгоloedных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста); отдел Востока Государственного Эрмитажа; Российский государственный гуманитарный университет (Москва); Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Среди участников сборника восемь докторов и столько же кандидатов филологических и исторических наук, но есть и молодые, и будущие ученые — аспирантка Института восточных рукописей РАН Е. А. Кантор и студентка IV курса восточного факультета СПбГУ Д. Д. Селюнина, что подчеркивает научную преемственность.

Материалы сборника, посвященные изучению языка, культуры и истории монгольских народов и Центральной Азии, с интересом встречены специалистами-монголоведами, историками, культурологами нашей страны и Монголии, профильными учеными других государств, всеми, кто интересуется этой проблематикой.

Подготовленный по результатам проведенной конференции сборник научных работ «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко, 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.: Улан-Батор, 2016) свидетельствует о неувядающей традиции научного востоковедения, развитии монголоведения в нашей стране и Монголии и продолжающихся российско-монгольских научных связях.

Р. Ю. Почекаев. Рец. на: *Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016. 332 с.*

История изучения монгольского права насчитывает уже не одно столетие, и его состояние, несомненно, требует подведения неких промежуточных итогов и оценки перспектив дальнейшего исследования. Эти задачи до некоторой степени решены в недавно опубликованной монографии С. Ж. Дугаровой, посвященной историографии монгольского государства и права, начиная с Монгольской империи, созданной в XIII в. и заканчивая периодом пребывания Монголии под властью империи Цин вплоть до рубежа XIX и XX вв.

Автор в течение ряда лет изучает проблемы историографии монгольского государства и права, опубликовала в рамках данной тематики несколько книг и большое количество статей и текстов докладов. Рецензируемая книга фактически представляет собой текст диссертации доктора исторических наук, защищенной автором в 2013 г., и, соответственно, своеобразным итогом изысканий С. Ж. Дугаровой.

Монография состоит из трех глав, каждая из которых включает несколько параграфов, при этом, как правило, один параграф посвящен историографии монгольской государственности в определенный исторический период, а остальные — проблемам изучения монгольского права. Соответственно, первая глава посвящена созданию империи Чингис-хана и ее правовой системы, вторая — государственности и праву империи Юань, третья — эпохе маньчжурского господства. Таким образом, сама структура книги отражает ключевые этапы развития монгольского права в том виде, в каком они представляются его исследователям.

Несомненным достоинством книги С. Ж. Дугаровой является активное использование монголоязычной исследовательской литературы — в особенности начала нынешнего столетия. Автор книги фактически знакомит читателей с рядом работ, которые по тем или иным причинам могут быть недоступны другим исследователям истории и историографии монгольского права, причем речь идет не только о монгольских исследователях, но и об авторах из КНР (Внутренней Монголии), а также японских специалистах, чьи труды С. Ж. Дугарова также использует в монгольских переводах. Вместе с тем автор, конечно же, не ограничивается собственно монгольской историографией, а демонстрирует хорошее знание и работ о монгольском праве на русском и западных языках. Правда, автор, по-видимому, не сочла необходимым включить в книгу библиографию, посвященную тематике ее исследования и появившуюся во время и после подготовки ею диссертации, так что последние по дате публикации источники и исследования датируются второй половиной 2000-х гг., что и вызывает некоторые нижеприведенные замечания касательно использования автором рецензи-

руемой работы литературы по тематике исследования. Впрочем, если книга была подготовлена сразу после защиты монографии и пролежала 3 года в издательстве Бурятского госуниверситета (что представляется вполне вероятным), то ряд замечаний относительно неиспользования автором новейших исследовательских работ начала 2010-х гг. автоматически снимается.

Способ подачи автором монографии материала представляется логичным и последовательным, что подчеркивается практически идентичной структурой глав (это опять же объясняется тем, что книга — переработанное диссертационное исследование). В результате ознакомления с работой у читателя формируется достаточно целостное представление об особенностях монгольского государства и права в определенный период времени и об основных тенденциях в их изучении. В этом отношении вполне можно согласиться с приведенными в предисловии к монографии положительными оценками, данными книге С. Ж. Дугаровой видными специалистами-монголоведами А. Т. Тумуровой, Т. Д. Скрынниковой, А. С. Железняковым и Е. И. Лиштованным.

Теперь позволим себе более подробно остановиться на содержании каждой главы книги.

Глава I, «Историография генезиса и начальных форм монгольского государства и права», посвящена, как уже отмечено, эпохе формирования Монгольской империи. Правда, первый параграф, «Особенности историографического исследования монгольского государства и права», представляется не вполне уместным именно в данной главе, поскольку отражает эти самые «особенности» и применительно к более поздним периодам, которые рассмотрены в следующих главах. Надо полагать, автор сочла целесообразным включить в книгу этот параграф из традиционной «историографической» части диссертационного исследования, в целом не вошедшей в монографию, однако, на наш взгляд, более логично он смотрелся бы в авторском введении к книге.

Поскольку в настоящей рецензии мы намерены в большей степени сосредоточиться на анализе автором книги проблем историографии монгольского права, мы не будем останавливаться на параграфах, посвященных монгольской государственности, а сразу обратимся к тем, которые освещают именно правовую историографию. Соответственно, в первой главе наибольшее внимание уделено Великой Ясе (автор использует монгольское название «Их засаг») Чингис-хана. С. Ж. Дугарова рассматривает в отдельных параграфах этимологию названия этого правового памятника, источники Великой Ясы, а также анализирует основные правовые институты, зафиксированные в ней.

Автор рассматривает различные точки зрения относительно Великой Ясы — как тех, кто считает ее сборником монгольского права или сводом законов, созданных Чингис-ханом (И. Н. Березин, В. А. Рязановский, Г. В. Вернадский, А. Поляк и др.), так и тех, кто отрицает создание Великой Ясы основате-

лем Монгольской империи или то, что она была кодифицированным законодательством (Д. Айалон, Д. Морган, Т. Д. Скрынникова и др.). Сама С. Ж. Дугарова, как можно понять, придерживается мнения о том, что Великая Яса все же представляла собой «сборник законодательных актов основателя Монгольской империи — Чингис-хана» (с. 66), хотя, как представляется, ей, возможно, следовало бы более четко определить свою позицию, поскольку соответствующий параграф монографии (1.4) создает впечатление больше описательности, чем анализа.

Вызывает некоторое недоумение утверждение С. Ж. Дугаровой, что «основными источниками древнего монгольского права» являлись тексты исторических сочинений, содержащих сведения о Монгольской империи, — например, «Сокровенного сказания», «Истории» Абу-л-Фараджа, «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и пр. (с. 76). Вероятно, автор книги имела в виду, что эти сочинения являются источниками сведений о монгольском праве? По крайней мере, именно эта мысль вытекает из последующего анализа этих произведений и в большей мере соотносится с названием, целями и задачами монографии. Поэтому, например, характеристика этих текстов как «источников изучения Великой Ясы» (с. 81) представляется более удачной.

Завершающий параграф первой главы, «Основные институты монгольского права по *Их засаг*», представляет значительный интерес, однако, на наш взгляд, С. Ж. Дугарова, подобно ряду современных монгольских исследователей права Монгольской империи эпохи Чингис-хана и его ближайших преемников, преувеличивает значение Великой Ясы в регулировании различных сфер правоотношений. Несомненно, многие из них регламентировались не Ясой, а дополнительными источниками — в первую очередь указами (ярлыками), о чем сообщают и посетившие Монгольскую империю в 1220—1230-е гг. китайские современники Чжао Хун, Пэн да-я и Сюй Тин, записки которых, кстати, привлекает и сама автор.

Большой интерес представляет Глава II, «Историография Монгольского государства и права периода Юаньской империи», поскольку в современной отечественной историографии этот период, как ни странно, не привлек значительного внимания русскоязычных исследователей — в отличие от специалистов из Монголии, Китая, Японии, западных государств. Монголоязычная историография весьма широко привлечена автором при написании данной главы. Однако вызывает недоумение, что С. Ж. Дугарова, демонстрируя хорошее знание иностранной литературы по монгольскому праву, почему-то именно в главе о праве империи Юань не сумела учесть ее в достаточной степени, что повлияло и на ее выводы о развитии правовой системы в этот период времени. Автор книги упоминает об источниках юаньского права «Полный сборник законов», «Сборник законов», «Новый закон периода Чжиянь», «Закон периода Да-дэ», которые известны ей по монгольской историографии (с. 176). Кроме того,

в число правовых памятников данного периода она включает и небезызвестную «Белую историю» — «Цаган тух» (с. 177), объективно, впрочем, отмечая мнение ряда исследователей, относящих ее появление к XVI в. (с. 180 и след.).

Соответственно, многие законы и указы императоров Юань оказываются за пределами анализа автора монографии. А между тем к данному периоду относятся многочисленные ханские ярлыки и жалованные грамоты, уже сравнительно давно введенные в оборот и многократно исследованные Э. Шаванном (начало XX в.), Н. Н. Поппе (1941), Ф. В. Кливзом (1940—1960-е гг.), Л. В. Кларком (1975), И. Т. Зограф (1984), М. Сугиямой (1988) и даже монгольскими исследователями начала XXI в. (в частности, Б. Сумьябаатаром и Д. Тумуртоого). Несомненно, характеристика этих работ существенно дополнила бы исследование по историографии права империи Юань и расширила бы представление о системе его источников. Ссылаясь на известный труд П. Рачневски, содержащий как исследование, так и перевод на французский язык отдельных цзюаней «Юань ши», имеющих юридический характер, автор монографии не использует не менее известную работу Г. Ф. Шермана (1956), также переведшего и исследовавшего цзюани «Юань ши» о налоговой системе империи Юань, хотя сама посвящает этому аспекту специальный параграф книги (2.3). Не учтены результаты многолетних исследований американского специалиста Б. Бердж, которая с 1990-х гг. подробно занимается такими вопросами, как система источников права Юань, регулирование ряда отдельных сфер правоотношений (в частности, положение женщин, различные статусы собственности и т. д.). Странно, что не привлечена С. Ж. Дугаровой также и работа П. Х. Чена (1979), содержащая английский перевод и исследование свода законов империи Юань «Чжиянь синь-гэ» 1291 г. Наконец, с учетом немногочисленности отечественных исследователей монгольского права эпохи Юань, странно, что автору рецензируемой монографии неизвестны работы Е. Ф. Баялиевой, которая с начала 2010-х гг. приступила к изучению одного из поздних сводов юаньского права «Чжичжен Тяогэ», фактически вводя этот юридический памятник в отечественный научный оборот и исследуя на его основе финансовую политику поздней Юань. Естественно, можно допустить, что в этих работах С. Ж. Дугарова могла и не найти нужной ей информации для характеристики тех или иных аспектов монгольского права в эпоху Юань. Однако, принимая во внимание, что ее целью было изучение историографии, отсутствие такого количества работ небезызвестных исследователей вызывает некоторое недоумение.

В результате вторая глава не отвечает ожиданиям читателей, поскольку, хотя и раскрывает ряд аспектов истории права Юань и, до некоторой степени, характеризует состояние монгольской историографии по данной тематике, характеристика юаньского права, его источников, институтов и норм далеко не

полна и в неполной же степени отражает состояние современной историографии по монгольскому праву этого периода.

Глава III, «Историография монгольского государства и права периода маньчжурского господства», охватывает третий из периодов развития монгольского права, достаточно широко освещенных в историографии благодаря значительному количеству сохранившихся от данного периода правовых памятников — как монгольского, так и маньчжурского происхождения. Переходя к эпохе, охватывающей XVII—начало XX в., автор монографии, таким образом, «опускает» довольно длительный хронологический период второй половины XIV—начала XVII в., от которого, впрочем, действительно сохранилось не так много не только юридических, но и исторических памятников, чтобы иметь возможность достаточно подробно изучить его государственность и право. Тем не менее отдельные монгольские правовые памятники этих «темных веков» сохранились и даже уже служили предметом исследования, в т. ч. автора настоящей рецензии, опубликовавшего работы о «законе» Мандухай-хатун (последняя четверть XV в.), об «уложении» Алтан-хана и «законе» Хутуктай-Сэчена (конец 1570-х гг.).

Нельзя сказать, что автор книги полностью забывает о правовых памятниках периода, предшествующего признанию монголами маньчжурского подданства. Во-первых, автор упоминает о «Восемнадцати степных законах» рубежа XVI и XVII вв., введенных в научный оборот Х. Перлээ и всесторонне изученных А. Д. Насиловым (с. 229—234), правда, по какой-то причине С. Ж. Дугарова использует не книгу А. Д. Насилова, содержащую перевод и исследование этого памятника, а его диссертацию (которую даже не включила в список литературы). Во-вторых, специальный подраздел посвящен «Актам эпохи ойратских союзов» (с. 234 и след.), среди которых, естественно, центральное место занимает монголо-ойратский законодательный свод «Их Цааз» 1640 г.

Правда, этот подраздел оказался каким-то причудливым образом включен в состав параграфа 3.3, «Характеристика монгольских правовых памятников», так что граница между монгольскими источниками доцинского и цинского периодов для читателя не вполне очевидна. В результате складывается впечатление, что автор книги относит вышеупомянутые «Уложение Хутагтай Сэцэн-хунтайджи» (1577) и «Уложение Алтан-хана» (1581) к памятникам цинского периода (с. 227). Это впечатление усугубляется еще и тем, что последний из упомянутых памятников рассматривается в книге уже после того, как автор монографии дает характеристику ряду монгольских сводов законов, относящихся уже к эпохе маньчжурского господства (с. 263). Впрочем, и в дальнейшем С. Ж. Дугарова в своем анализе памятников права легко переходит от юридических памятников цинского периода к более ранним правовым документам, не оговаривая при этом особенностей юридических текстов и датировок их происхождения. В результате у читателя, не имеющего

фундаментальных знаний по истории монгольского права XVI—XVIII вв. может сложиться не вполне корректное представление о правовой системе монголов в этот важный переходный период.

Не можем не отметить, что при характеристике «Уложения Алтан-хана» С. Ж. Дугарова сначала весьма подробно пересказывает исследовательскую часть нашей собственной публикации, посвященной этому правовому памятнику (с. 263—265), после чего практически дословно воспроизводит наш текст, лишь в отдельных случаях перефразируя некоторые фразы и обороты (с. 265—270). Однако С. Ж. Дугарова при этом корректно указывает источник заимствования, что избавляет нас от тягостной обязанности обвинить ее в плагиате, и остается только порадоваться, что она сочла возможным использовать нашу работу в своей монографии, лишь обратив внимание на некоторые некорректности, связанные с ее цитированием.

Обращаясь же непосредственно к монгольским памятникам маньчжурского периода, автор не проявляет оригинальности и сосредотачивается на хорошо известных отечественным монголоведам источниках — «Цааджин бичиг», «Халха Джирум» и «Уложение китайской палаты внешних сношений». Правда, на наш взгляд, С. Ж. Дугарова несколько усложняет свой текст для российского читателя, называя сборник «Цааджин бичиг» его монгольским наименованием «Монгол цааз бичиг» и приводя противоречивые мнения исследователей относительно даты его создания (с. 257—263). Аналогичным образом «Уложение палаты внешних сношений» («Ли-фаньюань цзэ-ли») в монографии фигурирует под названием «Хууль цааз бичиг», что также заставляет читателя обращаться к другим работам по истории монгольского права маньчжурского периода, чтобы уточнить, какой же правовой памятник имеется в виду под этим наименованием, вероятно, распространенным в монгольской историографии, но ничего не говорящим многим отечественным исследователям данной проблематики.

Как и в вопросе с правом империи Юань, С. Ж. Дугарова выстраивает характеристику монгольского права маньчжурского периода на основе наиболее известных кодификаций, игнорируя памятники «текущего законодательства» — отдельные указы императоров, акты административной и судебной практики, которые не только сохранились, но и регулярно вводятся в оборот как монгольскими, так и западными исследователями. Почему-то автор не привлекла текст «Улаан хацарт», представляющий собой «практическое приложение» к «Халха джирум» (сборник судебных решений на основе этой кодификации), а между тем этот памятник неоднократно публиковался на старомонгольском и современном монгольском языке, да и сама же С. Ж. Дугарова неоднократно упоминает его в монографии, правда, ссылаясь на монгольские исследовательские работы (с. 33, 40, 262, 274). Не учла автор книги и результаты изысканий ряда западных специалистов, касающихся вопросов административной и судебной практики и нашедших освещение, например, в трудах

Ф. В. Кливза 1986 г. (указ маньчжурского хана Абаха его монгольским вассалам 1640 г.), Г. Серруйса 1970-х гг. о монгольских правовых памятниках, касающихся регулирования хозяйственных отношений в Ордосе начала XX в., Ч. Р. Боудена (конец 1960-х гг.) и Д. Хойшерт-Лааге (1990—2010-е гг.) о документах, отражающих особенности монгольского уголовного права и процесса в XVIII—XIX вв. К тому же и при анализе истории изучения тех памятников права XVII—XVIII вв., которые подробно анализируются в монографии, автор не учла ряда русскоязычных работ. В частности, в монографии не упомянуто ни одной из многочисленных работ калмыцких ученых В. П. Санчирова об «Их Цааз» и Г. Ц. Пюрбеева о «Халха Джирум», опубликованных в начале XXI в.

Хотя, как отмечено выше, знание автором монографии современной монгольской историографии является несомненным плюсом, хотя в некоторых случаях, как представляется, ее привлечение избыточно. Так, не очень понятно, почему автор использует монгольские переводы тех иностранных источников и исследований, что хорошо известны и доступны в русских переводах, — например, Пэн да-я и Сюй-тина, И. де Плано Карпини, К. д'Оссона и др., а в некоторых случаях даже цитирует их по монгольским изданиям. Получается, что С. Ж. Дугарова использовала монгольский перевод и переводила его на русский, хотя вполне могла бы пользоваться профессиональными и хорошо известными специалистам переводами! Что она, впрочем, периодически и делает. Например, на с. 51 и 139 она использует русский перевод И. де Плано Карпини 1957 г., а на с. 109 — монгольский перевод этого же источника. Подобный подход был бы обоснованным, если бы автор изначально поставила целью проанализировать монголоязычную историографию (что она и делает в ряде своих предшествующих работ, опубликованных в процессе подготовки докторской диссертации), но поскольку такой задачи С. Ж. Дугарова не ставит, и речь опять же идет о монографии, посвященной историографии монгольского права, подобный недочет представляется весьма досадным.

Впрочем, выявленные недостатки, по нашему мнению, не могут снизить ценности книги С. Ж. Дугаровой, которая не только подводит промежуточные итоги в истории изучения монгольского права, но и формирует определенный задел для будущих исследователей данной проблематики. Соответственно, некоторые недочеты и спорные утверждения автора книги могут послужить отправной точкой для новых исследований, авторы которых, несомненно, будут опираться на монографию С. Ж. Дугаровой при изучении самых разных аспектов монгольского права и его историографии.

Л. Г. Скородумова. Рец. на: *Гомбожавын Мэнд-Ооёо. Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.*

Литературное творчество монголов начала XXI в. отличается широким тематическим и стилистическим разнообразием. В частности, в развитии прозы преобладает тенденция беллетризации повествова-

ния с использованием исторического и документального материала, с другой стороны, наблюдается явное стремление к сложной философской прозе с одновременным освоением стилистики модернизма. Роман, прочно занявший место в современном литературном процессе Монголии, и сегодня остается одним из ведущих жанров прозы, являясь олицетворением определенной философской системы понимания мира, формой выражения мировоззренческой позиции писателя.

Типологические черты современного монгольского романа можно проиллюстрировать на примере творчества известного монгольского поэта Г. Мэнд-Ооёо (1951), который, как и многие другие поэты, в последние годы все чаще стал обращаться к прозе. Поэтам в большей степени присуще глубинное органическое чувство языка. Язык — как бы самая основа поэзии, ее смысловая материя, порождающая образ мира и его судеб. Стихи и проза Г. Мэнд-Ооёо переведены на многие языки. В 2012 г. вышел роман «Святой» («Гэгээнтэн»), посвященный жизни и творчеству выдающегося монгольского поэта, просветителя и подвижника Д. Равжи (1803—1856). Перу Г. Мэнд-Ооёо принадлежит ряд художественно-публицистических изданий, освещающих историю и культуру родного края поэта Дариганги: «Синяя шаstra Дариганги» («Даригангын хөх шастир» (2004)); «Золотое обо» («Алтан овоо» (1993)), «Золотая шаstra Золотого обо» («Алтан овооны алтан шастир» (2008)), «Фольклор Дариганги» («Дариганга ардын аман зохиол» (2008)), совместно с Г. Ловором, «Искусство серебряной чеканки дариганги» («Даригангын мөнгөн уралал» (2012)), совместно с Л. Батчулуном и Ё. Бадарчем. И последняя книга Г. Мэнд-Ооёо роман «Гора Шилийн богд» («Шилийн Богд» (2015)) также касается исторического прошлого Дариганги.

Шилийн богд — название горы в местности Дариганга Сухэ-Баторского аймака. Здесь посреди ровной долины на возвышенности сохранилось около 200 потухших вулканов на высоте 1700 м над уровнем моря, и самый высокий из них — Шилийн богд.

Издревле монголы поклонялись этой вершине, считали, что она прибавляет отваги и удачи мужчинам, выехавшим на восходе солнца.

Авторы новой прозы все время как бы предлагают игру между вымыслом и реальностью. В романе «Шилийн богд» происходит игра на грани прагматики внутреннего и внешнего текстов, конфликт между двумя текстами, каждый из которых претендует на большую подлинность. По мнению исследователей постмодернистской культуры, «этот конфликт вызван глобальной установкой культуры XX в. на поиски утраченных границ между иллюзией и реальностью. Поэтому именно построение „текст в тексте“ является столь специфичным для XX в»¹. В романе, напоминающем жанр магического реализма,

¹ Руднев В. П. Словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. Москва, 1999. С. 308.

описываются две параллельные реальности — жизнь соколов Агшуу и Эгшуу и полная приключений жизнь легендарного героя, сайнэра Тооройбанди. Птицы и одинокое дерево в Гоби служат метафорами, маркерами его трудной судьбы. Образ Тооройбанди панорамно развернут. В новаторском романе Г. Мэнд-Ооёо использует мифопоэтические приемы, а также повествовательные приемы летописания.

Этот роман дает основание полагать, что писатели уделяют вопросам философского осмысления жизни современного монгольского общества все больше внимания. Философская проза становится самостоятельным направлением литературного процесса.

Так или иначе, новейшая монгольская литература конца XX—начала XXI в. фиксирует процессы возрождения традиционализма, утверждения этнической самоидентификации, с одной стороны, и продолжение адаптации на национальной почве ценностных ориентиров преимущественно формалистических течений западной культуры XX в. — с другой. В методологическом плане это проявляется в отталивании прошлого опыта, отрицании, маргинализации реализма в широком смысле слова. С другой стороны, эстетическая платформа современного творчества предполагает органическое сосуществование самых разных художественных приемов.

III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)

15—16 сентября 2016 г. в Элисте Республики Калмыкия состоялась III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и 50-летию отдела фольклора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Первая Международная научная конференция по эпосу «Джангар» была проведена в 2014 г. в Хобуксар-Монгольском автономном уезде Китайской Народной Республики, вторая состоялась в прошлом, 2015-м, году в Монголии, а третья была успешно проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14101/16) в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН совместно с Институтом национальных литератур Академии общественных наук КНР, Институтом монголоведения Университета Внутренней Монголии (КНР) и Общественной организацией по изучению истории, языка и культуры ойратов Монголии «Тод номын гэрэл». Руководителем данного проекта является доктор филол. наук Т. Г. Басангова.

III Международная научная конференция по эпосу «Джангар» стала весьма представительной: в ней приняли участие в очной и заочной форме 73 человека. География участников была довольно обширна, на форуме выступили представители зарубежных стран — Китая, Монголии, Японии, Америки (видеодоклад), ученые из Кыргызской Республики, Украины, Азербайджана, Абхазии, а также участники из разных регионов России: Якутии, Бурятии, Алтая, Башкортостана, Республики Северная Осетия — Алания, Адыгеи, Дагестана, городов Москвы, С.-Петербурга, Новосибирска и других. На конференции были обсуждены актуальные вопросы современного состояния эпосоведческих исследований, изучения

фольклора монголоязычных народов, проживающих ныне в основном в трех странах — России, Монголии, КНР. Международная научная конференция объединила ученых из разных стран и различных регионов России, предоставив им возможность обсудить результаты проделанной работы и перспективы востоковедческих исследований в области эпосоведения, джангароведения и фольклора. Открытие III Международной научной конференции «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов...» проходило в Конференц-зале Дома правительства и началось с приветствий Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова, Председателя Правительства Республики Калмыкия И. А. Зотова, Народного Хурала (Парламента) РК, Министерства образования и науки РК.

Научная часть пленарного заседания конференции включила ряд докладов, посвященных изучению калмыцкого героического эпоса «Джангар», устного народного творчества монголоязычных народов. Принципам и проблемам составления словарных статей толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» был посвящен доклад В. В. Кукановой, канд. филол. наук, директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Г. Ц. Пюрбеев, доктор филол. наук, проф., главный научный сотрудник Института языкознания РАН в своем докладе проанализировал мифопоэтическую картину в эпосе «Джангар», отражающую две модели мира — сказочно-мифологическую и историко-героическую. В докладе Президента Академии наук Абхазии академика З. Д. Джапуа освещались аспекты реконструкции архаических мотивов нартского эпоса в работах В. Г. Ардзинбы. Актуальным было выступление Д. Таи, профессора Института монголоведения Университета Внутренней Монголии, заместителя председателя Центра изучения эпоса «Джангар», за-

тронувшего такие связанные с проблемой изучения передачи устной традиции эпоса «Джангар» вопросы, как: утрата эпической среды, живого бытования эпоса, индивидуального исполнительства со всеми его уникальными особенностями (манера исполнения, богатство поэтической речи, специфическое пение, мимика, жестикуляция и др.), проблема возрождения исполнительской устной эпической традиции среди молодежи и детей. Также докладчик отметил принципиальное отличие «Джангара» от западноевропейских и других эпических шедевров, а именно то, что песни эпоса не принадлежат одному автору, а создаются усилиями многих поколений джангарчи и что в настоящее время остро стоит проблема сохранности эпического наследия. Доклад А. А. Бурыкина, доктора филол. наук, доктора ист. наук, ведущего науч. сотрудника Института лингвистических исследований РАН, был посвящен современным проблемам исторической поэтики эпических фольклорных форм. Ученым было выделено тринадцать особенностей героического эпоса. Пленарное заседание конференции завершилось докладом доктора филол. наук ведущего науч. сотрудника отдела фольклора КИГИ РАН Т. Г. Басанговой, посвященным одному из фундаментальных академических проектов — «Своду калмыцкого фольклора», в выступлении она отметила большую собирательскую, текстологическую, подготовительную работу авторского коллектива Свода — двуязычного академического издания, которое будет иметь большое научное и практическое значение, даст возможность фольклористам глубже исследовать проблемы калмыцкого народного творчества, выявить закономерности и особенности устной традиции калмыков, ее эволюции во времени.

На секционных заседаниях доклады прозвучали на калмыцком, русском, английском и монгольском языках. Исследования построены на материале разных эпических произведений тюрко-монгольских народов (монгольском, калмыцком, бурятском, башкирском, якутском, хакасском, шорском, тувинском, казахском, узбекском, азербайджанском, алтайском, южносибирских и иных).

Исследования многих докладчиков убедили нас в том, насколько широк размах изучения эпосоведения, проблемы, которые ставились в выступлениях, вызывали живой интерес аудитории. Много было вопросов, раскрывающих необходимость взаимосвязей разных народов. Достижением работы секций стало то, что эпос «Джангар» еще более расширил границы изучения и позволил ученым мира более широко взглянуть на возможные перспективы исследований.

С большим интересом были встречены доклады фольклористов из Китая: в докладе проф. Менкезая была освещена проблема изучения образов главных двенадцати богатырей эпоса «Джангар»; доклад проф. Нима содержал сведения о происхождении термина «элкен» и его распространении среди ойратов; проф. Уршал в своем докладе предложил ус-

ранить различия в терминологии в Монголии и Внутренней Монголии КНР и создать словарь фольклористических терминов. В докладе фольклориста из Якутии В. В. Обоюковой было отмечено, что эпическое пение олонхо отличают четыре стиля исполнения, а затем она исполнила фрагмент из олонхо, что вызвало большой интерес аудитории. Доклад Е. Э. Хабуновой затронул проблемы института эпического сказительства, прежде всего традицию овладения, исполнения, хранения и передачи в устной форме героического эпоса «Джангар». Проблемам сказительской традиции также были посвящены доклады М. М. Паштовой (г. Майкоп), Ц. Б. Селевой (г. Элиста). Многим аспектам изучения калмыцкого героического эпоса «Джангар» были посвящены доклады калмыцких фольклористов Б. Б. Манджиевой, Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой. В докладе З. А. Сиразитдинова (г. Уфа) освещались проблемы перевода кыргызского героического эпоса «Манас» на башкирский язык. С интересом был встречен доклад Р. Б. Унароковой, посвященный сопоставлению жанровых форм айнского и адыгского фольклора, исследователю удалось по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся теоретико-методологические принципы в изучении адыгского фольклора, в частности, на проблемы реконструкции его жанрового пространства. Изучению мотивов эпических традиций были посвящены доклады Д. В. Сокаевой, Е. Б. Дзапаровой (г. Владикавказ), Н. А. Оросиной (г. Якутск). Доклады Г. Р. Хусаиновой (г. Уфа), Н. О. Нарынбаевой (г. Бишкек) были посвящены вопросам сравнительного изучения эпосов тюрко-монгольских народов.

По завершении работы секции было проведено обсуждение, в котором участники отметили высокий уровень проведения конференции. В работе конференции в очной и заочной форме приняли участие свыше 70 человек, среди которых 2 академика, 27 докторов, 30 кандидатов наук, 3 аспиранта, 1 докторант, 10 научных сотрудников академических учреждений. География участия ученых охватила такие субъекты РФ, как: Республика Бурятия, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Адыгея, Республика Калмыкия. Кроме того, в работе конференции принимали участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также представители ближнего Зарубежья: Абхазии, Азербайджана, Кыргызии — и дальнего Зарубежья: Монголии, Китая, Японии, Америки.

Заблаговременно, до начала работы конференции, были изданы ее материалы: «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.). (Элиста: КИГИ РАН, 2016. 324 с. Объем 37,7 усл. печ. л. Тираж 300 экз.).

По итогам конференции была принята следующая резолюция:

Актуальность Международной научной конференции. С 15 по 16 сентября была проведена III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и 50-летию отдела фольклора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Организаторы Форума: Правительство Республики Калмыкия, Российский гуманитарный научный фонд, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР, Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Общественная организация по изучению истории, языка и культуры ойратов Монголии «Тод номын гэрэл».

В работе научной конференции приняли участие аспиранты, ученые, деятели культуры научных учреждений г. Элисты, а также городов Санкт-Петербурга, Москвы, Майкопа, Махачкалы, Владикавказа, Якутска и др., зарубежные исследователи из Китая, Абхазии, Монголии, Японии.

Целью конференции было обсуждение актуальных научных проблем и результатов научно-исследовательской, научно-методической и научно-инновационной деятельности, обмен информацией о научных достижениях в области исследования эпической традиции и конкретно джангароведения как части мировой фольклористики. Тематика конференции была соотносима с заявленной — это эпическое наследие народов: проблемы сохранения и исследования, изучение «Джангара» в сравнении с эпосами народов мира, лингвистические, исторические и культурологические аспекты изучения эпического наследия, фольклорное наследие народов как живая традиция, «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов в этнокультурном пространстве, новые информационные технологии в сохранении и распространении фольклорного наследия.

К конференции был издан сборник докладов.

В рамках программных мероприятий конференции:

- Проведено пленарное заседание по актуальным проблемам современного эпосоведения.
- Организована работа секций.

- Организованы выставки научной литературы по проблематике конференции (Научная библиотека КИГИ РАН), Выставка, посвященная организатору отдела джангароведения КИГИ РАН профессору А. Ш. Кичикову.

На конференции состоялся плодотворный обмен мнениями по широкому спектру проблем изучения героического эпоса тюрко-монгольских народов, исследований по генезису эпоса; по современному подходу к сохранению и популяризации эпического наследия народов; по проблемам сказительства, лингвистического изучения эпоса путем внедрения компьютерных технологий.

Всего было прослушано 32 доклада.

Конференция, исходя из сложившейся в научном изучении эпического наследия тюрко-монгольских народов ситуации, рекомендует:

- Инициировать работу по включению героического эпоса «Джангар», калмыцкой протяжной песни, в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.
- Продолжить работу по исследованию памятников эпического творчества: типологические исследования, историко-сравнительное, текстологическое изучение, в том числе с применением цифровых технологий. Сравнительное изучение эпосов дает богатый материал для расширения межкультурного диалога и укрепления сотрудничества между народами.
- Издать с привлечением научных фондов России многотомное издание «Свод калмыцкого фольклора», в котором 5 томов будут принадлежать героическому эпосу «Джангар».
- Разработать и реализовать совместные международные научные проекты по изучению героического эпоса «Джангар» в разных эпических традициях.
- С целью развития, изучения и сохранения эпического сказительства калмыков поддерживать деятельность Музея Ээлян Овла и Дава Шавалиева.
- Усилить экспедиционную деятельность в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН с целью расширения ареала полевых исследований для углубления научного знания и решения глобальных вызовов времени в области филологических наук.
- Переиздать работы калмыцких фольклористов, результаты полевых исследований.

Б. Б. Манджиева

Бидэрийн Баярсайхан родился в 1973 г. в Архангайском аймаке. Поэтический дар реализовал в двух книгах стихов: «Гривастый ветер» («Дэлтэй салхи») и «Дождливое лето» («Аргал хатаагуй зун»), вышедших в 1993 и 1996 гг. В качестве прозаика автор заявил о себе, выпустив в 2008 г. сборник «Рыбы в пруду» («Хүн загасны цөөрөм») и в 2015 г. двухтомник «Думы небесные» («Тэнгэрийн сана») и «Синее небо» («Хөх тэнгэр»).

Предлагаемый вниманию читателя рассказ взят из материалов конкурса на лучший рассказ «Утгын чимэг».

Б. Баярсайхан

Наследник

Старый монах целыми днями сидел в тени своей старой хозяйственной юрты. Обычно он дремал, сидя на топчане и перебирая четки, набросив что-нибудь на плечи. Был разгар лета, из-под кошмы дул легкий ветер, в распахнутую дверь виднелись неясные очертания вершин грузных темно-серых гор. Старик, кажется, пребывал в раю.

Вдруг раздался звук колокола соседнего храма — старик приподнялся, замер, наклонив голову и поставив правое ухо, которое еще слышало. Он пристально осмотрел все вокруг старческими водянистыми глазами и, склонив голову набок, прислушался, не обманул ли его ослабевший слух. Колокол по-прежнему звучал вдалеке, «дзинь-дзинь». Старик, продолжая вслушиваться, постепенно успокоился.

Колокол слышался то тише, то громче. Тысячи раз на дню старик читал молитвы, перебирая четки до щербин в бусинах. Начищенные до блеска латунные бурханы¹ на солнце казались золотыми. У них, как у старика, выдалась передышка. Их лица с полукруглыми губами дышали миром и спокойствием. Наконец веки старика закрылись, и он задремал.

Колокол прозвучал более резко, разрушая покой нирваны. Старик встрепенулся, насколько мог, быстро поднялся и направился к хоймору². В это время внук с взъерошенными на макушке волосами, с конопутками, как на яйце маленькой степной перепелки, подбежал справа к очагу и, взвизгнув, как бы ненароком выпил чай для жертвенного подношения.

Как каждый день всходило солнце, так старик с любимым внуком перебранивались каждое утро. Изю дня в день раздавался звук колокола, внук-растрепыш бежал к хоймору справа, и пока старик ковылял слева в старых монгольских сапогах-гуталах, внук успевал выпить жертвенный чай.

— Ах, негодник! Ты что — пасынок покойника?! Тебе что — мать чая не дает? Голодный совсем, что ли?!

— Гадкий старик, все про тебя маме расскажу.

— Вот как?! Давай! Будешь ябедничать, я поджарю твой язык!

В озорных глазах мальчонки блеснули искорки.

— Дедушка, а дедушка?

— Что тебе, негодник?

— А языки ябед разве жарят?

— А как же! Ты что, не видел, как раскаленным железом опаливают баранью голову? Так что давай, жалуйся, я тебе язык так же подпалю.

— А я тогда убегу. Дедушка, ты меня поймать сможешь?

— Беги, беги. За твоим языком уж точно не уго니шься. Дождешься, негодник, будешь золиком³.

— А что такое золик?

— Так называют таких озорников, как ты.

Так и беседовали дед с внуком.

Дед всю жизнь был монахом, соблюдал обет. А когда стал седым, на земле у него только и осталось, что младшая сестра, к которой он и прибилсь доживать свои последние дни. Сестра была ненамного моложе его. Она рано постарела от тяжелой работы с ранних лет и сейчас была уже дряхлой старухой. А старик-монах, начищая бурханов по несколько раз в день, читая сутры, обходя очаг, спокойно, без потрясений прожил свою жизнь и потому сейчас светился так же, как его латунные бурханы. А внук, сын дочери сестры, отрада двух стариков, проводил дни, бегая между двух юрт. Мать его, молодая женщина, племянница старика, шла мимо с ведром молока и, заметив, что старик вытирает слезы, поставила ведро:

— Дедушка! Что случилось?

— Все хорошо, деточка. Мама что делает?

— Она немного вздремнула, сейчас поднимается. Чай зайдете попить?

³ Золик (монг. *золиг*) — фигурка из теста, на которую должны пасть все несчастья, а иногда и человек, которым больной откупается от духов (Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2. М.: Academia, 2001. С. 223).

¹ Бурхан — скульптурное изображение Будды.

² Хоймор — северная, почетная сторона юрты.

Старик, перебирая правой рукой четки, поковылял за племянницей.

Сняв с полки фарфоровую пиалу, она налила чай, наклонив большой медный чайник, и подала чашку с борцоками⁴.

— Вы что это целый день в юрте скрываетесь? Вместе с внуком не посидите, чай не попьёте. Сказала ему: «позови дедушку», он вернулся один. Ничего не сказал.

— Как порог переступит, все забывает. Пострел. Ветер в голове у моего негодника, — сказал ласково старик и почему-то весь вдруг сразу обмяк.

Племянница, прихлебывая чай, спросила:

— Дедушка, Вы почему, когда я вошла, слезы вытирали?

Старик помолчал, отхлебнул остывший чай и, откусив размоченный борчок, ответил:

— Почему?.. Да разве его шалости могут не вызывать слезы? Ох уж эти детские проказы! Я приближаюсь к тому, чтобы «переехать на северный склон»⁵. Утром мальчишка прибежал ко мне. И о чем он думал, бестия, когда сказал: «Дедушка, ты, когда умрешь, четки мне отдай!»

— Да ребенок же... — попыталась успокоить его племянница.

Молча выпив две пиалы, старик вышел на улицу. Конусообразная макушка его поблескивала на солнце. Это лето было прекрасным, как райский летний полдень. Старик ласково посмотрел на внука, каждое утро опустошавшего пиалу с его жертвенным чаем, и захотел отдать ему свои четки прямо сейчас.

Глядя на непослушные волосы внука, торчащие, как перья у птенца, старик подумал, что он ни на что не променял бы последние дни своей восьмидесятилетней жизни.

— Мой мальчик, мой растрепыш! — позвал старик, и слова его прозвучали, как хвала коню-победителю. Отяжелевшие горы вторили эхом его словам.

Старик думал о том, что внук упал к его очагу, в его руки, как подарок судьбы. И сейчас старик звал только его, своего единственного внука. Будто откуда-то издали слышались голоса отца, деда, прадеда, как звуки ганлина⁶, зовущие его.

Навстречу бежал внук — его малыш, с растрепанными волосами на макушке, веснушчатый, как яйцо перепелки, топая, как бесхвостый теленок...

Перевод с монг. А. Соловьевой

⁴ Борчок (монг. *борцог*) — вид монгольского хлеба.

⁵ Переехать на северный склон — эвфемизм, заменяющий слово «умереть».

⁶ Ганлин — духовой музыкальный инструмент, используемый при буддийских церемониях. Представляет собой трубу из человеческой берцовой кости.

Ванчинбалын Инжинаш (1837—1892) — выдающийся монгольский писатель, родоначальник романной прозы в монгольской литературе. Автор двух бытовых («Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез») и одного исторического («Синяя сутра») романов. В этом году ему исполняется 180 лет со дня рождения. Мы начинаем печатать перевод романа «Палата красных слез», который является продолжением романа «Одноэтажный павильон» того же автора. Он был напечатан в журнале «Байкал» в 1992 г., № 3, 4 и к настоящему времени стал библиографической редкостью.

В. Инжинаш

Палата красных слез

Роман

Глава первая

*Князь Бэнь по указу императора прибывает в столицу.
Князь Цзинь возвращается по делам в родные места.*

Итак, в романе «Одноэтажный павильон» повествуется о том, как юноша Пуую из дома Преданных и Верных и его сверстницы сестры стали жертвами пагубной страсти, как радость сменилась печалью, как на них, обладавших чувствительными сердцами, обрушились страшные беды и как в конце концов не суждено было осуществиться ни одному их желанию. Сами же они рассеялись по свету, подобно облакам, даже следов не осталось — их размывло водой. А случилось так потому, что в прежней жизни, в стране богов, они, меры не зная, предавались утехам и наслаждениям. И все же обидно, когда чистейший перламутр и белая яшма тонут, разбиваясь о камни.

Мудрейшие, как грустно было вам об этом читать! Но я написал еще одну книгу, из нее вы узнаете, что с нашими героями приключилось в дальнейшем.

Сразу после кончины супруги Пуую во все концы разослал людей узнать о судьбе дорогих сестриц — Шэнжу, Циньмо и Лумэй. Но любимых словно ветер унес, спрятали облака. Печаль камнем легла Пуую на грудь — будто он вошел в опустевший дом. Нелзя было избавиться от этой тяжести. Но он мужественно перенес потерю.

И вот однажды, в теплый весенний день, Пуую в одиночестве гулял в саду Ароматов. Цвели, как и прежде, персики и абрикосы, высились искусственные горы и павильоны. Не было только милых сестриц. Младшую, Шичин, отдали замуж. Охваченный грустью, Пуую снова и снова вспоминал стихи о белом облаке и красных листьях. И вдруг его стало клонить ко сну. Пуую вошел в зал Изумрудных волн, где было так прохладно, и, едва коснувшись головой подушки, погрузился в сон.

Если судьба благосклонна, душа исполнена счастья и радости! Когда рождается грусть, на душе становится тяжело.

Пуую уснул, и приснилось ему, будто он взобрался на высокую гору, откуда взору его открылся

безбрежный океан. Он не знал, как очутился здесь. На горе росли какие-то необыкновенные коралловые цветы и бирюзовые травы, в роще пели чудесные птицы. Но не было ни души. Пуую поднимался все выше и выше и попал в горное ущелье. Там он увидел удивительной красоты дворец, сложенный из зеленого кирпича, с крышей из желтой черепицы, окруженный с четырех сторон красной стеной. Охваченный любопытством, Пуую не раздумывая вошел внутрь. Везде чисто, ни пылинки, словно чья-то заботливая рука подмела полы. Над входом надпись: «Палата красных слез». Рядом — каменная плита, сверкающая всеми красками. Подойдя ближе, Пуую увидел высеченные на ней изображения и надписи. Вот дерево, с дерева взлетает птица. Рядом — надпись, не скажешь, что это песня, но и на стихи непохоже:

— Двое разлучены, но не спеши горевать. Опять наступит весна, встреча придет опять. Из всех далеких друзей ты кажешься ближе всех. Промчались двенадцать лет. Все иначе теперь.

Чуть дальше — лютия, только необычная, без струн.

Стойкие сосны суровы к женщинам недалновидным.
Волны нефрит окатили — стал перламутром подводным.
Стоило раз ошибиться мячику судеб священных —
Стали напрасны усилия железа и камня труды.

Курильница — с горсткой пепла, но без ароматической травы, под курильницей — четверостишие:

Холодною ночью поступь коня легка.
Двор постоялый. Глухое селенье. Иней.
На дереве старом кукушка считает века.
Падает меткий мячик, брошенный с башни синей.

Пуую прочел все три надписи, но ничего не понял — в них, видимо, был скрытый смысл. Поэтому

он решил больше не читать. Чего только там не было! И колокольчики, и персиковое дерево, и шапка с лентами, и пара фениксов. Пуую подумал: «Не хватает только слонов и львов». Он обошел стену, огляделся, но кроме каменной плиты ничего не увидел. На стене тоже было несколько полустертых надписей. Пуую пальцем нарисовал на ладони петроглифы, которые не смог разобрать, как вдруг будто гром грянул среди ясного неба — послышался голос: «Что ты, скотина, здесь делаешь?» Пуую задрожал от страха, проснулся и увидел своего отца, князя Бэня — лицо его было блестящим и красным, как финик, борода — словно из серебряных нитей.

Оказалось, князь Бэнь тоже гулял в саду, вошел в зал Изумрудных волн и увидел спящего Пуую. Последние два дня сын все вздыхал — его что-то мучило.

Лучше бы, думаем мы, любящим родителям не приходилось болеть душой за детей, но умолчать об их страданиях не можем.

Пуую быстро встал и последовал за отцом в зал Безмятежности и покоя. Надобно вам сказать, что с момента кончины старой княгини прошло двадцать семь месяцев, но князь все еще носил траур. В зале князя встретила жена, княгиня Цзинь, пригласила сестру, а служанка Юйцин принесла большой пакет с печатью.

— Что там? — осведомился князь.

— Гунгао просил срочно передать вам, видимо, что-то важное, — ответила княгиня.

На пакете было написано: «Высочайшее послание дому Преданных и Верных, князю Бэню. Не терпит промедления».

Князь не стал мешкать, вскрыл пакет и велел Пуую прочесть бумагу. Вот что там было сказано: «В настоящее время в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян нет ни солдат, ни стражи. А место прибыльное — много рыбы и соли. Рядом, на берегу Восточного моря, на островах Чжаобао и Цзяомэнь бесчинствуют разбойники, разъезжают по морю, нагоняя на людей страх. Корейские солдаты не раз вступали с ними в бой, но терпели поражение, после чего отступили на север, высадили войска и закрыли путь разбойникам на восток. Тогда разбойники пошли на юго-восток, захватили Японию и острова Люцю. Прибрежные страны укрепили свои порты. Разбойники же, лишившись промысла, через узкий пролив снова вышли к морю, захватили и разграбили прибрежные земли. Повелеваю немедленно создать ополчение из жителей провинций Фуцзянь и Чжэцзян и общими силами одолеть разбойников. Срочно сообщите в столицу о дне вашего прибытия».

В то время как Император занят важными государственными делами, в стране царят мир и благополучие, разбойники бесчинствуют и гневят богов». В конце красной тушью было приписано:

«Военному ведомству надлежит выбрать четырех самых мудрых и опытных полководцев и поставить над войском. А также разместить в Ханчжоу две тысячи солдат. Указ передать через гонца. Пусть Корея, Япония и Люцю объединят силы и уничтожат

врага. Ни минуты нельзя терять на раздоры. Дело это не терпит отлагательства. Военачальникам всех провинций надлежит его обсудить и выбрать полководцев, которым милостью императора даровано право наследовать титул. Полководцам надлежит прибыть в столицу на императорскую аудиенцию. Быть по сему!»

Князь Бэнь слушал молча, только бороду теребил. Княгиня поднялась, поздравила мужа. А он произнес со вздохом:

— Да, сколько веков род наш пользуется государевой милостью — наследует высокие титулы, но до сих пор не представлялось случая отблагодарить государя. Теперь же необходимо приложить все усилия и исполнить свой долг. Я, правда, стар, шестьдесят минуло. А нести службу за три тысячи ли от дома куда тяжелее, чем быть князем здесь, где всего-то живет тысяча семей. Вот матушка, будь она жива, дала бы мне мудрый совет.

Князь позвал Гун Гао и Чжаньюя, чтобы обсудить с ними предстоящий отъезд, велел готовить вещи и коляски. Гун Гао приказал взять десять слуг и сопровождать его в столицу, а Чжаньюю остаться и присматривать за домом.

Пуую князь решил взять с собой, чтобы тот познакомился с жизнью столицы. Сын не стал перечить и пошел укладывать вещи. Услышав новость, Фушоу и обрадовалась, и огорчилась. Конечно, поездка может оказаться для Пуую счастливой, если ветер встретится с облаком, значит, ее советы не пропали даром. Вот только плохо, что княгиня Цзинь состарилась, а заменить ее некому. Все заботы по дому легли теперь на Фушоу, а где взять сил и умения? Фушоу позвала слуг, распорядилась, что взять в дорогу, что надеть. В день отъезда князь Бэнь сказал жене:

— На этот раз дел будет много, после аудиенции я должен немедленно тронуться в путь и не успею заехать за вами, поэтому пришлю слугу. А вы пока соберите вещи и на лодке плывите к югу. Буду ждать вас в местечке Вэньсян. — Князь Бэнь помолился перед алтарем и после того, как трижды пальнули пушки, вместе с Пууюем сел в коляску.

Княгиня Цзинь проводила их до вторых ворот и вернулась в дом.

Едва отъехали, Пуую вышел из коляски и сел на коня. За ним, тоже верхом, следовали десять слуг. Они тронулись в путь в четвертом месяце, когда пробуждалась природа: в горах и долинах зеленели ивы, распускались цветы, журчали ручьи, пели птицы. Проезжая по окраине Цзяньчаньин, князь Бэнь вспомнил, что неподалеку живет его дочь Дэцин, позвал Пуую и сказал:

— Быть может, мы пробудем на юге несколько лет, так что съезди-ка сейчас к дяде, затем навести сестру, расскажи, как мы живем, а потом нас догонит. Мы будем ехать неспешно.

Пуую и сам этого хотел, поэтому с удовольствием выполнил приказ отца и в сопровождении нескольких слуг поехал в ту сторону, где жили родные.

Не проехали они и восьмидесяти ли, как оказались возле усадьбы. Пуую надеялся что-нибудь разузнать о Циньмо и Лумэй, а если повезет, то и встретиться с ними. Поэтому он мчался сюда во весь опор с сильно бьющимся сердцем. Он не знал, радоваться ему или печалиться, ему было как-то не по себе. Стоило увидеть знакомые ворота, как защемило сердце. Ворота были плотно закрыты, кругом стояла тишина. А как шумно, оживленно и весело было здесь совсем недавно! Что же случилось? Толпа торговцев с любопытством смотрела вслед всадникам, которые направлялись к усадьбе Цзинь.

Битых полчаса слуги стучали в ворота, но так никто и не вышел. В душу Пуую закралась тревога. Они стучали, кричали, все напрасно. Наконец послышался чей-то сердитый голос. Прошло еще полчаса, открылась боковая дверь, и появился пьяный старик. Он едва волочил ноги. Пуую подстегнул коня, подъехал к старику и стал его расспрашивать. Но старик оказался бестолковым, да к тому же глухим и нес какую-то чепуху. Тогда Ма Чжу стал кричать ему прямо в ухо. В ответ старик окинул их гневным взглядом и, пробормотав: «Что за вздор! Ничего не знаю!» — захлопнул за собой дверь. Пуую и злился, и в то же время ему было смешно. Они уже потеряли всякую надежду что-либо узнать, когда вдруг из-за угла появился незнакомец и с улыбкой спросил:

— О чем вы с ним говорили? Наверняка, старик подшутил над вами, чтобы сорвать досаду, — он проигрался.

Ма Чжу махнул рукой незнакомцу, чтобы подошел ближе, и спросил у него о семье Цзинь. Торговец ответил:

— Еще два года назад господин Цзинь решил отвезти на родину, в Чжэцзян, прах матери и уехал вместе с семьей, а старика оставил сторожить дом.

Пуую, когда он это услышал, показалось, будто его окатили холодной водой, вся его радость улетучилась, и он не произнес больше ни слова. Пришпорив коней, путники направились к дому Цзинь. Ма Чжу поехал вперед, чтобы все подробно узнать.

Семья Цзиньшу жила неподалеку, надо было только переехать через речку, чтобы оказаться перед домом, где гостей уже ждали. Зять с шурином радостно приветствовали друг друга, после чего вошли во двор. Едва обогнув главный павильон, Пуую увидел свою старшую сестру Дэцин с детьми. Она бросилась навстречу брату, Пуую быстро опустился на колени, но Дэцин подняла его. Они долго смотрели друг на друга, проливая слезы. Наконец вошли в главный зал и прошли в большую комнату. Комната состояла из трех цзяней и казалась очень просторной из-за того, что были убраны разделявшие ее ширмы. У северной стены, той, где было окно и стоял кан, дверь справа вела в спальню, слева — в кабинет. На дверях висели бамбуковые занавески. На стенах — надписи в духе «Записок об отшельниках» Оуяна Сюня:

«Ученые люди, великие чиновники ведут себя достойно и при падениях, и при взлетах. В удачах и

неудачах мужественны. В мирное время и на войне — решительны, в походах — дальновидны. Соблюдают законы. Могут добиться поста министра. Если случается участвовать в походах, совершают невиданные подвиги, а нет — усердствуют в любом деле по мере сил своих. Поэтому высоко их призвание и велики заслуги в будущей золотой жизни».

Надписи были так великолепно сделаны, что привели Пуую в восторг. Затем внимание его привлек небольшой столик из грушевого дерева, на котором лежали книги, пресс для бумаг, костяные закладки и лютня. Никаких драгоценных украшений не было. Пуую почему-то снова стало грустно. Вдруг его тронул за локоть Цзиньшу.

— Повернись к нам. Мы так долго ждем, даже устали.

Пуую быстро обернулся. Дэцин, стоя на коленях, благоговейно поклонилась в ту сторону, где был север. Потом стала расспрашивать Пуую о здоровье родителей. Пуую тоже поклонился и ответил, что дома все хорошо. Затем каждый занял на кане положенное место.

— Как долго я не видела родителей, — промолвила Дэцин, — сколько морщин прибавилось у них за это время, сколько седых волос. Бабушка, я слышала, скончалась. Я в то время только родила и на похороны не смогла приехать. Трудно в добродетелях сравниться с нашей покойной госпожой. Я хотя и возжигаю благовония по утрам и вечерам, но этим разве отблагодаришь ее за все добрые деяния? А как поживает сестрица Шицин? Такая же хохотушка, как и прежде? А наши служанки — Мяо, Си, Фу, Цянь, Цзинь, Юй — все еще служат у нас? Твою жену я так и не видела: знаю лишь, что она умерла. Помнят ли меня цветы, травы и деревья в саду Ароматов, скучают ли по мне?

Она говорила без умолку чистым, звонким голосом, а глаза были полны слез. Служанка Биньхуп принесла чай. Пуую отпил глоток и стал все по порядку рассказывать.

— За год до смерти бабушки отец с матерью поехали на Новый год в столицу и взяли с собой сестрицу Шицин. В это самое время сын одного янчжоуского князя решил подыскать себе невесту. Узнав о Шицин, он стал ее сватать. И отдали Шицин замуж. Мужа ее зовут Су Линъань, он умен и очень хорош собой. После свадьбы родители мужа увезли молодых на новое место службы князя, в Янчжоу. Не знаю теперь, когда снова увидимся. Бедняжка Шицин уезжала в чужие края не из родного дома, а из столицы, там нельзя было даже как следует подготовиться к свадьбе. Мяо Луань и Сюфэн после смерти старой княгини возвратились к себе домой. Из старых служанок остались только Юйцин и Фушоу. Мяпчан заболела и тоже уехала.

Дэцин очень расстроилась, подумав, что они с сестрой больше никогда не увидятся, и едва не заплакала, но Пуую постарался ее отвлечь и спросил:

— Надписи на стенах делал зять?

— Нет, твоя сестра, — с улыбкой ответил Цзиньшу, — наверняка, чтобы меня поучить. А вот парные надписи — мои.

— Сестрица, давно ты выучилась так красиво писать? — поинтересовался Пуую.

— Когда я уезжала, ты был совсем маленьким, — ответила Дэцин. — А каллиграфией я еще дома занималась. Но с тех пор как живу здесь, хозяйство и шитье отнимают все время. В день отъезда я сделала в Цветочном павильоне надпись на стене. Ты видел?

Помолчав, Дэцин взволнованно спросила:

— А какую песню, не помнишь?

— Уже забыл. Погоди, как же там было... «Две птицы в одном гнезде» и еще: «Плачет одинокий во робушек». Что-то в этом роде. — Дэцин вздохнула:

— Время идет, появляются новые люди, а старые друзья разлетаются в разные стороны.

Пока они беседовали, служанки внесли стол, накрытый к ужину. Цзиньшу пригласил Пуую к столу, усадил на почетное место. Муж и жена сели друг против друга. Они пили вино и вели тихий неторопливый разговор, какой бывает только между близкими людьми. Слуг тоже угощали, но мы не будем об этом рассказывать. Вдруг Пуую заметил, что нет одной служанки, и спросил:

— А где сестрица Динсян?

Дэцин печально ответила:

— Она тяжело болела и этой весной скончалась, как барышня Цзяпин. — И все трое вздохнули.

Они поболтали еще немного. Пуую рассказал, что вместе с отцом едет в столицу, что сюда завернул по приказу отца, который велел ему заехать проведать родственников и теперь ждет его.

— Как интересно устроен мир, — задумчиво проговорила Дэцин. — Сестрицу Шичин отдали замуж в дальние края, меня — в ближние. Но сейчас, когда вы приедете на юг, то, что раньше было для вас далеко, станет близко, а то, что близко — станет далеко.

Пуую, пользуясь случаем, решил поинтересоваться судьбой князя Цзиня и его семьи.

— А ты разве не слышал, что несколько лет тому назад они уехали в свои прежние владения в Чжэцзян? — спросила Дэцин брата.

— Кое-что слышал. Знаю, что два года тому назад они собирались перевезти прах матери на родину. Но почему до сих пор не вернулись? И еще непонятно, зачем понадобилось ехать всем семейством? Вполне достаточно было двух человек. Я думал, княгиня уже здесь. А что, сестриц тоже увезли на юг?

— Тебе просто не повезло, — сказала Дэцин, — ведь как мы раньше, сестры, дружили. Тебе же особенно близки были Циньмо и Лумэй. Трудно найти пример столь трогательной дружбы! Но ты почему-то ими даже не поинтересовался. Впрочем, где тебе понять, как страдали сестрицы, что им пришлось пережить!

Пуую стало не по себе, и он поспешил спросить, что случилось.

— Да что сейчас об этом рассказывать, — произнесла Дэцин, — в тот год сестрицу Циньмо чуть не отдали замуж в дом Сунов из Шанъяна. Сестрица не хотела, а ее заставляли. Больше года от Сунов слали сватов. Дядюшка Цзинь уговаривал тетушку Гу отдать дочь насильно, даже принял от сватов подарки. От переживаний сестрица Циньмо заболела и чуть не умерла. Перед отъездом в Чжэцзян ей сказали, что как только придут на место, сразу выдадут замуж. Сколько можно было родить детей за это время, что тянулась эта история! А как несчастна сестрица Лумэй! За нее посватался богатый купец из Тина. Ему под пятьдесят. Фамилия его Чжу. Он уже уморил нескольких жен, остался бездетным и попросил одного чиновника сосватать ему невесту...

Пуую, нахмурившись, перебил сестру:

— А что дядя Цзинь? Почему не откажет? Решил породниться с богатым купцом?

— Он не просто купец, — пояснил Цзиньшу, — а потомственный чиновник, имеет ученую степень, но оставил службу. Он владеет ста тумнами и может скупать в заморских странах товары и вместе с другими купцами совершать всевозможные сделки.

— Все равно он не пара сестрице Лумэй! — воскликнул Пуую.

— Не только сестрица Лумэй противилась этому браку, — продолжала Дэцин, — дядюшка тоже не хотел. Только ее мать, госпожа На на этом настаивала. Сестрице Лумэй уже двадцать, она все время болеет. А госпожа На состарилась, поэтому и хотела скорее выдать дочь замуж. Вот как это получилось.

— Что получилось? — спросил Пуую.

— Ты только и знаешь «что, что», а сам не ешь и не пьешь, — попеняла Пуую Дэцин.

Пуую торопливо выпил вина, подцепил палочками кусочек мяса, отправил в рот и снова спросил: «Ну, а дальше?» Дэцин с улыбкой продолжала:

— Купец прислал столько подарков, что ни одному князю не по карману. Лошадей и верблюдов здесь не включают в калым, как у нас. Так вот, он прислал два жезла счастья из ханьского нефрита, два жемчужных браслета, статуэтку Гуаньинь из зеленой яшмы, два больших блода, заколку для волос, украшенную драгоценными камнями, пять пар золотых часов, ожерелье из чистого золота и коралловую ветку. Не говоря уже о прочих украшениях, одежде, мехах и шелках. К свадьбе еще было прислано восемь золотых кубков и тысяча ланов серебра.

— Сестрица, откуда тебе все это известно? — удивился Пуую.

— Я сама была на празднике подношения даров и видела собственными глазами.

— А жениха видела?

— Нет. Биньхун его видела, когда он приходил к тете На.

Пуую быстро подозвал служанку и спросил:

— Ну, что скажешь об этом старике?

— У него лицо сморщенное, как грецкий орех. Вместо глаз будто воткнули яшму и перламутр. И смотрят они в разные стороны, при этом один — зе-

ленный, другой — голубой. Голос гнусавый, борода от самых ушей, рот кривой и вонючий. Тут не то что прекрасная, как хрусталь, барышня Лумэй, последняя служанка умрет от отвращения.

Слушая ее, все так и покатывались со смеху.

— Болтушка! — проговорила Цзиньшу, — а с чего ты взяла, что он вонючий?

— Я все как есть сказала, — нахмутив брови, упрямо твердила Биньхун. — Что там лицо. Поглядели бы вы вообще на него — старый пенёк в шелку и бархате!

Снова раздался взрыв смеха.

Пуую спросил, что же было дальше.

— Только сестрица Лумэй услышала, что ее отдадут замуж, — продолжала Дэцин, — перестала есть и пить, целыми днями плакала. А однажды, уже незадолго до свадьбы, схватила нож и ножницы и хотела покончить с собой, хорошо, что Хуамэй и госпожа На успели ее удержать. Хуамэй, видя, как убивается барышня, пошла к тетушке Гу и попросила разорвать брачный договор. Начался скандал. Тетушка Гу избила Хуамэй. А вскоре после этого, как-то ночью, Лумэй со служанкой исчезли.

Пуую побледнел:

— Как исчезли?

— Не знаю. Пропали и все. Ни служанки, ни няньки, ни мамки — никто ничего не заметил. Дяди

Цзиня не было дома, все переполошились, бросились на поиски, только напрасно. Беглянок и след простыл. Вернулся дядя Цзинь. Стали думать, как быть, оставалось лишь разорвать договор, но купец подал в суд, поднял шум. А дядя, хоть и порядочный человек, но не так богат, чтобы вернуть калым и заплатить неустойку. Да и кому скажешь, что сестрица Лумэй исчезла? Наконец, выход был найден — решили вместо Лумэй отдать Цюйюй, как некогда поступил ханьский император, пытавшийся подсунуть правителю гунов ненастоящую принцессу. Цюйюй девушка красивая, а тут ее принарядили, надели жемчужные и коралловые украшения, и ее вполне можно было принять за настоящую барышню. Ей еще повезло — отдали вместе с четырьмя служанками Лумэй. Говорят, они с купцом прекрасная пара. Этот Чжу на Цюйюй не надышится.

— Ну, а что же все-таки случилось с сестрицей Лумэй? — спросил Пуую.

В это время принесли еду, и Дэцин замолчала. Пуую снова обратился к Биньхун:

— Неужели сестрица Лумэй сбежала?

— Не сбежала она! Бросилась в колодец и утонула, — ответила служанка.

Пуую поперхнулся, выронил чашку и палочки и, побледнев, повалился на кан.

Перевод со старомонгольского Л. Скородумовой

Информация об авторах

Андреев Александр Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН (Музей-квартира П. К. Козлова).

andreev_ai@inbox.ru

Валеев Рамиль Миргасимович — доктор исторических наук, профессор. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Академия наук Республики Татарстан.

valeev200655@mail.ru

Дампилова Людмила Санжибоевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, координатор работы отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН.

dampilova_luda@rambler.ru

Ерофеева Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник Международного центра сближения культур (г. Алматы, Казахстан). Почетный профессор Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан).

ierof@mail.ru

Зорин Александр Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург.

kawi@yandex.ru

Жуков Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, специалист по связям с общественностью Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ), член Координационного совета Санкт-Петербургского Союза ученых (СПбСУ).

gratis2002@inbox.ru

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.

kulgan@inbox.ru

Манджиева Булгун Бадмаевна — кандидат филологических наук, зав. отделом фольклора КИГИ РАН.

mbbairta@yandex.ru

Попов Антон Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

andreev-aleksandr-2014@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

ropot@mail.ru

Сапожникова Олеся Андреевна — старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

sapoznikova89@mail.ru, 89169595080

Соловьева Алевтина Андреевна — методист Центра типологии и семиотики фольклора, ассистент Института восточных культур и античности РГГУ. Москва. Россия.

asolovyova@yandex.ru

Юсупова Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

ti-yusupova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ МОНГОЛИКИ-XVII

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек)	6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба	11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде	24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба	27
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин	30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.	35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.	42
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»	48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения	52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса	61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации	65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки	69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии	78
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харькова. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»	83
ПЕРЕВОДЫ	
Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой)	88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой)	91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (<i>Окончание</i>) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой)	93
Информация об авторах	103